Сочиненія

Густава Эмара.

Новая Бразилія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе П. П. Сойкина
12, Стремянная, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 27 Сентября 1899 года.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12.

I. Отъѣздъ.

Поступивъ юнгой на судно девятилѣтнимъ мальчикомъ, я въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ плавалъ исключительно въ сѣверныхъ моряхъ. Судно, на которомъ мнѣ пришлось плавать тогда, была небольшая двухмачтовая рыболовная лодка, снаряженныя спеціально для ловли сельдей. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, благодаря счастливому случаю мнѣ удалось опредѣлиться на другое, шотландское, трехмачтовое судно, вмѣстимостью около 800 тоннъ. Называлось оно „Полли" и строилось въ Глазго; командиромъ ея былъ славный капитанъ Гриффитъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи тридцать пять человѣкъ экипажа.

„Полли" шла сперва въ Средиземное море, гдѣ мы въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ занимались каботажемъ, принимая грузъ въ одномъ изъ портовъ, для доставки его въ другой, но вотъ, на мое счастье, командиръ принялъ въ Тріестѣ полный грузъ на Ріо-Жанейро, въ Бразилію.

Съ того момента, когда я впервые вступилъ на судно, моей завѣтной мечтой, единственнымъ моимъ желаніемъ было добраться до Америки, этой страны чудесъ, о которой я слышалъ и читалъ столько фантастическихъ разсказовъ, увлекавшихъ мое воображеніе въ такой сильной степени, что я сталъ бредить ей и ходилъ, какъ помѣшанный, постоянно носясь со своей мечтою.

Когда я первый разъ вступилъ на берегъ Америки, мнѣ едва исполнилось четырнадцатъ лѣтъ. Какое-то

инстинктивное, непреодолимое чувство влекло меня къ этой странѣ.

Покинувъ Францію въ 1827 году, я вернулся туда лишь въ концѣ 1847 года, пробывъ въ отсутствіи, вдали отъ родины, почти двадцать одинъ годъ. Въ тридцать лѣтъ я изучилъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, но почти совершенно забылъ свой родной; и когда мнѣ приходилось говорить по французски, то въ выговорѣ моемъ слышался сильный испанскій акцентъ. Въ то время въ Америкѣ рѣдко можно было встрѣтить француза; меня же судьба забросила въ самую глушь этой страны—къ индѣйцамъ большой Саванны, гдѣ я прожилъ многіе годы и ужъ, конечно, не имѣлъ возможности бесѣдовать на своемъ родномъ языкѣ съ моими краснокожими друзьями.

Впослѣдствіи я возвращался еще нѣсколько разъ въ Америку и всегда съ чувствомъ глубокой радости привѣтствовалъ гостепріимный берегъ этой прекрасной и богатой страны, гдѣ люди такъ безхитростны и радушны.

Къ несчастію, нѣкоторыя обстоятельства принудили меня отказаться, наконецъ, отъ морскихъ путешествій, любимыхъ мною и до сихъ поръ. Я рожденъ морякомъ, неутомимымъ искателемъ приключеній, въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Мнѣ положительно необходимъ просторъ, безпредѣльная ширь и даль синяго океана, пустыня и яркое солнце. Мнѣ душно въ городахъ, и та цивилизація, какою насъ потчуютъ—страшитъ и пугаетъ меня. Умаленіе личности ради какихъ-то общихъ интересовъ и общаго блага—всегда возмущало меня, какъ вопіющая несправедливость, и я всегда, гдѣ только могъ, протестовалъ противъ такого, по моему мнѣнію, насилія.

Вотъ что значитъ пожить съ дикарями. Знаю, что всѣ осудятъ меня; но что мнѣ до того! Я могу смѣло сказать, что всей душой сочувствую своимъ краснокожимъ пріятелямъ, которые упорно отказываются отъ нашей цивилизаціи.

Словомъ, въ продолженіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ я испывалъ и томился тоской по Саваннамъ, по безпредѣльной дали

горизонтовъ, по приволью прерiй. Несмотря на свой уже довольно преклонный возрастъ, я мечталъ еще объ одномъ, послѣднемъ путешествiи въ Америку. Я мечталъ объѣхать ее всю, съ сѣвера и до юга и, наконецъ, закончить свое путешествiе, поселившись вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, рожденномъ отъ индiанки изъ племени Команчей, который жилъ посреди дѣвственныхъ лѣсовъ на границѣ Канады.

Но увы! это были только мечты. Я былъ человѣкъ крѣпостной, прикрѣпленный къ землѣ, и мнѣ приходилось молча покориться своей судьбѣ.

Между тѣмъ тоска по второй моей родинѣ положительно снѣдала меня и мѣшала даже жить. Я не хотѣлъ никого видѣть, нервы мои расшатались до такой степени, что я уже не могъ съ ними сладить и дѣлался въ тягость и себѣ и другимъ.

Надо было покончить разомъ; я положительно боялся за свой разсудокъ, до того сталъ раздражителенъ и нервенъ.

Но мнѣ не представлялось никакого исхода, какъ вдругъ случай, который всегда благопрiятствовалъ мнѣ въ жизни, и на этотъ разъ вспомнилъ обо мнѣ. Въ тотъ моментъ, когда я менѣе всего на то разсчитывалъ, онъ помогъ мнѣ вернуть свободу, ту самую свободу, по которой я столько времени вздыхалъ и которая необходима мнѣ, какъ воздухъ необходимъ для людей.

Въ одну недѣлю всѣ дѣла мои были приведены въ порядокъ и окончены, и я поспѣшилъ обезпечить себѣ проѣздъ,—а на девятый день уже мчался на всѣхъ парахъ въ Гавръ, оттуда на Рiо-Жанейро. Не оглядываясь назадъ, я поспѣшно вступилъ на палубу судна, увозившаго меня изъ Европы и изъ груди вырвался отрадный вздохъ облегченiя.—Наконецъ-то, опять желанная свобода!

Хотя мнѣ было много болѣе шестидесяти лѣтъ, но я чувствовалъ себя сильнымъ и бодрымъ, какъ въ годы моей юности. Я снова сталъ тѣмъ же смѣлымъ и беззаботнымъ искателемъ приключенiй. Ступивъ на палубу, я снова почувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ, здоровымъ и доволь-

нымъ своею участью; вдыхая полною грудью свѣжій морской воздухъ, пожирая глазами синюю даль необъятнаго горизонта, я забывалъ всѣ свои тяготы и невзгоды.

Карабель, на которомъ я отплылъ изъ Гавра, принадлежалъ компаніи Союза Грузовщиковъ, и назывался „Ла-Портенья“.

Это было прекраснѣйшее судно, правда не большое, но хорошо и уютно отдѣланное, съ исправною машиной и прекрасной наружностью.

Насъ было около тридцати человѣкъ пассажировъ перваго класса, размѣщавшихся въ тѣсныхъ, но довольно удобныхъ каютахъ, но съ этимъ я охотно мирился, такъ какъ послѣ Тенерифа совершенно распростился съ своей каютой и сталъ проводить даже ночи на палубѣ, завернувшись въ свой широкій дорожный плащъ.

Большинство пассажировъ были бельгійцы, торговцы изъ Буэносъ-Айреса; далѣе, три француза, два природныхъ Буэносъ-Айресца и одинъ Чиліецъ, надменный и хвастливый, пробывшій нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, гдѣ онъ не видѣлъ ничего кромѣ кабаковъ и бульварныхъ кафе, научился жаргону низшаго полусвѣта и вообразилъ, что знаетъ французскій языкъ. Весьма естественно, что такого сорта люди могутъ только весьма не лестно отзываться о Франціи и въ особенности о Парижѣ и парижанахъ.

Но, къ счастью, не всѣ пассажиры „Ля-Портенья“ были таковы и въ общемъ я не могъ на нихъ пожаловаться. А капитанъ, настоящій старый морякъ, смѣлый и прямодушный человѣкъ, много видавшій на своемъ вѣку и весьма опытный въ своемъ дѣлѣ, былъ чрезвычайно внимателенъ къ своимъ пассажирамъ и заслужилъ на первыхъ-же порахъ общее расположеніе.

Офицеры походили на своего начальника; все это были люди смѣлые, веселые, любезные и образованные,—и я не замедлилъ сойтись съ ними. Но болѣе всѣхъ я сдружился съ докторомъ Лежандромъ, человѣкомъ очень ученымъ, воспитаннымъ, искуснѣйшимъ врачемъ и при томъ человѣкомъ свѣтскимъ до мозга костей.

Онъ былъ не только ученый, но и человѣкъ любознательный, любящій науку, поступившій на „Ла-Партенья“ въ качествѣ врача, исключительно въ интересахъ науки.

Со времени примѣненія пара, искусство навигаціи стало совсѣмъ иное: всѣ душевныя тревоги и волненія, испытываемыя нѣкогда моряками, отошли почти въ область преданій. Судно идетъ своимъ путемъ безостановочно, днемъ и ночью, къ назначенному мѣсту, прибываетъ туда въ назначенный день и почти-что въ назначенный часъ, точно желѣзнодорожный поѣздъ.

Въ былое время мы плыли не менѣе трехъ мѣсяцевъ изъ Гавра въ Ріо-Жанейро и то на ходкомъ суднѣ, съ отличной парусностью, а теперь совершаемъ это путешествіе въ какихъ-нибудь двадцать сутокъ, а если-бы не было дневокъ и остановокъ въ различныхъ попутныхъ портахъ, то и скорѣе.

Между тѣмъ какъ пассажиры засаживались за карты, я или бесѣдовалъ съ докторомъ Лежандромъ, или читалъ прекраснѣйшую книгу Руазеля объ Атлантахъ.

Въ ту пору, когда я былъ новичкомъ въ мореплаваніи на „Полли“, насъ случайно занесло бурей въ неизвѣстную часть океана, гдѣ море имѣло своеобразный, необычайный видъ: вся поверхность его была покрыта плавучими травами и водорослями, а мѣстами оно положительно кипѣло, бурлило и пѣнилось, какъ будто въ этомъ мѣстѣ была цѣлая гряда подводныхъ скалъ и рифовъ, мѣстами-же казалось положительно стоячимъ болотомъ.

Капитанъ Гриффитъ, какъ я уже говорилъ раньше, былъ человѣкъ ученый и весьма свѣдующій во многомъ. Онъ поспѣшилъ немедленно повернуть на другой галсъ и когда мы удалились отъ того мѣста на нѣсколько миль, полетѣвъ на всѣхъ парусахъ отъ грозившей нашему судну опасности, пояснилъ намъ, что мы находимся въ Саргассовомъ морѣ, той части океана, гдѣ Христофоръ Колумбъ чуть было не погубилъ всѣ свои суда.

Я былъ еще очень молодъ въ то время, но фактъ этотъ сильно врѣзался въ моей памяти.

Однажды, подъ утро, когда я еще спалъ, меня разбудилъ докторъ Лежандръ, сказавъ мнѣ:

— Идите взглянуть на море!

Я вскочилъ и пошелъ за нимъ.

Кругомъ на громадномъ пространствѣ все море было покрыто большими клубами морскихъ травъ и водорослей, раскачиваемыхъ волнами въ ту и другую сторону.

— Здѣсь, въ этихъ странахъ, постоянно наблюдается это явленіе!—сказалъ подошедшій къ намъ капитанъ.

— Чему-же вы приписываете это скопленіе плавучихъ травъ?—спросилъ я его.

— Мы окружены здѣсь островами со всѣхъ сторонъ,—сказалъ онъ,—Гольфъ-Штермъ, омывающій Америку, относитъ сюда травы и водоросли Миссисипи, которыя и скопляются здѣсь!

Я недовѣрчиво покачалъ головою.

— По моему мнѣнію, это не совсѣмъ такъ!—Ну, а вы какого мнѣнія объ этомъ?—освѣдомился я у доктора.

— Право, не знаю, но очень хотѣлъ-бы знать!—сказалъ онъ.

Капитанъ отошелъ въ сторону, чтобы сдѣлать какое-то распоряженіе.

— Думаю, что съумѣю удовлетворить вашему желанію,—продолжалъ я,—пойдемте въ каютъ-компанію!

Докторъ послѣдовалъ за мной. Я принесъ изъ своей каюты моего возлюбленнаго Руазеля — „*Атланты*“ и прочелъ ему въ полъ-голоса, на страницѣ 32-й, слѣдующій параграфъ:

— „Гибель Атлантиды, совершившаяся такъ внезапно, повидимому, все еще продолжается и дно морское подвергается постояннымъ измѣненіямъ. Не только травы стали теперь встрѣчаться не въ прежнемъ изобиліи, но и на морскихъ картахъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій нанесена между Бермудскими и Азорскими островами цѣлая

гряда подводныхъ скалъ и рифовъ, коихъ современные мореплаватели никакъ не могли отыскать. То-же самое наблюдается и между островами Зеленаго Мыса и Антильскими. Эти двѣ подводныя гряды рѣзко обозначали на старыхъ картахъ предѣлы Саргассова моря....“

А на страницѣ 37 я прочелъ слѣдующее:

„Тысячи различныхъ достовѣрныхъ фактовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что Атлантида была крупнымъ материкомъ, погруженіе котораго въ море произошло въ сравнительно недавнее время, а мы уже доказывали выше, что, если бы даже этихъ доказательствъ и не существовало, то все-таки были-бы принуждены придти къ заключенію, что существовавшій нѣкогда материкъ безслѣдно исчезъ для того, чтобы объяснить въ свою очередь безслѣдное исчезновеніе тропичной флоры и фауны.“

„И такъ, мы имѣемъ передъ собою несомнѣнный фактъ; сравнительное изслѣдованіе преданій и памятниковъ древности новаго и стараго свѣта приведетъ насъ къ тому-же заключенію. Мы увидимъ, что то сходство, какое встрѣчается въ догматахъ различныхъ религій древнихъ народовъ, весьма и весьма отдаленныхъ другъ отъ друга, такъ велико, что ставитъ насъ въ необходимость приписать этимъ народамъ одно общее происхожденіе — одну общую исходную точку, которою по необходимости является Саргассово море.“

. . . .

— Ну что, довольны вы?—спросилъ я доктора.

— Конечно!

— Ну, такъ выслушайте вотъ еще это преданіе, дошедшее до насъ благодаря Платону и бросающее яркій свѣтъ на этотъ вопросъ. Руазель приводитъ намъ текстъ Платона на двадцать-четвертой страницѣ своей прекрасной книги. Вотъ онъ дословно, этотъ текстъ:

„Однажды, когда Солонъ бесѣдовалъ со жрецами Саиса объ исторіи древнихъ народовъ, одинъ изъ нихъ сказалъ ему: „О Солонъ, вы, Греки, всегда будете и останетесь

дѣтьми! Изъ васъ нѣтъ ни одного, который не былъ-бы новичкомъ въ наукахъ древности; вамъ даже неизвѣстно, что совершило то поколѣніе героевъ, котораго вы являетесь слабымъ и жалкимъ потомствомъ...

„То, о чемъ я разсказываю случилось девять тысячь лѣтъ тому назадъ.“

„Наши лѣтописи глясятъ о томъ, что страна ваша съумѣла отстоять себя и воспротивиться нашествію сильнаго и могущественнаго народа, вышедшаго изъ Атлантическаго Океана и покорившаго себѣ часть Европы. Въ то время море это было еще доступно для мореплавателей. У береговъ его былъ островъ, какъ разъ противъ устья, которое вы называете Геркулесовыми Столбами. Говорятъ, что съ этого острова, болѣе обширнаго чѣмъ Лидія и вся Азія, взятыя вмѣстѣ, было не трудно добраться до материка“.

„Въ этой-то Атлантидѣ были цари могучіе и славные своими доблестями и подвигами; имъ были подвластны не только всѣ прилегающіе острова, но и часть материка; кромѣ того они владѣли и Лидіей вплоть до Египта, а со стороны Европы вплоть до древней Тосканы. . . Но случились ужасныя землетрясенія, страшныя наводненія,—и въ однѣ сутки вся Атлантида исчезла, поглощенная моремъ.“

— Все это очень интересно,—сказалъ докторъ,—слѣдовало бы прочитать все! Очевидно, современная наука идетъ впередъ гигантскими шагами и попираетъ безповоротно прежнія вѣрованія и заблужденія. Мы, главнымъ образомъ, обязаны геологіи — этой столь юной, еще такъ недавно народившейся наукѣ, всѣми этими драгоцѣнными вкладами въ область человѣческихъ знаній.

На этомъ и прервался нашъ разговоръ.

Одинъ изъ служащихъ компаніи грузовщиковъ, отправившійся вмѣстѣ со мной изъ Гавра, долженъ былъ разстаться съ нами на Тенерифѣ. Звали этого господина г-нъ Жэно. Мы одновременно выѣхали съ нимъ изъ Парижа и, за все время его пребыванія на суднѣ, онъ былъ однимъ

изъ самыхъ милыхъ и пріятныхъ спутниковъ, такъ что всѣ очень сожалѣли, когда онъ на Тенерифѣ покинулъ насъ.

Этотъ Г-нъ Жэно далъ мнѣ къ одному изъ своихъ пріятелей въ Ріо-Жанейро записку, которая принесла мнѣ большую пользу.

Ла-Портенья шла ходко. Сперва мы увидѣли въ туманномъ ореолѣ прозрачныхъ облаковъ пикъ Тенерифа; сначала онъ былъ едва замѣтенъ, но вскорѣ можно было ясно видѣть его даже безъ помощи зрительныхъ трубокъ, а на слѣдующее утро мы уже стояли на рейдѣ Тенерифа.

Это самый большой изъ группы Канарскихъ острововъ, принадлежащій испанцамъ. Собственно говоря, это африканскій островъ. Торговлю онъ ведетъ довольно оживленную, главнымъ образомъ, благодаря удобству своего порта, а слѣдовательно и проплывающимъ судамъ, которыя сюда заходятъ.

Рейдъ превосходный; видъ съ моря поразительный, но едва только вы ступите на берегъ, какъ впечатлѣніе измѣняется.

Весь городъ и его столь удобная гавань, окруженная моломъ, находятся въ полнѣйшемъ запустѣніи. Молъ почти совсѣмъ развалился и представляетъ изъ себя груду развалинъ. Улицы, хотя широкія и прекрасно распланированныя, содержатся такъ грязно и неряшливо, что городъ производитъ отвратительное впечатлѣніе.

Зловоніе улицъ доводило меня до крайне болѣзненнаго состоянія; впрочемъ докторъ Лежандръ предупреждалъ меня о томъ, такъ что я получилъ только то, что долженъ былъ ожидать, отправляясь на берегъ.

Тѣмъ не менѣе вернувшись на судно, я съ наслажденіемъ любовался восхитительной панорамой острова съ ея величественнымъ пикомъ, достигающимъ 3.700 метровъ высоты.

Я слышалъ, что внутри островъ лѣсистъ и представляетъ собою прекраснѣйшее мѣстоположеніе.

Въ шесть часовъ капитанъ и пассажиры, сходившіе на берегъ, вернулись на судно, а въ восемь *Ла Портенья* стала подъ паруса и пошла на Ріо-Жанейро.

II. По пути въ Ріо-Жанейро.

Дантъ въ числѣ мукъ своего „Ада“ забылъ одну ужаснѣйшую муку—это мука людей различныхъ странъ, собравшихся со всѣхъ концовъ свѣта, людей различнаго развитія, образованія и воспитанія, съ разными интересами и разными характерами, которые принуждены жить вмѣстѣ, общею жизнью, не зная другъ друга, въ мучительной близости и вѣчной скученности, сосѣдствѣ за столомъ и въ постелѣ, на палубѣ и общей залѣ по вечерамъ и не имѣть возможности уйти отъ нихъ ни на минуту, отдохнуть хоть на полчаса отъ ихъ присутствія, надоѣдливаго и докучнаго—и это въ продолженіи цѣлаго мѣсяца или по меньшей мѣрѣ двадцати дней и двадцати ночей.

Такова жизнь пассажировъ судна, гдѣ-бы то ни было.

Въ продолженіи трехъ—четырехъ первыхъ дней это еще сносно. Каждый вноситъ свое, люди приглядываются другъ къ другу, изучаютъ одинъ другого, знакомятся, улыбаются другъ другу, рисуются одинъ передъ другимъ и взаимно наблюдаютъ другъ друга. Это еще довольно интересно, но затѣмъ, мало по малу, выясняется настоящій характеръ каждаго, пассажиры перестаютъ улыбаться другъ другу и начинаютъ кисло поглядывать одинъ на другого. По прошествіи восьми, девяти дней они уже ненавидятъ другъ друга, готовы вцѣпиться одинъ другому въ горло; сплетни, пересуды и наговоры растутъ и множатся съ поразительной быстротой; скука и раздраженіе подливаютъ масла въ огонь,—и жизнь становится адомъ для всѣхъ.

Одни проводятъ цѣлые дни во снѣ или дремотѣ, другіе дуются въ карты или пьютъ и ѣдятъ цѣлый день, нѣкоторые читаютъ или же дѣлаютъ видъ, будто читаютъ. И это было-бы еще сносно, но вотъ насцену выступаютъ женщины,— и начинается соревнованіе и соперничество всякаго рода; ребятишки пищатъ, ссорятся, кидаются между ногъ. Въ концѣ концовъ, всѣ избѣгаютъ даже говорить другъ съ дру-

гомъ, кромѣ случаевъ крайней необходимости, и начинаютъ считать не только дни, но и часы и минуты, отдѣляющіе несчастныхъ плѣнниковъ моря отъ часа ихъ освобожденія другъ отъ друга и отъ этой невыносимой жизни.

Гг. офицеры и экипажъ не страдаютъ отъ этой пытки— и это весьма логично и естественно: ихъ служебныя обязанности не даютъ имъ скучать, у нихъ едва находится свободная минутка для отдыха; для нихъ переѣздъ въ двадцать дней сущій пустякъ; они едва успѣютъ замѣтить его. Въ мое время, когда я самъ былъ морякомъ, до примѣненія пара, рейсы были ужасно продолжительны—самые меньшіе длились мѣсяца три, а противные вѣтры и продолжительные штили еще болѣе затягивали плаваніе. Жизнь становилась до крайности монотонной, кругомъ не было ничего, кромѣ моря и неба, неба и моря; мы становились желчны, раздражительны, не выносили другъ друга и, въ концѣ концовъ, начинали питать другъ къ другу глухую, затаенную ненависть. Но едва только на горизонтѣ появлялся клочекъ земли, какъ все было забыто, мы снова дѣлались веселы, дружны и доброжелательны другъ къ другу.

Но теперь я, мало-по-малу, сталъ грустенъ, задумчивъ, уединялся какъ можно чаще, словомъ, насколько я былъ веселъ и общителенъ въ первые дни, настолько сталъ угрюмъ и нелюдимъ впослѣдствіи.

Я часто думалъ, что прошло уже тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я не видѣлъ Ріо-де-Жанейро, и мнѣ становилось почти страшно увидѣть его вновь.

Пока „Портенья“ дѣлаетъ по шести узловъ въ часъ по спокойной поверхности океана, мы воспользуемся этимъ благопріятнымъ моментомъ и повторимъ вкратцѣ исторію той страны, куда лежитъ нашъ путь.

Честь открытія Бразиліи принадлежитъ португальцу Альваресу Кабраль. 3 мая 1500 года португальцы впервые вступили на берегъ этой страны въ Порто-Сегуро. Какъ это всегда бывало, туземцы приняли вновь прибывшихъ блѣднолицыхъ людей съ полнымъ радушіемъ и гостепріимствомъ.

Понятно, что адмиралъ, командовавшій португальской эскадрой, воспользовался дружескимъ расположеніемъ гостепріимнаго и безхитростнаго народа, чтобы водрузить тутъ же, на берегу, крестъ и столбъ съ португальскимъ гербомъ, означавшимъ завоеваніе всей этой страны и обрекавшимъ весь этотъ несчастный народъ на унизительное рабство блѣднолицымъ пришельцамъ и на безжалостное избіеніе въ близкомъ будущемъ, въ благодарность за ихъ радушный и дружественный пріемъ.

На этомъ берегу жили два племени: Тупи и Айморесы. Что сталось съ первыми изъ нихъ, съ цѣлымъ народомъ, состоявшимъ изъ шестнадцати сильныхъ и многочисленныхъ племенъ, никому не извѣстно.

Туписы, этотъ многочисленный кочевой народъ Бразиліи, почти современно исчезъ; лишь изрѣдка въ какомъ нибудь заброшенномъ селеніи можно встрѣтить остатки этихъ племенъ.

Что-же касается Айморесовъ, этихъ страшныхъ, опасныхъ людоѣдовъ, то они уцѣлѣли и въ продолженіи почти цѣлыхъ трехъ вѣковъ вели упорную борьбу съ завоевателями но окончательно разбитые и побѣжденные, перемѣнили свое названіе и бродятъ теперь подъ именемъ Ботокудо въ сіеррахъ и моренахъ Бразиліи, гдѣ непроходимые, недоступные дѣвственные лѣса гостепріимно раскрыли имъ свои объятія и укрываютъ ихъ отъ ненасытныхъ и безпощадныхъ преслѣдователей. Многіе изъ этихъ племенъ бѣжали даже въ самую глубь грозной пустыни Чако.

Съ ними, быть можетъ, исчезнетъ навсегда великая, древняя семья Бразильскихъ туземцевъ Тануясовъ, родоначальниковъ всего кореннаго населенія Бразиліи, которые въ эпоху покоренія и завоеванія насчитывали до ста-шестнадцати племенъ, могущественныхъ и сильныхъ своей численностью.

Здѣсь я хочу отмѣтить два характерныхъ факта этихъ истребительныхъ войнъ. Первый изъ нихъ разсказанъ нѣкимъ англичаниномъ Книветомъ, участвовавшимъ въ каче-

ствѣ солдата-добровольца въ одной изъ экспедицій Португальцевъ. Книветъ передаетъ въ слѣдующихъ словахъ результаты одной изъ битвъ съ Индѣйцами.

„До шестнадцати тысячъ дикихъ были убиты или забраны въ плѣнъ; этихъ послѣднихъ подѣлили между собою Португальцы наравнѣ со всякой другой военной добычей. Затѣмъ они овладѣли еще нѣсколькими селеніями: старцы и калѣки были тутъ-же зарѣзаны, а здоровые люди превращены въ рабовъ. Въ продолженіи семи дней вся эта мѣстность была разграблена, раззорена и предана огню".

А вотъ и второй фактъ, еще болѣе яркій.

Племя Кахетовъ, припертое къ горѣ Акезиба, близь Пернамбуко, совершило злодѣйское убійство одного епископа, потерпѣвшаго кораблекрушеніе у этихъ береговъ. Губернаторъ Багіи жестоко покаралъ это племя, что въ сущности являлось справедливой репрессивной мѣрой, но не довольствуясь этимъ, онъ и приговорилъ всю эту рассу къ рабству до послѣдняго колѣна, наказуя не только отцовъ, но и дѣтей, и внуковъ ихъ, и все ихъ потомство.

Справедливость требуетъ сказать, что этотъ указъ былъ отмѣненъ впослѣдствіи, но уже тогда, когда не было болѣе Кахетовъ.

За Португальцами и Французы, а затѣмъ и Голландцы захотѣли отвѣдать лакомаго пирога, къ которому указалъ дорогу адмиралъ Альваресъ Кабраль.

Здѣсь я буду говорить вкратцѣ словами Карла Рибейролля, лучшаго путеводителя и лѣтописца.

Адмиралъ Колиньи вовсе не былъ морякомъ, но это былъ человѣкъ большого ума, чрезвычайно развитой и ученый, что, пожалуй, даже гораздо лучше. Онъ сразу понялъ, что всѣ великія дѣла его времени были не въ Европѣ, а въ Новомъ свѣтѣ, и сталъ подъискивать человѣка, который-бы понялъ его мысль. И такого человѣка онъ нашелъ.

Въ числѣ старыхъ солдатъ и моряковъ былъ нѣкій бывшій мальтійскій рыцарь, по имени Дюранъ-де-Виллльганьонъ, состоявшій въ то время вице-адмираломъ въ Бретани и исдѣ-

лавшійся ревностнымъ Гугенотомъ. Это былъ человѣкъ очень честолюбивый, съ желѣзной волей и крутымъ нравомъ, но болѣе развитой, чѣмъ большинство офицеровъ и военныхъ его времени.

Старые воины поняли другъ друга. Имъ нужно было высадиться гдѣ нибудь въ Новомъ Свѣтѣ, основать колонію и дать такимъ образомъ Франціи землю и тотъ-же блескъ ея могуществу, какой придавали Испаніи и Португаліи ихъ нарождающіяся колоніи. Кромѣ того, такая колонія могла бы служить убѣжищемъ для людей новой вѣры, т. е. для гугенотовъ, явившись за предѣлами океана свободнымъ уголкомъ для всѣхъ гонимыхъ на родинѣ и ищущихъ свободы. Такова была цѣль этого предпріятія.

Въ ту пору царствовалъ Генрихъ II. Онъ предоставилъ въ распоряженіе экспедиціи два корабля и десять тысячь ливровъ деньгами.

Виллъганьонъ былъ хорошо знакомъ съ моремъ, ему можно было довѣрить эскадру. 15-го іюля 1556 года онъ вышелъ изъ Гавра.

Плаваніе продолжалось очень долго. Никакихъ военныхъ столкновеній на пути не было, но за то было нѣсколько сильныхъ бурь и другихъ подобнаго рода препятствій, такъ что французскіе мореплаватели сошли на берегъ у входа въ Габаро (Ріо-де-Жанейро) лишь 13-го ноября слѣдующаго года. Солдатъ и матросовъ въ общей сложности было 80 человѣкъ на обоихъ судахъ: жалкая горсть людей для Айморесовъ или португальцевъ! Не смотря на свой умъ и смышленность Виллъганьонъ сдѣлалъ нѣсколько весьма крупныхъ ошибокъ, въ томъ числѣ двѣ такихъ, которыя и погубили его: первая—была его крайняя религіозная нетерпимость, самъ онъ былъ человѣкъ строгой жизни—суровый аскетъ, ярый блюститель нравственности. При немъ состояли въ качествѣ переводчиковъ для переговоровъ съ индѣйцами два матроса; одинъ изъ нихъ состоялъ въ связи съ дѣвушкой туземкой изъ племени Тупинамбасъ. Адмиралъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ ему: „или женись на ней, или-же брось“.

Матросъ не женился на дѣвушкѣ, но затѣялъ заговоръ противъ адмирала.

Заговоръ былъ обнаруженъ и Виллыганьонъ троихъ казнилъ, а остальныхъ сообщниковъ заковалъ въ кандалы, вслѣдствіе чего лишился одной трети своихъ людей, т. е. тридцати человѣкъ изъ числа восьмидесяти.

Между тѣмъ на помощь ему спѣшило подкрѣпленіе. 19-го ноября 1557 г. маленькая эскадра, состоявшая изъ трехъ судовъ, подъ начальствомъ Буа-ле-Контъ, племянника Колиньи, вышла изъ Гонфера и, перенеся не мало бурь и попутныхъ схватокъ съ пиратами, прибыла, наконецъ, 10-го марта 1558 г. на островъ Виллыганьона.

Это подкрѣпленіе, явившееся такъ кстати, состояло изъ трехсотъ-человѣкъ солдатъ, нѣсколькихъ орудій и цѣлаго транспорта библій. Радость была великая, но продолжалась она не долго.

Что послужило причиной розни, осталось никому не извѣстнымъ.

Теодоръ-де-Бэръ и всѣ други обвиняли Виллыганьона въ томъ, что онъ измѣнилъ адмиралу ради Гизовъ, Женевѣ—ради Екатерины и своей вѣрѣ ради своего честолюбія—они называютъ его Каиномъ Америки. А вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрно извѣстно, что и Португальцы, и іезуиты считали его своимъ опаснымъ и непримиримымъ врагомъ.

Кому же и чему вѣрить?

Если-бы Виллеганьонъ съумѣлъ выждать и предоставить священникамъ дѣло вѣры, къ нему подоспѣло бы еще новое подкрѣпленіе, потому что знатные гугеноты подымались и выступали со всѣхъ концовъ государства.

Что-же касается до государственной измѣны и оффиціальнаго соглашенія съ Гизами, то въ исторіи мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда подобныхъ фактовъ. Несомнѣнно только его вѣроотступничество по возвращеніи во Францію.

Но что-же сдѣлали священники?

Ихъ можно обвинить въ излишнимъ усердіи и совершенномъ неумѣніи дѣйствовать, какъ слѣдуетъ,

Несмотря на удачно начатую миссіонерскую дѣятельность, не смотря на любовь, которую священники успѣли завоевать среди туземнаго населенія, они сѣли на суда и отплыли на родину.

Между тѣмъ Донна Катарина Австрійская послала два корабля съ двумя тысячами солдатъ и капитаномъ Барталомео-де-Васеконселлосъ, и португальскій флотъ, имѣя на одномъ изъ судовъ губернатора, побѣдоносно вошелъ въ заливъ Ріо 21-го февраля 1560 года.

Флотъ этотъ, усиленный вновь прибывшимъ подкрѣпленіямъ, былъ богатъ орудіями и всякаго рода запасами и снарядами и силенъ численностью своихъ людей.

Артиллерія его стрѣляла въ продолженіи цѣлыхъ двухъ сутокъ, но это была напрасная трата пороха: фортъ не сдавался и упорно отстрѣливался. Этотъ маленькій островокъ имѣлъ отважныхъ защитниковъ въ лицѣ французскаго гарнизона и восьмисотъ человѣкъ Танойосовъ и Тупинамбасовъ, искусныхъ и опытныхъ стрѣлковъ изъ лука, научившихся къ тому-же владѣть и огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Флотъ отступилъ подъ непрерывнымъ огнемъ непріятеля до острова Пальмъ и тутъ былъ собранъ военный совѣтъ, а съ наступленіемъ ночи и подъ покровомъ темноты, послѣ поспѣшнаго отступленія, весьма походившаго на бѣгство, снова было совершено совершенно неожиданное нападеніе на укрѣпленія, защищавшія островъ съ суши.

Весь гарнизонъ спалъ послѣ дневныхъ трудовъ. Приступъ оказался удачнымъ, крѣпость была взята и на слѣдующую ночь Индѣйцы и Французы покинули фортъ; одни изъ нихъ направились въ глубь своихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, а другіе сѣли на суда и ушли въ открытое море.

Такъ окончилась эта экспедиція, которая могла повлечь за собой крупныя завоеванія.

Въ 1620 году республика Батавія имѣла свое прочное правительство, свои войска, свой флотъ и самыхъ смѣлыхъ и отважныхъ командировъ на своихъ судахъ.

Португалія подпала подъ власть Испаніи, которая держала ее въ рукахъ и обращалась съ нею какъ съ вассаломъ во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ.

Изъ за этого возникла война между этими двумя государствами—и этими двумя народами.

На этотъ разъ Португаліи приходилось считаться не съ Виллеганьонами и Ларивардьерами, одинокими заброшенными воинами—авантюристами, но съ принцемъ Оранскимъ Бертевельдтомъ и Морицомъ Нассаускимъ—истыми героями, и не съ кучкой злополучныхъ солдатъ, а съ цѣлымъ народомъ. Собственно говоря, истинная причина этой войны была довольно ясно высказана однимъ антверпенскимъ негоціантомъ:

— „Если мы нападемъ на Испанію въ Америкѣ, то она будетъ принуждена отправить туда часть своихъ войскъ и такимъ образомъ ослабить свое могущество и силы въ Европѣ“.

Семнадцатый вѣкъ являлся, такъ сказать, послѣднимъ вздохомъ средневѣковаго времени, тогда войны были ужасны, безпощадны и жестоки до крайности. Флибустьеры объявляли, что „по ту сторону тропиковъ не можетъ быть міра съ Испаніей“.

Голландцы привязали метла къ гротмачтамъ своихъ судовъ и снарядили корсаровъ, чтобы тѣ крейсировали у береговъ Испаніи, дѣлая на испанскія суда нападенія подъ флагомъ республики.

Голландскіе негоціанты и судовладѣльцы всѣ въ одинъ голосъ говорили:

„Бразилія, въ которой принадлежитъ Португаліи только полоса прибрежья на протяженіи трехъ сотъ миль, такъ-же велика по своему объему, какъ вся Европа. И вся эта громадная территорія имѣетъ всего только три укрѣпленныхъ пункта: Пернамбуко, Багія и Ріо-де Жанейро. Вооруженный флотъ могъ легко войти во всякое время и овладѣть этими тремя пунктами безъ большого риска—а тамъ дальше вся страна была совершенно свободна и открыта“.

Но что могла дать эта страна?

Сахарный тростникъ, эссенціи, разное дерево и всѣ тропическіе, колоніальные товары въ такомъ количествѣ, что ихъ съ избыткомъ хватило-бы, чтобы снабжать ими всю Европу отъ Шельды до Дуная, и отъ Луары до Нѣмецкаго моря.

Кому-же должны приходиться фрахтовыя деньги? Конечно, Голландіи!

Въ январѣ 1634 года Голландцы завладѣли Итамарка, Парахиба и Ріо-Гранде, построивъ форты на всей береговой линіи. Три обширныхъ провинціи были уже въ ихъ распоряженіи. Въ 1636 г., владѣя всѣми портами Бразиліи, Голландцы имѣли для охраны берега на протяженіи ста миль десять военныхъ боевыхъ судовъ и до четырехъ тысячъ отборнаго войска. Испаніи эта война обошлась въ двѣсти милліоновъ. Португальцы отчаянно отстаивали свои права и интересы, ни на минуту не теряя мужества и не падая духомъ—эта война покрыла ихъ славой.

Голландія проиграла въ это время съ точки зрѣнія нравственной и къ тому же была предательски покинута своими въ самый критическій моментъ.

Въ то время Генеральные Штаты уже не были тѣмъ гордымъ, могущественныммъ сенатомъ, который мѣрялся силами съ міровой Испаніей временъ Филиппа II-го.

Теперь внутреннія раздоры Оранскаго дома подрывали силы страны. Въ Англіи республика доживала свои послѣдніе дни; война могла возгорѣться ежеминутно между этими двумя сестрами протестантками,—и этой то братоубійственной войны только и выжидалъ молодой король Людовикъ XIV. Голландія не посылала уже ничего своей Пернамбукской колоніи, всѣ настоятельныя просьбы и мольбы о подкрѣпленіяхъ и поддержкѣ оставались безъ отвѣта и, несмотря на это постыдное къ нему отношеніе, маленькій гарнизонъ капитулировалъ лишь по прошествіи семи лѣтъ совершенно непосильной борьбы, блокированный въ своемъ послѣднемъ укрѣпленіи.

Такое паденіе было не позоромъ, но гордымъ отступленіемъ передъ силою рока.

III. Прибытіе въ Ріо-де-Жанейро.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ насъ преслѣдовали сильные шквалы, возвѣщавшіе близость экватора. Въ былое время, т. е. еще лѣтъ двадцать тому назадъ, прохожденіе экватора являлось великимъ празднествомъ для экипажей всѣхъ судовъ и предлогомъ ко всякаго рода необычайнымъ шуткамъ и продѣлкамъ, зачастую весьма непріятнымъ для пассажировъ и матросовъ - новичковъ, которымъ впервые случалось проходить эти мѣста.

Надо сказать, что матросы заранѣе готовились къ этому торжеству, которое являлось для нихъ не только весельемъ, но и часто давало большіе барыши. Нѣкоторые ученые утверждаютъ, будто этотъ обычай, своего рода сатурналій, ведется со временъ Ганона, Карфагенскаго мореплавателя, который рѣшился объѣхать вокругъ Африки въ шестомъ вѣкѣ до Рождества Христова, и преданіе о которомъ сохранилось у древнихъ Грековъ. Другіе приписываютъ эту дикую церемонію Финикійцамъ.

Я не ученый и болѣе склоненъ вѣрить другой версіи, относящей этотъ обычай къ 1892 году христіанской эры.

Говорятъ, что когда Христофоръ Колумбъ во время своего перваго путешествія съ цѣлью открыть новый путь въ Индію, послѣ цѣлаго ряда опасностей и приключеній дошелъ до экватора, то объявилъ своему экипажу, что они вступили теперь въ южное полушаріе, и что съ этого момента успѣхъ ихъ предпріятія обезпеченъ.

Тогда экипажъ всѣхъ трехъ судовъ его эскадры предался безумному веселію и такимъ образомъ положено было начало этому празднеству, которое постоянно соблюдалось всѣми моряками до введенія пара.

Эта послѣдняя легенда кажется мнѣ наиболѣе правдоподобпой, но за достовѣрность ея я не ручаюсь, а говорю, какъ итальянцы: „Si non é vero, é ben trovato“.

На пакеботахъ ограничиваются тѣмъ, что выдаютъ матросамъ двойную порцію спирта и двойной паекъ въ этотъ день, что-же касается парусныхъ судовъ, то я не знаю, сохранили-ли они еще и теперь этотъ старый обычай празднества.

Теперь, когда этотъ праздникъ экватора перешелъ уже въ область преданія среди моряковъ и вскорѣ, можетъ быть, совершенно предастся забвенію, я хочу разсказать, какимъ образомъ праздновался онъ въ былое время какъ на военныхъ, такъ и на торговыхъ судахъ.

Въ этотъ день строжайшая дисциплина, царившая всегда на судахъ, ослаблялась на нѣсколько часовъ, давая экипажу возможность немного передохнуть и собраться съ силами для перенесенія новыхъ лишеній и опасностей, ожидающихъ ихъ впереди.

Корветъ Героиня, на которомъ я находился, пользуясь благопріятнымъ для нее зюдъ-эстомъ, шла хорошо и перерѣзала экваторъ подъ 21° долготы.

Съ кануна вечера и новички, и матросы приняли какой-то сосредоточенный видъ, весьма таинственный, что не мало тревожило тѣхъ трехъ—четырехъ пассажировъ, которые были съ нами на суднѣ. Марсовые вахтенные матросы усиленно перешептывались между собой, оживленно жестикулируя и поминутно подавляя смѣхъ.

Подъ вечеръ, когда солнце ужъ скрылось за горизонтомъ, сверху крикнулъ дрожащій голосъ матросика.

— Холла! Судно!

— Хо, хо!—отозвался вахтенный офицеръ.

— Гонецъ отъ батьки Тропика!

И вслѣдъ за тѣмъ цѣлый градъ сушеныхъ бобовъ и гороха посыпался на палубу и забарабанилъ по ней, какъ градъ по черепичной крышѣ.

Затѣмъ раздалось нѣсколько звонкихъ ударовъ бича и

съ фокъ-марса съ ловкостью и проворствомъ обезьяны спустился почтальонъ, который подойдя къ вахтенному офицеру, съ поклономъ вручилъ ему письмо въ конвертѣ министерскаго размѣра.

Офицеръ при немъ же вскрылъ письмо и пробѣжавъ его глазами, даже не улыбнувшись, отвѣтилъ:

— Командиръ будетъ имѣть честь принять Его Величество, Отца Экватора, завтра въ полдень!

Почтальонъ поклонился и, не смотря на свой длинный бичъ и невѣроятныхъ размѣровъ шпоры, быстро вскарабкался на мачты, гдѣ и остался.

Первый актъ этой удивительной комедіи былъ сыгранъ.

На слѣдующій день, послѣ уборки, марсовые матросы занялись сооруженіемъ палатки, изготовленной изъ старыхъ парусовъ. Вправо были разставлены кресла, предназначавшіяся для свиты и двора Его Величества Отца Тропика, а влѣво—лубочный жертвенникъ и рядомъ съ нимъ громаднѣйшее кресло или вѣрнѣе сѣдалище, сдѣланное изъ опрокинутой большой лохани, накрытой какимъ-то торжественнымъ ковромъ и какъ-бы предназначенное для чего-то особо важнаго. Палатка закрыта, входъ въ нее охраняется марсовымъ матросомъ.

Утромъ все шло своимъ обычнымъ чередомъ, развѣ только какой-нибудь шутникъ рѣшался, ради шутки, показывать новичкамъ или судовой прислугѣ экваторъ посредствомъ волоска, пропущеннаго въ судовыя зрительныя трубы.

Но вотъ склянки пробили четыре двойныхъ удара; это означаетъ полдень.

Офицеры сдѣлали вычисленіе и едва только покончили съ этимъ дѣломъ, какъ радостный вздохъ облегченія вырвался разомъ изъ устъ всѣхъ присутствующихъ, кромѣ нѣсколькихъ новичковъ, да двухъ—трехъ пассажировъ, трепетавшихъ въ душѣ отъ ожиданія чего-то особеннаго, подъ впечатлѣніемъ фантастическихъ разсказовъ объ этомъ празднествѣ, слышанныхъ ими раньше.

Вдругъ на носовой части раздалась адская музыка, пред-

шествовавшая какому-то странному шествію: впереди всѣхъ выступали два невозможнаго вида жандарма,—во Франціи ничего не обходится безъ жандармовъ, безъ жандарма нѣтъ праздника, нѣтъ торжества. За ними слѣдомъ шелъ священникъ съ двумя мальчиками-прислужниками по обѣимъ сторонамъ, далѣе самъ чертъ съ полдюжиною чертенятъ, разукрашенныхъ рожками, съ шумомъ влекущихъ за собою цѣпи, а за ними и самъ Тропикъ верхомъ на медвѣдѣ, за нимъ Америка, Африка и Австралія, въ костюмахъ, отличающихся полнѣйшимъ реализмомъ. Далѣе слѣдовали два медвѣдя, съ важностію выступавшіе на заднихъ лапахъ, и затѣмъ торжественная колесница изъ лафета коронады, а на колесницѣ самъ дѣдъ Экваторъ, его жена и ребенокъ, котораго она кормила грудью. Эта благородная матрона была бы не дурна собой, если бы не кожа на ея оголенныхъ рукахъ, походившая на кожу стараго носорога.

Царственный старецъ былъ защищенъ отъ палящихъ лучей солнца двѣнадцатью овчинами, а голова его была окутана громаднымъ парикомъ изъ пеньки; надъ нимъ красовалась громадная корона съ серебряными зубьями и слезками.

Царственная чета стояла въ величественныхъ позахъ.

Командиръ въ полной формѣ, въ мундирѣ и при оружіи, стоялъ на своемъ мѣстѣ на мостикѣ, окруженный своими помощникаии и офицерами.

Дѣдъ Экваторъ приказалъ остановить свою колесницу передъ командиромъ и привѣтствовалъ его, сойдя со своего мѣста.

— Здравствуйте командиръ! Давненько васъ не было видно въ этихъ мѣстахъ!

— Дѣйствительно, ваше величество, мы съ вами старые пріятели!

— Надѣюсь, что мы и всегда останемся ими. Но судно ваше мнѣ незнакомо, какъ оно называется?

— Героиня!

— Корветъ нарядный и красивый,—и жаль будетъ мнѣ

сшибить его носовую фигуру!—А ничего не подѣлаешъ: придется!—И обратившись къ своимъ дикарямъ тѣлохранителямъ, Экваторъ прибавилъ—будьте на готовѣ!

— Простите, сиръ,—возразилъ капитанъ,—законы тропиковъ мнѣ хорошо знакомы, соблаговолите принять эти десять червонцевъ, какъ выкупъ за носовую фигуру.

Дѣдъ Экваторъ поспѣшилъ запрятать въ карманъ полученные десять червонцевъ, при чемъ на лицѣ его изобразилась весьма забавная гримаса, долженствовавшая представлять изъ себя любезную улыбку, а затѣмъ продолжалъ:

— Ваши офицеры всѣ крещены отцомъ Экваторомъ?

— Всѣ,—отвѣчалъ командиръ,—за исключеніемъ троихъ— такого-то, такого-то и такого-то.

— Прекрасно,—продолжалъ Его Величество, — священникъ мой позаботится о нихъ, а теперь позвольте мнѣ удостовѣриться, послушное-ли ваше судно?

Командиръ вѣжливо уступилъ Экватору свое мѣсто и вручилъ ему рупоръ.

— Слу-шай! — раздался ревущій голосъ Экватора, крикнувшаго это слово въ трубу.

Въ отвѣтъ на это раздался пронзительный свистокъ.

— Убрать паруса! живо!—крикнулъ дѣдъ Экваторъ.

Маневръ этотъ былъ исполненъ съ дьявольскимъ одушевленіемъ, дружно и проворно.

— Славное судно,—похвалилъ Его Величество,—и славный экипажъ,—и возращая командиру рупоръ, онъ добавилъ,— я вполнѣ доволенъ; желаю вамъ счасливаго пути. Мнѣ остается только попросить васъ позволить окрестить тѣхъ матросовъ и пассажировъ, которое еще не были крещены мной.

— Предоставляю вамъ на то всѣ права!

Его Величество снова взошелъ на свою колесницу и въ тотъ-же моментъ подняли виндзейль, изъ верхняго отверстія котораго появился священникъ.

Онъ произнесъ шутовскую проповѣдь, весьма забавную и остроумную, продолжившуюся не болѣе четверти часа — и

заставившую всѣхъ присутствующихъ смѣяться до слезъ въ томъ числѣ и всѣхъ офицеровъ, и начальство.

На этотъ разъ священника изображалъ французъ матросъ, природный парижанинъ, неудавшійся бакалавръ. Проповѣдь его была такъ остроумна и юмористична, что старшій офицеръ приказалъ занести ее въ Морской Журналъ.

Впослѣдствіи этотъ матросикъ дезертировалъ въ Вальпарайзо и нѣсколько лѣтъ спустя я встрѣтилъ его уже въ чинѣ полковника на казенной службѣ въ Перу, па ваканціи производства въ генералы.

Тотчасъ по окончаніи проповѣди было приступлено къ крещенію.

Г.г. офицеры и пассажиры, конечно, поспѣшили откупиться деньгами, такъ что сумма, собранная такимъ путемъ дѣдомъ Экваторомъ, въ этотъ день достигала почти 1000 франковъ, которые самымъ добросовѣстнымъ образомъ были пропиты до послѣдней предательской полушки, какъ выражаются марсовые матросики, въ первомъ большомъ порту.

То было доброе старое время, какъ говорятъ старые моряки, подавляя вздохъ.

Жандармы, медвѣди, черти и чертеняты принялись ловить и разыскивать тѣхъ, кто еще не былъ крещенъ, и какъ тѣ усердно ни прятались, все же никому не посчастливилось уйти. Тогда-то и началась самая забавная часть празднества.

Бѣднягъ усаживали на бакъ или лохань, накрытую пестрымъ ковромъ, и въ тотъ моментъ, когда они совсѣмъ не помышляли о томъ, крышу бака проворно сворачивали и всѣ они падали въ воду, которою былъ до половины наполненъ бакъ, при чемъ одновременно съ этимъ лили на голову цѣлыя ведра воды. Такого рода увеселеніе продолжалось нѣсколько часовъ; весь экипажъ получилъ въ этотъ день двойную порцію пищи и спирта; кромѣ того, по утру командиръ отмѣнилъ всѣ наказанія, назначенныя имъ провинившимся. Вообще всѣ на суднѣ были счастливы и веселы въ этотъ день

Вечеромъ долго плясали и танцевали подъ шарманку и волынку. Въ десять часовъ вечера свистокъ призвалъ очередныхъ на вахту; празднество кончилось и все снова вошло въ свою обычную колею.

Вотъ, что называлось празднествомъ Экватора—и мнѣ отъ души жаль, что этотъ своеобразный, типичный праздникъ прекратилъ свое существованіе: онъ не мало служилъ къ упроченію тѣсной связи между командиромъ и экипажемъ, столь важной во время дальнихъ продолжительныхъ плаваній.... Однако возвращаюсь къ своему плаванію.

Однажды утромъ командиръ Портеньи объявилъ мнѣ, что черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ въ виду берега, а на слѣд. дѣнь около двухъ часовъ по-полудни прибудемъ въ Ріо.

Между тѣмъ берегъ становился постепенно рельефнѣе росъ съ каждымъ часомъ; море, безбрежное и пустынное до этого момента, оживилось теперь и тамъ и сямъ различными судами, повсюду появлялись бриги, трехъ-мачтовыя парусныя суда, пакетботы съ длиннымъ султаномъ дыма; были и другія суда.

Одни шли въ томъ же направленіи, какъ и мы, другіе на встрѣчу, привѣтствуя насъ флагами. Море было спокойно, точно озеро, дулъ легкій вѣтерокъ и парусныя суда, казалось, неподвижно стояли на мѣстѣ; мы то и дѣло обходили ихъ.

Земля, туманнымъ пятномъ появившаяся на краю горизонта, стала постепенно принимать ясныя, опредѣленныя очертанія; начали выдѣляться бухточки и заливы, группы скалъ и деревьевъ; острова выплывали, отдѣляясь отъ материка; тамъ и сямъ выдѣлялись бѣлыя зданія фабрикъ съ ихъ высокими трубами и темнымъ флеромъ дыма; яхты и маленькіе рыболовныя суда проходили такъ близко, что, казалось, задѣвали насъ; чайки кружились надъ нами въ воздухѣ и съ крикомъ преслѣдовали судно. Это продолжалось въ теченіе нѣскольких часовъ.

Земля—всегда наилучшее средство противъ всѣхъ недуговъ и мукъ. Пассажиры Портеньи, которые за послѣднее время стали положительными тиграми и не могли сказат

другъ другу слова безъ зубовнаго скрежета, теперь вдругъ разомъ повеселѣли при видѣ земли смѣялись, шутили, стали настоящими агнцами. Не смѣшно-ли въ самомъ дѣлѣ?

Что-же касается меня, то я въ душѣ смѣялся, слушая ихъ взаимныя признанія въ дружбѣ и расположеніи. Люди эти были не хуже и не лучше всѣхъ тѣхъ, которыхъ я встрѣчалъ во время своихъ путешествій. Зачѣмъ же мнѣ было злобствовать на нихъ за то, что они были эгоисты, глупы и не воспитаны? Это не ихъ вина, а вина той среды, въ которой они жили, или вѣрнѣе влачили свое существованіе, влачили, какъ могли и какъ умѣли.

Вѣтеръ усилился, Портенья дѣлала не стѣсняясь по 11-ти узловъ въ часъ и вскорѣ мы очутились на В. Ю. В. отъ мыса Фріо, т. е. холоднаго мыса.

Капитанъ приказалъ остановить ходъ, чтобы дождаться лоцмана, выѣхавшаго на встрѣчу нашему судну. Лоцманъ этотъ былъ французъ и состоялъ на службѣ у компаніи „Товарищества Грузовщиковъ". Онъ весело вошелъ на судно, гдѣ былъ встрѣченъ дружескими рукопожатіями капитана и всѣхъ офицеровъ, затѣмъ поднялся на мостикъ,—и мы пошли впередъ.

Капитаны пакетботовъ почему-то всѣ называютъ себя командирами, а старшіе помощники или капитанъ-лейтенанты величаютъ себя капитанами, право не знаю почему. Быть можетъ, потому что ихъ плаванія несравненно легче и требуетъ гораздо меньше знаній, чѣмъ плаваніе на парусныхъ судахъ. Тщеславіе и ничего болѣе!

Около двухъ часовъ по полудни мы вошли въ заливъ;— командиръ не ошибся ни на минуту въ своемъ разсчетѣ.

Представьте себѣ громадное соленое озеро, разлившееся въ длину и ширину на протяженіи не менѣе ста миль; озеро, оживленное множествомъ разнообразныхъ зеленыхъ тѣнистыхъ и душистыхъ островов и островковъ, обрамленное рядомъ живописныхъ холмовъ, поросшихъ лѣсомъ и вздымающихся амфитеатромъ, довольно красиво. Вдоль береговъ его, купаясь въ тихихъ, прозрачнымъ водахъ, раски

нулись прелестнѣйшія деревушки.—А тамъ Сантъ-Доминго и Ботафаго, излюбленныя дачныя мѣста негоціантовъ, которые, покончивъ въ городѣ свои дѣла, подъ вечеръ пріѣзжаютъ сюда отдохнуть отъ заботъ и хлопотъ и подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ, прогуливаясь по отлогому берегу.

Не сотни, а тысячи различныхъ судовъ оживляютъ этотъ живописный заливъ; повсюду чувствуется безпрерывное движеніе. Сразу можно узнать крупную столицу, городъ съ кипучей дѣятельной жизнью и рабочимъ, трудовымъ населеніемъ.

Вдали, въ глубинѣ пейзажа, на разстояніи какихъ-нибудь 20 миль возвышаются горы Оргъ, достигая высоты 1,000 туаръ, что составляетъ приблизительно 2,000 метровъ надъ уровнемъ моря.

Вправо на возвышеніи величественно выдѣляется соборъ Нотръ-Дамъ-де Буенъ-Секоро (Пресвятой Богородицы—Скорой Помощницы), обращенный фасадомъ къ форту Виллльганьонъ и св. Θеодора; а тамъ, въ сторонѣ, островъ Козъ, и наконецъ, и самый городъ Ріо, построенный на лѣвомъ берегу залива между тремя укрѣпленными высотами, господствующими надъ городомъ. А еще выше виднѣлся акведукъ, производившій впечатлѣніе древне-римскаго сооруженія.

На каждомъ пригоркѣ и возвышенности этой гористой мѣстности поднимался монастырь или церковь, или красивая затѣйливая дача, а всего чаще грозная баттарея, черныя жерла пушекъ которой рѣзко выдѣлялись на свѣтломъ фонѣ зеленыхъ луговъ и рощъ.

И здѣсь мы читаемъ вновь славныя страницы исторіи нашего флота.

При взглядѣ на этотъ грозный рядъ прекрасныхъ украшеній, этотъ длинный строй орудій, наведенныхъ на рейдъ, исторически знаменитая побѣда Дугуай-Труэ въ 1711 г., т. е. за нѣсколько лѣтъ до смерти Людовика XIV, кажется баснословной, неправдоподобной.

Несмотря на португальскую эскадру, столь же многочисленную, какъ и его, и не смотря на всю артиллерію укрѣ-

пленій, этотъ неустрашимый морякъ съумѣлъ проникнуть въ заливъ и войти въ рейдъ, бомбардировать городъ и, овладѣвъ имъ, возвратить его не иначе, какъ за крупный выкупъ.

И для этого удивительнаго подвига ему потребовалось лишь нѣсколько судовъ и до трехъ тысячъ человѣкъ солдатъ!

Теперь, конечно, съ нашими броненосцами и дальнобойными орудіями не трудно было бы заставить замолчать всѣ баттареи укрѣпленій въ нѣсколько часовъ, не входя даже въ заливъ.

Эти прекраснѣйшія укрѣпленія отжили свой вѣкъ. Позиціи прекрасныя, планъ расположенія баттарей превосходный, но самыя орудія могутъ теперь служить лишь украшеніемъ, а на случай серіозной опасности пришлось бы замѣнить ихъ другими, дальнобойными, могущими держать на почтительномъ разстояніи суда съ нынѣшнимъ вооруженіемъ.

Одинъ геніальный скульпторъ, французъ Депрэ, о которомъ мнѣ придется упоминать еще не разъ, высказалъ грандіозную мысль изваять изъ скалы Pau-de-Azucar (Сахарной Головы), фигуру гиганта съ лицомъ, обращеннымъ къ морю, съ короной—крѣпостной стѣной на головѣ, а въ оградѣ этой короны-стѣны, согласно его плану, предполагалась неприступная крѣпость, между зубьями же короны были бы продѣланы бойницы, въ которыя высовывали-бы свои жерла страшныя, дальнобойныя орудія.

Я видѣлъ эту модель въ его мастерской.

Это нѣчто величественное, безподобное, не имѣющее ничего себѣ равнаго по красотѣ замысла.

Что можно было придумать болѣе прекраснаго и грандіознаго для входа въ такую большую столицу, какъ Ріо-де-Жанейро?

Г-нъ Депрэ составилъ подробную смѣту на это сооруженіе и увѣрялъ меня, что эта колоссальная работа обошлась бы сравнительно очень не дорого.

Я отъ души желаю для славы и красы Бразиліи, чтобы эта блестящая, геніальная мысль Депрэ не была предана забвенію, но осуществилась, какъ можно скорѣе.

„Портенья“ вошла въ большой рейдъ, гдѣ должна была пробыть всего нѣсколько сутокъ и затѣмъ идти дальше въ Монтевидео.

Едва успѣли бросить якорь, какъ судно было уже окружено цѣлой тучей лодокъ, лодочекъ и маленькихъ пароходиковъ, поддерживающихъ сообщеніе между прибывающими судами и берегомъ и различными пунктами островковъ и прибрежья залива. Заливъ этотъ, который я видѣлъ тридцать лѣтъ тому назадъ такимъ пустымъ, безжизненнымъ, угрюмымъ, поражалъ теперь своимъ оживленіемъ и лихорадочною дѣятельностью, кипѣвшей повсюду.

Къ намъ подошелъ маленькій пароходъ, на которомъ находилось человѣкъ семь чиновниковъ въ мундирахъ, расшитыхъ золотомъ по всѣмъ швамъ. На кормѣ парохода развивался бразильскій флагъ. Чиновники вошли на судно и были встрѣчены самимъ командиромъ и офицерами судна съ большимъ почетомъ.

То были таможенные чиновники и санитары.

Таможня,—это золотое дно Бразиліи а потому и организація ея безупречна.

Командиръ провелъ своихъ гостей въ каютъ-компанію, предложилъ имъ вина, но дѣлалъ все это со сдержанной любезностью свѣтскаго человѣка.

Всѣ пассажиры были заняты сборами своихъ вещей, всѣ торопились съѣзжать на берегъ; я одинъ оставался въ общей залѣ, гдѣ просматривалъ бразильскія газеты, привезенныя намъ однимъ изъ агентовъ Коммиссіи Товарищества Грузовщиковъ.

Я весьма мало интересовался тѣмъ, что говорилось этими господами, но всѣ они прекрасно говорили по французски и держали себя сухо и холодно.

Пересматривая и пробѣгая глазами газеты, я случайно встрѣтилъ на одномъ изъ столбцовъ Gazetta de Noticias, одной изъ наиболѣе распространенныхъ въРіо, извѣщеніе о моемъ прибытіи и, — что еще болѣе удивило меня,— тамъ сообщалось о томъ, будто я привезъ подарокъ

императору. Это было дѣйствительно вѣрно, но я, насколько помнится, никому не говорилъ объ этомъ ни слова, желая сдѣлать сюрпризъ Его Величеству.

Я положительно былъ пораженъ этимъ обстоятельствомъ. Кто могъ сообщить эти свѣдѣнія Gazetta de Noticias? Когда я въ первый разъ былъ въ Ріо, печать была еще въ зачаткѣ, теперь же она получила громадное распространеніе и имѣла своихъ репортеровъ.

Командиръ продолжалъ разговаризать съ чиновниками и я услышалъ мое имя, съ намѣреніемъ произнесенное довольно громко, чтобы мнѣ было слышно; вслѣдъ затѣмъ командиръ подошелъ ко мнѣ вмѣстѣ со своими гостями и сказалъ:

— Господа, честь имѣю представить вамъ г-на Густава Эмара!

Послѣдовалъ цѣлый рядъ любезностей и привѣтствій, такъ что я положительно не зналъ, что мнѣ отвѣчать на нихъ.

Я замѣтилъ что эти бразильскіе таможенные чиновники относились немного безцеремонно къ командиру и въ разговорѣ не соблюдали особыхъ вѣжливостей, кромѣ того, мнѣ бросилось въ глаза, что эти господа во все время своего разговора съ командиромъ не снимали шляпъ съ головы, но когда имъ представили меня, то они тотчасъ-же сняли шляпы и сдѣлались вѣжливы до крайности.

Командиръ, казалось, ничего этого не замѣчалъ, а если и замѣтилъ, то сдѣлалъ видъ, что не обратилъ на это вниманія и сталъ еще любезнѣе и предупредительнѣе по отношенію къ своимъ гостямъ, приказавъ даже подать шампанскаго.

Очевидно, онъ принялъ на себя извѣстную роль и старался быть съ ними любезенъ, соблюдая интересы компаніи, потому что санитары и таможенные чиновники—это такого рода власти, которыя могутъ причинить при желаніи большія непріятности и затрудненія.

Эти господа желали увезти меня съ собой на берегъ, но я вѣжливо отказался.

Тогда они простились съ командиромъ и со мной, и покинули судно. Мы разстались самыми лучшими друзьями.

Когда таможенные, наконецъ, отчалили, командиръ вздохнулъ полною грудью.

Я съѣхалъ на берегъ въ половипѣ пятаго вечера, вмѣстѣ съ капитаномъ, который желалъ меня представить г-ну Лейба, директору компаніи. „Товарищество Грузовщиковъ въ Ріо".

Дружески простившись съ офицерами Портеньи, я, наконецъ, разстался съ судномъ.

IV. Ріо-де-Жанейро.

Я сохранилъ весьма дурное воспоминаніе объ улицахъ Ріо Жанейро.

Улицы эти были узки, грязны, темны, плохо мощены, молчаливы и безлюдны, съ плотно опущенными занавѣсями и жалюзи оконъ, за которыми слышался иногда насмѣшливый женскій смѣхъ лавки и магазины, грязные и темные, отличались какимъ-то особымъ зловоніемъ. На встрѣчу попадались лишь грязные негры и негрятянки, да два—три европейца, случайно заблудившихся въ безлюдной пустынѣ этихъ улицъ. Странные экипажи, походившіе на корбильяры, старинныя восьмимѣстныя кареты, въ которыхъ перевозился штатъ слугъ французскихъ королей, съ вѣчно опущенными сторами, медленно колыхавшіеся по невозможной мостовой, заранѣе пугали меня.

Въ то время бразильскія дамы были совершенными невидимками, онѣ никогда никуда не показывались; а пѣшкомъ даже среди дня ни одна женщина, уважающая себя, нерѣшилась-бы выдти на улицу; только дамы mediro-pelo—метиски—осмѣливались на это, да и то очень рѣдко.

Съ первыхъ-же шаговъ, какъ только я вступилъ на берегъ, видъ города поразилъ меня. Всѣ окна были широко раскрыты, толпы мужчинъ и дамъ, одѣтыхъ по послѣдней парижской модѣ, весело и свободно разгуливали по улицамъ.

Я положительно не узнавалъ Ріо-Жанейро; роскошные

магазины, кафе и рестораны встрѣчались на каждомъ шагу. Комфортабельные отели, чудные богатые дома, оживленная толпа веселыхъ и дѣловитыхъ лицъ, какую можно встрѣтить только въ улицахъ Лондона и Парижа, роскошные и элегантные экипажи, всадники на щегольскихъ коняхъ,— все это шло, ѣхало, стремилось куда-то. Женщины и мужчины, дамы и кавалеры, мастеровые и монахи толпились на тротуарахъ и сверхъ всего этого трамваи, запряженные то парой, то четверикомъ рослыхъ муловъ, во всю прыть мчались по улицамъ взадъ и впередъ.

Трамваи эти, пріобрѣтенные у Соединеныхъ-Штатовъ, прекрасно устроены: за двадцать рейсовъ,—около двадцати сантимовъ, можно объѣхать весь городъ изъ конца въ конецъ.

Все это такъ удивляло меня, было-такъ неожиданно, что я положительно не могъ придти въ себя отъ удивленія и радости при видѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ. Мнѣ говорили, что этой перемѣной въ нравахъ и обычаяхъ Бразилія обязана трамваямъ: въ одинъ прекрасный день дамы, которымъ уже наскучило сидѣть по домамъ, между тѣмъ какъ супруги, братья и отцы ихъ катались въ трамваяхъ, произвели переворотъ, овладѣвъ этими громоздкими экипажами, которые взяли приступомъ подъ носомъ у мужчинъ.

Это, должно-быть, правда, потому что такого рода пріемъ весьма согласенъ съ духомъ женскаго характера; при этомъ я добавлю, что этотъ переворотъ послужилъ ко благу нравовъ и цивилизаціи.

Въ такой столицѣ, какъ Ріо-Жанейро, женщины никакъ не должны были оставаться внѣ прогресса, мало того, онѣ должны идти впередъ и подавать примѣръ.

Улицы стараго Ріо узки и отвратительно мощены, но трамваи мчатся по нимъ въ весь опоръ и кучера такъ ловки и привычны, что несчастные случаи очень рѣдки.

Съ пристани мы направились прямо къ г-ну Лейба, который принялъ меня очень радушно и сердечно. Это одинъ изъ богатѣйшихъ негоціантовъ, особенно уважаемый всѣми за свою правдивость, сердечную доброту и справедливость.

Человѣкъ этотъ нѣсколько разъ оказывалъ мнѣ услуги, за которыя я останусь ему всегда благодаренъ; онъ постоянно относился ко мнѣ какъ добрый другъ и старый пріятель и я сохранилъ о немъ самыя лучшія воспоминанія.

Было уже слишкомъ поздно, когда я разстался съ нимъ, чтобы приниматься за какія-бы то ни было дѣла, и потому я рѣшилъ отложить ихъ до завтра. Меня проводили въ гостинницу Францію, одну изъ самыхъ дорогихъ и роскошныхъ въ Ріо; въ два дня я истратилъ тамъ 3 фунта стерлинговъ, а потому постарался пробыть тамъ какъ можно меньше, хотя не могъ достаточно нахвалиться всѣми удобствами и прекраснымъ уходомъ прислуги. Я чувствовалъ себя тамъ совершенно такъ, какъ если-бы былъ въ Парижѣ, но мнѣ не этого хотѣлось: я разсчитывалъ пробыть въ Ріо не менѣе двухъ мѣсяцевъ и потому мнѣ надо было что нибудь иное, чѣмъ гостинницу, какъ бы прекрасна и удобна она ни была.

На слѣдующее-же утро я отправился гулять по городу. Г-нъ Жэно, о которомъ я говорилъ раньше, далъ мнѣ рекомендательное письмо къ одному своему пріятелю, нѣкоему г-ну Сойе, богатому комерсанту, а г-нъ Лейба сообщилъ мнѣ наканунѣ его адресъ. Онъ жилъ на площади Конституціи, такъ что разыскать его было не трудно.

Г-нъ Сойе былъ брилліантщикъ и часовщикъ и являлся здѣсь представителемъ Парижской фирмы Лакреза. Я забрелъ къ нему въ магазинъ въ десять часовъ утра.

Въ тотъ моментъ, когда я входилъ, немного тучный господинъ лѣтъ около сорока, съ веселымъ, улыбающимся лицомъ, смѣющимися, добродушными глазами, довольно большимъ ртомъ, слегка румяный, бодрый и здоровый, съ лицомъ симпатичнѣе, котораго я не встрѣчалъ, сидѣлъ у конторки и писалъ что-то. Увидѣвъ меня, онъ весело воскликнулъ, протягивая мнѣ руку.

— А, вотъ и вы!

— Какъ такъ? — воскликнулъ я, неудоумѣвая и недовѣрчиво пожимая протянутую мнѣ руку.

— Вѣдь я вчера весь день только о васъ и думалъ!

— Обо мнѣ? весьма вамъ благодаренъ, но, позвольте спросить, съ кѣмъ вы изволите говорить?

— Да съ кѣмъ-же, какъ не съ вами?!

— Но я въ первый разъ имѣю удовольствіе видѣть васъ!

— Ну, да, но мы всѣ здѣсь знаемъ васъ; и хотя я, дѣйствительно, вижу васъ въ первый разъ, но тѣмъ не менѣе увѣренъ, что вы именно то лицо, которое я ожидаю.

— Какъ? неужели вы ожидали меня?

— Конечно, и доказательствомъ можетъ служить то, что я именно ради васъ отсрочилъ свой завтракъ, а теперь мы можемъ сейчасъ-же сѣсть за столъ. Будьте покойны, мы позавтракаемъ съ вами по французски!

— Вы очень любезны и я весьма цѣню вашъ милый, сердечный пріемъ, но увѣрены-ли вы въ томъ, что не ошибаетесь?

Онъ весело расхохотался и его примѣру тотчасъ-же послѣдовали хоромъ три другихъ господина, находившіеся тутъ-же, въ магазинѣ.

Это были служащіе, или вѣрнѣе компаніоны, г-на Сойе, одинъ французъ и два бразильца, какъ я узналъ впослѣдствіи.

— О здѣсь, всѣ васъ знаютъ, вы—Муставъ Эмаръ, романистъ и бытописатель,—ваши книги ходятъ здѣсь по рукамъ и на французскомъ, и португальскомъ текстѣ. Васъ очень любятъ въ Бразиліи—вы сами это вскорѣ увидите. Вы видите, что я не ошибаюсь? Мало того, я вамъ скожу, что вы имѣете при себѣ письмо моего закадычнаго пріятеля и друга г-на Жэно, адресованное на мое имя—не такъ-ли?

— Да, все это совершенно вѣрно,—подтвердилъ я,—а вотъ и то письмо, о которомъ вы только что упомянули,—добавилъ я, подавая ему письмо.

— Прекрасно! мы успѣемъ его прочесть и послѣ!—сказалъ Сойе, кинувъ его въ ящикъ стола.

— Надѣюсь, вы теперь довольны?—добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Да, но не совсѣмъ, я желалъ-бы знать, кто могъ сообщить вамъ всѣ подробности того, что было говорено между г-номъ Жэпо и мною и какъ это могло случиться, что вы ожидали меня?

— Вчера, часовъ около трехъ по полудни, ко мнѣ зашелъ мой хорошій пріятель, докторъ Лежандръ...

— Аа... ну, теперь я понимаю!

— Видите, какъ все это просто!

— Дѣйствительно, но вы изволили сказать, что думали и заботились обо мнѣ вчера.

— Да, я пріискивалъ вамъ квартиру!

— И вы нашли что-нибудь подходящее?

— Конечно, но мы поговоримъ объ этомъ послѣ завтрака, теперь же я положительно умираю съ голода, а вы?

— И я тоже!

— Ну, такъ скорѣе за столъ!

Г-нъ Сойе ввелъ насъ въ маленькую комнатку, смежную съ магазиномъ, гдѣ уже былъ накрытъ столъ, сервированный на 5 персонъ.

Всѣ мы сѣли за столъ. Красавецъ рабъ, почти бѣлый, прислуживалъ у стола. Онъ не былъ собственностью г-на Сойе, а принадлежалъ какому то бразильцу, у котораго г-нъ Сойе нанималъ его за извѣстную помѣсячную плату. Рабъ этотъ прекрасно говорилъ по французски и, видимо, отлично исполнялъ соои обязанности.

Завтракъ былъ незатѣйливый, но сытный и вкусный, прекрасно приготовленный и приправленный чистосердечнымъ, добродушнымъ веселіемъ, за которымъ не чувствовалось никакой задней мысли.

Разговоръ вертѣлся главнымъ образомъ на разспросахъ о Франціи, преимущественно о Парижѣ—отъ меня хотѣли слышать послѣднія новости и я охотно дѣлился всѣмъ, что зналъ самъ. Мы пили за республику, за Греви, за французскую націю.

Въ Ріо-Жанейро тоже есть французская колонія, не особенно многочисленная, но все же насчитывающая до двадцати пяти тысячъ человѣкъ. Не всѣ, конечно, богаты, но всѣ работаютъ, трудятся и всѣ безъ исключенія народъ честный, уважающій другъ друга и держащій высоко честь французскаго имени. Здѣсь ихъ всѣ любятъ и уважаютъ и это болѣе всего дѣлаетъ имъ честь.

Въ Америкѣ очень трудно встрѣтить вторую такую колонію, какъ эта.

Послѣ кофе всѣ вышли изъ за стола и г-нъ Сойе, надѣвъ пальто, сказалъ мнѣ.

— Пойдемте; надо порѣшить съ этимъ дѣломъ сейчасъ-же!

Я былъ того-же мнѣнія и съ готовностью послѣдовалъ за нимъ.

Мы вышли на улицу какъ разъ въ то время, когда мимо насъ мчался трамвай. Г-нъ Сойе остановилъ его и мы сѣли.

— А далеко намъ ѣхать?—освѣдомился я.

— Хмъ! какъ вамъ сказать, это на Rua de Riochuelo № 86, пѣшкомъ туда отъ меня три четверти часа ходу, но въ трамваѣ мы будемъ тамъ черезъ десять минутъ, не позже.

Раа де Ріохуело, т. е. улицу Ручейка, широкая и красивая, прилично вымощенная и съ тротуарами — одна изъ красивѣйшихъ улицъ въ Ріо. На нее выходитъ красивый фасадъ большого госпиталя, а упирается она въ аквадукъ, снабжающій городъ водою, но, надо сказать, въ недостаточномъ количествѣ, такъ что въ ту пору, когда я впервые былъ въ Ріо, жители положительно умирали отъ жажды. Но правительство озаботилось снабдить городъ такимъ водопроводомъ, благодаря которому Ріо не чувствуетъ болѣе недостатка въ водѣ, даже во время жесточайшей засухи. Это превосходнѣйшее сооруженіе; вода проведена сюда за сорокъ миль и теперь водопроводъ этотъ оконченъ и дѣйствуетъ прекрасно.

Лѣтъ тридцать тому назадъ все населеніе города не превосходило цыфры въ сто пятдесять тысячъ душъ, но съ тѣхъ поръ, благодаря всевозможнымъ революціямъ, эми-

граціямъ и удобству сообщенія, населеніе возрасло съ невѣроятной быстротой и теперь уже достигаетъ шести сотъ тысячъ душъ, при чемъ, какъ все заставляетъ предполагать, ростъ его на этомъ не остановится.

Въ Ріо эмигрируютъ очень многіе вслѣдствіе радушнаго пріема, какой здѣсь встрѣчаютъ всѣ иностранцы, а также и благодаря гуманному и разумному правительству, не стѣсняющему никого ни въ чемъ. И сверхъ всего этого здѣсь они не рискуютъ пострадать отъ какого нибудь pronunciamento или войны династій, какъ въ другихъ странахъ Америки.

Трамвай остановился и мы сошли; это было всего въ какихъ нибудь десяти шагахъ отъ дома № 86 по улицѣ де Ріо-Хуело. Владѣлецъ этого дома г-нъ Лиденъ былъ пивоваръ. Отецъ его первый изъ колонистовъ Алжиріи, переселился оттуда въ Ріо Жанейро, гдѣ и сталъ варить пиво; правительство оказало ему поддержку и дѣло его пошло успѣшно, сверхъ всякаго ожиданія. Эта первая пивоварня получила названіе Національной, а императоръ пожаловалъ г-ну Лиденъ орденъ Бразильской Розы за ввеведеніе новой промышленности въ Бразильской имперіи. Г-нъ Лиденъ, сынъ, родился въ Алжирѣ, но былъ еще ребенкомъ, когда отецъ его переселился въ Бразилію; послѣ смерти родителя, онъ такъ же успѣшно продолжалъ начатое имъ дѣло, придерживаясь всѣхъ тѣхъ правилъ и завѣтовъ честности и добросовѣстности, какихъ придерживался и его покойный отецъ.

Не смотря на явившуюся конкуренцію, пивоваренный заводъ Лидена процвѣталъ и дѣло его разрасталось съ каждымъ годомъ. Хотя въ настоящее время существуетъ болѣе двадцати пивоваренныхъ заводовъ, тѣмъ не менѣе національное пиво считается наилучшимъ и предпочитается всѣмъ остальнымъ любителями этого напитка.

Г-нъ Лиденъ человѣкъ семейный; у него прелестная, кроткая, любящая жена и трое очаровательныхъ дѣтокъ, а кромѣ того сестра, вдова, поселившаяся въ домѣ брата съ

того момента, какъ потеряла свое состоянiе. Это чисто-патрiальхальная семья, пользующаяся прекрасной репутацiей во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ высшаго и кончая низшимъ.

Отрадно замѣтить, что мы во всѣхъ государствахъ Америки имѣемъ такiя семьи, которыя дѣлаютъ честь французской нацiи. Это должно служить намъ утѣшенiемъ въ томъ, что въ чужихъ краяхъ часто встрѣчаются и такiе французы,—или люди, именующiе себя французами,—которыхъ ихъ соотечественники отвергаютъ и презираютъ не безъ основанiя.

Г-нъ Лиденъ богатъ и легко могъ-бы передать свое дѣло и жить на покоѣ, но онъ любитъ его и не хочетъ даже и думать о томъ, чтобы оно перешло въ чужiя руки.

Я былъ принятъ г-номъ Лиденъ и его супругой чрезвычайно любезно. Мы очень скоро сговорились и порѣшили, что на завтра я переѣду къ нимъ. Я былъ очень доволенъ тѣмъ, что поселюсь въ такой милой, прiятной семьѣ; я весьма скоро сталъ другомъ дома и до послѣдней минуты и самъ Лиденъ, и жена его, да и вся семья какъ нельзя лучше ухаживали за мной.

Вечеромъ я обѣдалъ вмѣстѣ съ господиномъ Сойе и докторомъ Лежандромъ, которыхъ я пригласилъ въ гостиницу Францiя. На слѣдующее утро Портенья ушла съ восходомъ солнца въ Монтевидео, а я, разсчитавшись въ гостиницѣ, перебрался въ г-ну Лиденъ.

Г-нъ Сойе, мой любезный путеводитель, проводилъ меня во французское посольство, гдѣ я долженъ былъ по прiѣздѣ явиться мѣстному представителю Францiи, какъ это всегда водится.

Въ большинствѣ случаевъ Францiя имѣетъ весьма дурныхъ представителей за границей—это весьма печально, но тѣмъ не менѣе это такъ: всѣ эти консулы, посланники и резиденты весьма плохо понимаютъ значенiе ихъ миссiи. Я имѣлъ случай видѣть очень многихъ изъ нихъ во время моихъ путешествiй и зналъ только трехъ, серьезно и добросовѣстно относившихся къ своимъ обязанностямъ. Это были:

консулы въ Монтевидео и Буеносъ-Айресѣ, и вице-консулъ въ Мендозѣ.

На этотъ разъ визитъ мой продолжался не долго и былъ чисто формальнаго характера.

Выйдя изъ консульства, г-нъ Сойе предложилъ мнѣ побывать въ различныхъ редакціяхъ. Меня повсюду принимали съ распростертыми объятіями.

Я положительно былъ удивленъ, встрѣтивъ здѣсь столь серіозную и основательно подготовленную прессу.

Признаюсь, я этого совсѣмъ не ожидалъ.

Газеты и журналы здѣсь въ большинствѣ случаевъ всѣ прекрасно поставлены и поражаютъ глубиною мысли и мѣткостью взгляда на вещи. Здѣсь царитъ безусловная свобода печати благодаря императору, который не допустилъ въ этомъ дѣлѣ никакихъ ограниченій.

Сатира полновластно клеймитъ и бичуетъ все вызывающее насмѣшку или заслуживающее порицанія, не щадя ни духовенства, ни монашества, ни какихъ-бы то ни было высшихъ учрежденій, и императоръ первый отъ души смѣется.

Въ Ріо имѣется также и французскій фурналъ „Le Messager du Brésil“ т. е. „Бразильскій Курьеръ“, который ведется стараго закала журналистомъ, горячимъ патріотомъ, избравшимъ своимъ призваніемъ всегда и во всемъ отстаивать французскіе интересы. Журналъ этотъ редактируетъ г-нъ Делеръ, французъ и парижанинъ до мозга костей и при этомъ мастеръ своего дѣла. Всякій малѣйшій пустякъ, даже случайно вышедшій изъ подъ его пера, имѣетъ какую-то своеобразную особенность, въ которой сразу чувствуется талантливое перо.

Смиренно признаюсь, что я никакъ не ожидалъ встрѣтить въ трехъ тысячахъ миляхъ разстоянія отъ моего родного и возлюбленнаго Парижа столь талантливаго и всесторонне научно образованнаго журналиста, который и въ Парижѣ занялъ бы видное мѣсто.

Г-нъ Делеръ съ честью несетъ званіе французскаго журналиста и является по истинѣ достойнымъ и блестящимъ

представителемъ французской прессы въ Бразиліи. Я полюбилъ его съ перваго момента встрѣчи; да и могло-ли быть иначе? Милѣй, любезнѣе и симпатичнѣй человѣка встрѣтить трудно!

Я былъ чрезвычайно тронутъ сердечнымъ и милымъ пріемомъ, какой встрѣтилъ во всѣхъ безъ исключенія редакціяхъ Ріо; нельзя быть болѣе внимательнымъ, предупредительнымъ и любезнымъ, чѣмъ были всѣ журналисты по отношенію ко мнѣ.

Почти всѣ бразильскіе журналы и газеты жалуются единогласно на нѣкоего господина, имя котораго я даже не хочу назвать, но который, будучи такъ же любезно и радушно принятъ и обласканъ бразильской прессой, не нашелъ ничего лучшаго, какъ написать цѣлый рядъ писемъ и памфлетовъ на тѣхъ людей, которыми онъ былъ обласканъ и на тѣ учрежденія, съ которыми онъ даже не былъ знакомъ, а слѣдовательно не могъ и критиковать.

V. Независимость.

Посѣтить и осмотрѣть Ріо-Жанейро весьма интересно и я намѣренъ сдѣлать это весьма подробно, но прежде, чѣмъ приняться за это, мнѣ кажется необходимымъ познакомить читателя съ тѣмъ, какимъ путемъ Бразилія завоевала свою независимость и заняла столь почетное мѣсто въ ряду свободныхъ, истинно просвѣщенныхъ и цивилизаванныхъ націй.

И на этотъ разъ я намѣренъ придерживаться данныхъ, собранныхъ нашимъ собратомъ Робейроллемъ, изучившимъ и знавшимъ исторію этой страны не хуже, чѣмъ любой природный бразильянецъ. Его превосходный трудъ „Живописная Бразилія“ вещь замѣчательная, выдающаяся во всѣхъ отношеніяхъ; къ сожалѣнію, смерть неожиданно прервала его, не давъ ему времени докончить начатое дѣло, но тѣмъ не менѣе все, что имъ написано, написано превосходно и

всегда будетъ служить драгоцѣннымъ вкладомъ въ область литературы и исторіи.

Бонапартъ, ставъ благодаря брюмерскому перевороту Наполеономъ I, французскимъ императоромъ, желалъ унизить, ослабить и обезсилить Англію, эту душу и кассу всѣхъ коалицій. Не считая возможнымъ аттаковать ее въ самой метрополіи, онъ потребовалъ, чтобы всѣ государи, бывшіе его вассалами, блокировали ее, разсчитывая такимъ образомъ уничтожить своего неутомимаго врага.

И что же изъ этого вышло? Англія только обогатилась контрабандой. Большинство государей измѣняли лигѣ. Португальскій царствующій домъ предпочелъ покинуть родину и бѣжать, чѣмъ бороться противъ такого могущественнаго врага.

Да и что могъ онъ сдѣлать противъ армій Наполеона? Во сто кратъ лучше было сохранить старый титулъ и колоніи, чѣмъ вассальную корону изъ подъ руки Жюно.

И вотъ, изъ Португаліи опять двинулись суда черезъ безбрежный океанъ, но на этотъ разъ уже не гордый флотъ Альбукерка или Кабраля, побѣдоносно шедшій на подвиги и славу, а послѣдній поѣздъ португальскаго царствующаго дома, покидавшій родину съ тѣмъ, чтобы искать убѣжища въ своихъ колоніяхъ, печально удалялся изъ Европы подъ конвоемъ британскихъ судовъ.

Этотъ грустный исходъ одного изъ древнѣйшихъ царствующихъ домовъ Стараго Свѣта, принужденнаго искать себѣ убѣжища въ этой полудикой еще Америкѣ, былъ чѣмъ-то особенно торжественно печальнымъ.

Принцъ регентъ Португаліи и его придворный штатъ со всѣми приближенными его двора сошли на берегъ въ Багіи.

Древняя столица Бразиліи по царски приняла царственнаго, добровольнаго изгнанника и хотѣла удержать его въ своихъ стѣнахъ. Но что бы сказалъ на это Ріо? Вѣдь, это значило, на первыхъ же порахъ посѣять вражду и раздоръ въ Бразиліи. Потому принцъ регентъ отправился въ Ріо. Здѣсь его ожидали великолѣпныя торжества, празднества и

церемоніи; и городъ, и рейдъ были сказочно разубраны для встрѣчи регента.

Но къ чему эти празднества и торжества?

Это старая привиллегія королевской власти, явившейся отдохнуть въ свои загородныя помѣстья.

Да, но вѣдь это было правительство,—Бразилія должна была сдѣлаться могущественной державой, а Ріо блестящей столицей этого государства.

О, сколько великихъ дѣлъ было-бы сдѣлано на свѣтѣ не будь ни камергеровъ, ни двора!

Эти послѣдніе вошли во городъ—Санъ-Себастіано, какъ еще называютъ Ріо-Жанейро, какъ всемогущіе властители, именемъ короля;—и пошли сборы да поборы, контрибуціи да налоги и верховная власть надо всѣмъ, надъ должностями и учрежденіями, надъ землями и домами, словомъ, надъ всѣмъ. Они живо истощили не только доброе расположеніе, но и весь запасъ долготерпѣнія, какимъ обладали Бразильянцы, которые тогда уже прекрасно понимали, что для нихъ добиться независимости нужно прежде всего.

Принцъ регентъ открылъ всѣ порты Бразиліи всѣмъ дружественнымъ державамъ, хотя и сохранилъ еще за собой право взиманія пошлины въ размѣрѣ 24% стоимости товара. Но этимъ онъ разомъ разрушилъ древне-китайскую стѣну, служившую преградой къ сношеніямъ съ другими государствами. Бразилія открыла свои двери Европѣ и вошла въ сношенія съ другими народами.

Имѣя у себя королевскую власть въ самой древне-феодальной формѣ, Бразилія незамѣтно забирала въ свои руки власть черезъ декретъ о правѣ свободной торговлѣ, вступивъ въ общеніе съ человѣчествомъ въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Если-бы принцъ регентъ, ставъ королемъ Іоанномъ II, съумѣлъ бы понять духъ и направленіе своего новаго королевства, принявшаго его такъ сердечно, и пожелалъ-бы слѣдовать народной политикѣ, онъ могъ-бы основать одну изъ

величайшихъ державъ своего вѣка, но онъ былъ черезъ-чуръ пропитанъ гордостью прежней метрополіи, и слишкомъ много дорожилъ старыми традиціями и привиллегіями, словомъ, онъ былъ не бразильянецъ, а черезъ-чуръ португалецъ. Въ его совѣтѣ, въ администраціи, въ посольствахъ, словомъ, всюду, гдѣ только была власть и вліяніе, онъ ставилъ исключительно только дворянство, грандовъ, родовитыхъ лиссабонцевъ.

А эти нахалы, алчные и надменные, были такъ-же безсовѣстны и беззастѣнчивы, какъ кобленцкіе обиралы въ бытность свою въ Парижѣ.

Они накладывали руку на всякое дѣло и запускали лапы во всякую мошну. Они держали себя, какъ стая вороновъ, алчныхъ и голодныхъ, смотрѣвшихъ на Бразилію, какъ на завоеванную страну, которую безжалостно и безстыдно эксплуатировали.

Негодованіе было всеобщее—ропотъ недовольства и ненависти раздавался повсюду и вскорѣ вспыхнуло возстаніе въ Пернамбуко. Это возстаніе, какъ и всегда бываетъ съ такого рода единичными возстаніями, было подавлено: судебныя палаты судили и приговаривали безъ устали, тюрьмы и мѣста заключенія стали тѣсны. Были и казни, были и ссылки, и изгнанія. Напрасныя кары—и безполезно пролитая кровь! Вѣяніе шло изъ Европы, тамъ тоже были революціи въ Неаполѣ, въ Испаніи и даже въ Португаліи, которая тоже возстала; конституціонная Португалія призвала обратно своего короля. Кортесы вновь мечтали о великихъ экспедиціяхъ, о богатыхъ колоніяхъ и о погибшемъ величіи Португаліи.

Бразилія съ своей стороны требовала двухъ вещей: независимости и конституціи.

Но разъ король уѣдетъ, правительство исчезнетъ и власть переселится въ Лиссабонъ, то что станется съ независимостью Бразиліи? Она вновь превратится, въ силу новыхъ декретовъ Кортесовъ и короля, въ провинцію или колонію Португаліи, и тогда гдѣ ея Конституція?

Оставалось выбирать между упадкомъ и революціей!

Бразилія не долго колебалась: пошумѣвъ и поволновавшись вдоволь, она отпустила съ миромъ короля Іоанна II-го и его дворъ.

Ради проформы она послала своихъ депутатовъ Кортесамъ и выжидала лишь рѣшительнаго момента, собираясь съ силами и готовясь къ дѣлу.

Отвѣтъ, полученный изъ Лиссабона, гдѣ снова водворился дворъ, былъ рѣзкій и многозначительный.

Бразилію раздѣляли на провинціи, съ отдѣльнымъ губернаторствомъ въ каждой, при чемъ и губернаторы, и вся окружная администрація подчинялись вѣденію и судебной власти метрополіи.

Мало того, даже принца-регента отзывали.

Какое-же значеніе придавалъ король Іоаннъ II своему слову и своимъ обѣщаніямъ? Въ своемъ указѣ отъ 7 марта 1821 г., не говорилъ-ли онъ и не подписывалъ-ли собственноручно, что онъ „соглашается по своей доброй волѣ и полному искреннему убѣжденію и желанію со всѣми требованіями и постановленіями португальской конституціи, которую онъ предполагаетъ примѣнить ко всѣмъ тремъ своимъ государствамъ?“.—Не упоминаетъ-ли онъ въ этомъ самомъ декретѣ или указѣ о томъ, что „24 февраля того-же года, онъ совмѣстно со своей королевской семьей, далъ торжественную клятву въ томъ, что будетъ всегда соблюдать и поддерживать вышеупомянутую конституцію во всѣхъ своихъ владѣніяхъ“?—и это при всемъ народѣ и войскѣ Ріо. Іоаннъ II былъ король стараго закала и пошиба—какъ видно не всѣ они еще вымерли,—онъ считалъ свои прерогативы безусловными и стоящими выше всякаго рода обязательствъ. У него и духъ, и совѣсть были строго „феодальные“, а потому онъ не столь отвѣтственъ за свои дѣянія, какъ другіе, которые, понимая значеніе справедливости и законности, тѣмъ не менѣе, смотря по обстоятельствамъ, то даютъ обѣщаніе, то берутъ его обратно по своему произволу.

Но народъ не такъ понимаетъ данное слово и святость клятвы. И вотъ, видя утрату своихъ правъ въ заявленіяхъ Кортесовъ, Бразилія возстала.

Во всѣхъ провинціяхъ, въ Мараньонѣ, Пара, Пернамбуко, Багіи—словомъ, повсюду были временныя юнты; эти революціонныя администраціи въ началѣ движенія боролись противъ Іоанна II-й за конституцію и находились въ ту пору въ самомъ тѣсномъ единствѣ съ португальскими войсками, требовавшими также присяги конституціи. И этому то дружному требованію португальскихъ войскъ и бразильскаго народа сопротивлялась медлительная королевская власть! Но на этотъ разъ вопросъ былъ несравненно болѣе важный, то былъ почти вопросъ жизни и смерти,—вопросъ о независимости!

Европейскіе португальцы—солдаты, чиновники, администрація, колонисты всѣ встали на сторону кортесовъ, короля Іоанна II и метрополіи. Они имѣли повсюду во всѣхъ городахъ и провинціяхъ сильныхъ сторонниковъ, каковыми являлись генералы, гарнизоны, богатые землевладѣльцы, и коммерческія фирмы. Всѣ эти люди въ теченіе цѣлыхъ трехъ столѣтій, наслѣдуя отъ отца къ сыну и земли, и должности, и промышленность, дорожили правительствомъ, даровавшимъ имъ всѣ эти блага, и не желали разставаться съ землею, на которой выросли и разбогатѣли.

Бразильянцы-же были раздроблены, разрознены, города и провинціи соперничали между собою. Революціонные комитеты, или юнты, были разрознены, плохо организованы, не обладали ни единствомъ мысли, ни единствомъ дѣйствій, страдая отъ отсутствія главы. Были, конечно, и горячіе, благородные порывы, было не мало геройства и священныхъ подвиговъ, но были и личные счеты, и вражда, и взаимная зависть другъ къ другу трибуновъ и дѣятелей, и самообожаніе ораторовъ и похвальба военной удалью, словомъ, всѣ недуги молодого народа, нарождающейся націи и пробуждающагося народнаго сознанія, отъ которыхъ всегда страдали всѣ революціонные перевороты. Но не смотря на

это отсутствіе единства и всякаго рода безпорядки и неурядицы, все-же Бразилія, въ концѣ концовъ, изгнала бы чужеземцевъ, до такой степени декретъ кортесовъ возмутилъ всѣхъ и взволновалъ всѣ провинціи. Когда поднимается цѣлый народъ во имя одной общей и ясной цѣли, то всѣ войска и военныя силы — ничто, и рано или поздно и гарнизоны, и крѣпостныя стѣны падутъ сами собой передъ мощною силой народной воли.

Впрочемъ на этотъ разъ въ драмѣ учавствовало еще третье лицо, человѣкъ дѣятельный, энергичный, обладавшій быстрымъ соображеніемъ, готовый на борьбу и не желавшій сойти со сцены.

Это былъ донъ-Педро Брагансскій, сынъ Іоанна II и наслѣдникъ трехъ королевствъ. Теперь онъ сталъ исторической личностью и съ нимъ не мѣшаетъ ознакомиться поближе.

Донъ Педро Брагансскій прибылъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ въ Бразилію въ пору французскаго нашествія. Ему, смѣлому и ловкому молодому человѣку, не по душѣ была кабинетная работа и онъ искалъ развлеченія въ охотѣ и смотрахъ, почти не принимая участія въ политикѣ и правительственныхъ дѣлахъ. Такую жизнь донъ Педро велъ съ 1808 по 1820 годъ.

Это была натура живая, сангвиническая, изъ числа тѣхъ богатыхъ энергіей, горячихъ натуръ, которыя, когда ихъ пылъ умѣренъ разумнымъ воспитаніемъ и образованіемъ, а инстинкты направлены въ хорошую сторону, страстно увлекаются всѣмъ прекраснымъ, дѣлаютъ подвиги добра и становятся героями; если же онѣ предоставлены самимъ себѣ, или плохо направлены и необузданы, то предаются безумнымъ излишествамъ и почти всегда губятъ себя.

Теперь посмотримъ, какого рода вещи прежде всего преподавались юному принцу, дону Педро?

Всѣ мелочныя подробности и правила придворнаго этикета, всѣ феодальные предразсудки, культъ привиллегій

рода и происхожденія и абсолютныя прерогативы власти были внушаемы ему.

Но, къ счастію, для него, донъ Педро имѣлъ прекраснѣйшаго учителя — время! На его глазахъ происходили революціи и катастрофы безъ конца; передъ нимъ проходили войны; нарождались и развивались различныя идеи. Онъ понялъ, что средніе вѣка отошли въ вѣчность, канули въ Лету навсегда и что приходится слѣдовать новому теченію. Изъ этого произошло то, что въ характерѣ его и во взглядахъ получилась какая то раздвоенность: съ одной стороны человѣкъ прошлаго вѣка, играющій въ декреты, олицетворяющій изъ себя сильнаго, нарушающій совѣты и собранія, словомъ, попирающій чужую личность и чужія права, а съ другой стороны—человѣкъ своего времени, своего вѣка, постоянно возвращающійся къ новымъ вліяніямъ: независимости, конституціи и человѣческому праву. Португальская революція съ ея программой, основанной на сардинской конституціи 1812 г., сильно взволновала Бразилію. Провинція Мараньонъ пристала къ ней, Багія назначила временную юнту, а въ Ріо народная манифестація приняла размѣры почти революціи.

Что-же дѣлалъ въ это время наслѣдникъ престола? Онъ смѣло вмѣшался въ толпу, сдѣлавъ это оффиціально, явно обратился къ ней съ рѣчью, какъ трибунъ, ратовалъ предъ отцомъ за конституцію и, наконецъ, самъ первый присягнулъ ей.

Это-ли не прекрасное вступленіе для революціи? И донъ Педро Браганцкій стоялъ на добромъ пути для начала, но вотъ что вышло дальше.

Король Іоаннъ II въ своемъ декретѣ 7-го марта 1821 г., возвѣщая о своемъ удаленіи изъ Бразиліи, облекаетъ высшею властію и титуломъ намѣстника, своего наслѣдника престола при временномъ правительствѣ.

Каково-же должно было быть это временное правительство? Какую роль долженъ былъ играть новый намѣстникъ? Опасавшіеся за свою свободу избиратели рѣшили, что испан-

ская конституція 1812 г. должна быть временнымъ закономъ въ Бразиліи. Это, конечно, было своего рода обезпеченіе; принцъ-намѣстникъ подчинялся такимъ образомъ конституціи и юнтѣ. Но чтобы не быть въ подчиненіи, а управлять самовластно, онъ приказалъ вооруженной силой овладѣть залой собранія юнты; двое изъ избирателей были убиты на повалъ, многіе были ранены, многія брошены въ тюрьму, а 22-го апрѣля вышелъ новый декретъ Іоанна II, въ которомъ окончательно организовывалось намѣстничество и временное правительство въ Бразиліи.

Милостивый король облекалъ сына всѣми привиллегіями своей власти и придавалъ ему, въ качествѣ отвѣтственныхъ совѣтниковъ, его товарищей и ближайшихъ друзей, а затѣмъ, наскучивъ декретами, рѣчами, юнтами и требованіями конституціи, Іоаннъ II покинулъ Бразилію, сказавъ на прощаніе сыну въ послѣднюю минуту разставанія: „Я предвижу, что Бразилія вскорѣ отложится отъ Португаліи, а въ такомъ случаѣ, если ты не съумѣешь сохранить для меня эту корону, то сохрани ее для себя, чтобы Бразилія не попала въ руки какихъ нибудь авантюристовъ!“,

И этому совѣту послѣдовалъ донъ Педро. Всѣ провинціи находились въ броженіи; всѣ онѣ возстали. Багія на отрѣзъ отказалась признать новое правительство. Пара, Мараньонъ и Пернамбуко принимали дѣятнльное участіе въ юнтахъ: прогоняли губернаторовъ, не платили государственныхъ сборовъ; и, если-бы въ то пору было единство, согласіе и миръ между вожаками народнаго движенія, то революція на этотъ разъ безусловно свергла бы и диктатуру, и новое правительство!

Но принцъ успѣлъ прислушиваться къ народному голосу и различать извѣстную нотку въ гомонѣ толпы; видя, что Ріо, его столица, открыто вступаетъ въ борьбу, онъ добровольно принялъ временное собраніе, санкціонировалъ всѣ права, присвоенныя имъ себѣ отъ имени народа, раскрылъ двери всѣхъ тюремъ, переполненныхъ по его же приказу въ день апрѣльскаго государственнаго переворота, словомъ, любезничалъ и заискивалъ передъ юнтой.

Принцъ-регентъ затаилъ свои честолюбивые замыслы и пряталъ свои кости. Вдругъ раздался сильный голосъ, великое слово изъ скромной провинціи Сентъ-Пауль. Несмотря на кое-какія оговорки и весьма политичное ограниченіе, это былъ голосъ, несомнѣнно призывавшій къ всеобщей революціи, призывавшій громко и энергично.

И принцъ, и народъ поняли этотъ энергичный призывъ. Хозе Бонифаціо-де-Андраде, автора той сильной вдохновенной брошюры, взволновавшей всѣ умы Бразиліи. Скромный авторъ былъ призванъ въ совѣтъ регента,—и съ того момента донъ Педро, не задумываясь, шелъ по пути къ престолу, служа всѣми средствами дѣлу независимости.

Не безъ опасности для себя онъ старался удалить всѣ португальскія войска, занимавшія столицу и прибрежье, не допускалъ входить въ заливъ судамъ, присылаемымъ изъ Лиссабона; съ малыми средствами, среди всякаго рода смутъ и неурядицъ, онъ съумѣлъ организовать защиту и всякій разъ, когда гдѣ нибудь въ дальнемъ уголку страны скоплялись на горизонтѣ тучки и начинало проглядывать нѣкоторое недовѣріе къ нему, тотчасъ-же лично шелъ туда, шелъ открыто, разсѣивалъ всѣ сомнѣнія и подозрѣнія, успокаивалъ всѣ умы и привлекалъ къ себѣ всѣ сердца. Такъ поступилъ онъ и по отношенію къ провинціи Минасъ-Херассъ, на возвратномъ пути откуда кинулъ своей родинѣ этотъ смѣлый вызовъ, это великое слово: „независимость или смерть“. Его энергія и дѣятельность были по истинѣ неутомимы, а горячность, съ какою онъ все время относился ко святому дѣлу независимости Бразиліи, не ослабѣвала ни на минуту. Онъ далъ Бразиліи оружіе и знамя—знакъ независимости.

Этимъ принцъ регентъ купилъ себѣ престолъ. Послѣ того онъ издавалъ декретъ за декретомъ и противъ Лиссабона, и его кортесовъ. и противъ его войскъ и губернаторовъ, и противъ его флота, а у себя очистилъ дворъ и министерства отъ ненавистныхъ бразильянцамъ португальскихъ пришельцевъ. Кромѣ того, по внушенію Хозе-Бонифаціо-де-Андраде, онъ объявилъ амнистицію въ честь независимой

Бразиліи, въ текстѣ которой читалось между строкъ, что всѣ, получившіе амнистію, могутъ переселиться, куда имъ будетъ угодно. Наконецъ, онъ завершилъ свое дѣло тѣмъ, что обратился съ воззваніемъ къ народу, созывая его для всеобщаго избирательства. „Я ставлю за честь для себя управлять лишь народомъ свободнымъ и великодушнымъ“ —писалъ онъ.

Бразильскіе кортесы были учреждены и принцъ-регентъ получилъ престолъ. Хозе Бонифаціо былъ сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а португальская партія, если она еще и существовала кое-гдѣ, въ сѣверныхъ провинціяхъ, доживала свои послѣдніи дни. Несомнѣнно, что Бразилія была теперь свободна отъ Португальскаго владычества и являлась самостоятельной державой.

Принцъ-регентъ принялъ титулъ „Постояннаго Защитника Бразильской Независимости и Свободы“ и сохранилъ его за собой, взойдя на тронъ.

Дона Педро I-го упрекаютъ во многомъ и весьма возможно, что онъ дѣлалъ ошибки, но только справедливость требуетъ сказать, что всѣ онѣ были слѣдствіемъ его воспитанія, тогда какъ всѣ его несомнѣнныя качества и достоинства были присущи ему лично.

Въ то время, когда правительства всѣхъ государствъ стремились къ абсолютизму, императоръ донъ Педро I написалъ хартію, въ которой между прочимъ говорилось слѣдующее:

„Господствующей государственной религіей является вѣроисповѣданіе римско-католическое, но всѣ другія вѣроисповѣданія терпимы въ Имперіи и допускается всякій культъ со всѣми его обрядами“.

И еще:

„Представителями бразильскаго народа являются императоръ и народное собраніе, но всѣ полномочія и верховная власть въ Бразильской имперіи предоставлены народу“.

Человѣкъ, написавшій это, былъ несомнѣнно человѣкомъ великаго ума, примѣрнымъ гражданиномъ и мудрымъ политикомъ.

Въ отреченіи своемъ, донъ Педро I такъ же выказалъ много достоинства и спокойствія. Онъ не снизошелъ до оскорбленія. Нарождающемуся государству онъ поручилъ своего сына, давъ ему въ опекуны и воспитатели одного изъ своихъ бывшихъ друзей, того самаго Хозе Бонифаціо Андраде, котораго онъ нѣкогда казнилъ опалой.

„Основательно обсудивъ политическое положеніе этой имперіи,—писалъ онъ,—и убѣдившись, до какой степени необходимо мое отреченіе, и не столько дорожа славою своего имени, сколько счастіемъ и благополучіемъ моей новой родины, я считаю за лучшее, въ силу права, предоставляемаго мнѣ конституціей, назначить дѣйствительнымъ попечителемъ и опекуномъ моихъ возлюбленныхъ дѣтей, уважаемаго, великаго патріота гражданина Хозе Бонифаціо де Андраде, истиннаго моего друга.

Донъ Педро I“.

Письмо это, полное благородства и достоинства, свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ величіи души этого человѣка.

Прежде чѣмъ покинуть рейдъ Ріо, донъ Педро I написалъ еще послѣднее письмо къ своимъ друзьямъ и своему народу:

„Не имѣя возможности проститься съ каждымъ изъ моихъ друзей въ отдѣльности и благодарить ихъ за ихъ добрыя услуги, ни испросить у нихъ прощенія за всѣ обиды, быть можетъ, нанесенныя имъ мною неумышленно, смѣю въ томъ увѣрить, я обращаюсь съ этимъ письмомъ ко всему моему народу съ тѣмъ, чтобъ закончить свои счеты.

„Удаляясь въ Европу, я съ душевнымъ прискорбіемъ и сожалѣніемъ покидаю свою родину, своихъ дѣтей и своихъ истинныхъ друзей. Разлука съ существами, столь близкими и дорогими, должна быть тяжела и болѣзненно чувствительна даже и для самаго жестокаго сердца, но разлучиться съ ними, чтобы исполнить долгъ чести—это высшая слава, о какой можно мечтать!

„Прощай родина! Прощайте друзья! Прощайте на вѣкъ!

„На англійскомъ кораблѣ Warspites, 12 апрѣля 1831 г.

„Донъ Педро де Алькантара де Браганца и Бурбонъ".

Письмо это превосходно; это сердечный вопль чувствительной души; каждое слово глубоко прочувствовано и трогательно своею искренностью и простотой.

Все то, въ чемъ упрекаютъ дона Педро I, все искупается этимъ однимъ фактомъ, что онъ даровалъ своей странѣ свободу и независимость.

Бразильцы поняли это и теперь конная статуя дона Педро I воздвигнута на лучшей площади Ріо, на площади Конституціи.

И всѣ бразильцы, до послѣдняго, признаютъ, что ему воздали этимъ лишь должную справедливость--честь, принадлежащую ему по праву.

VI. Бразильское правительство.

Въ Америкѣ наблюдаются извѣстныя явленія, которыхъ, по видимому, никто не замѣчаетъ, но которыя, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ будутъ имѣть громадное вліяніе на судьбы Новаго Свѣта. Когда сѣверныя и южныя колоніи завоевали свою независимость, то изъ числа всѣхъ этихъ освободившихся колоній только двѣ пошли явно по пути прогресса и послѣ цѣлаго ряда страшныхъ потрясеній, которыя были неизбѣжны, силою своего неутомимаго мужества и настойчивости, добились полной автономіи и затѣмъ стали богаты и уважаемы и образовали изъ себя величайшія государства въ Америкѣ.

Эти колоніи, о которыхъ я говорю, въ Сѣверной Америкѣ—Соединенные Штаты, а въ Южной—Бразилія. Первая изъ нихъ республика, вторая монархія.

Правда, Соединенные Штаты ушли много впередъ противъ Бразиліи, но вѣдь они и старше ее на цѣлые полвѣка.

Пуритане и всякаго рода паломники, искавшіе убѣжища въ Новомъ Свѣтѣ и по духу своему, и по принципамъ, и

даже по религіи своей были республиканцами, сами того не подозрѣвая.

Потому-то, какъ только они изгнали своихъ старыхъ владыкъ, то естественно образовали республику, потому что издавна были подготовлены къ тому.

Къ тому-же англо-саксонская раса какъ-то инстинктивно склонна къ этой формѣ правленія.

Въ Бразиліи-же все было иначе: здѣсь собирались не сектанты, странники и паломники, искавшіе пріюта и убѣжища отъ гоненій и преслѣдованій, а весь Португальскій королевскій домъ.

Прибытіе Португальской королевской семьи въ Бразилію было великимъ событіемъ для страны и зарею предвѣстницей близкой эмансипаціи для ея народа.

Это освобожденіе и отдѣленіе Бразиліи было неизбѣжно. Узнавъ поближе этотъ чисто феодальный дворъ, колонисты научились презирать его, а королевская семья, со своей стороны, не съумѣла понять духа своего народа и чувствовала себя здѣсь не по себѣ, а потому, какъ только ей представился случай вернуться въ Европу, она не замедлила воспользоваться имъ, зная прекрасно, что Бразилія потеряна для нея.

Донъ Педро II-й былъ пятилѣтнимъ мальчикомъ въ то время, когда отецъ его покинулъ Бразилію и вернулся въ Европу. Ребенокъ родился въ Бразиліи; поэтому народъ принялъ его и провозгласилъ своимъ государемъ.

Всѣ кризисы, смуты и безпорядки тотчасъ-же прекратились.

Словно чудомъ эта страна, испытавшая столько волненій и переворотовъ въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ, вдругъ разомъ успокоилась. Нѣтъ такихъ политическихъ бурь, которыя-бы не улеглись передъ улыбкой бѣлокураго херувима: въ безпомощности его заключается вся его сила.

Къ тому-же юный императоръ былъ усыновленъ народомъ; кто могъ протестовать противъ него? Что еще болѣе всего способствовало успокоенію умовъ, такъ это то, что теперь

государственный совѣтъ былъ Бразильскій и вся администрація—Бразильская.

Пусть кое-гдѣ въ провинціяхъ и волновались еще, но это было не болѣе какъ простая рябь на поверхности гладкаго озера! вся главная масса народа оставалась покойна подъ властью императора-младенца.

Всякая мысль, родившаяся въ народѣ, держится въ немъ упорно и не такъ-то скоро забывается.

Послѣ десяти лѣтъ опеки и несовершеннолѣтія донъ Педро II-й вступилъ въ отправленіе всѣхъ своихъ обязанностей и сталъ отвѣтственнымъ лицомъ передъ своимъ народомъ. Простой и не привыкшій къ пышности и праздности, онъ предпочиталъ науку и занятія—празднествамъ и увеселеніямъ.

На первой-же ступени къ трону онъ увидѣлъ передъ собою конституцію.

Конституція эта точно опредѣляла всѣ права и всѣ обязанности каждаго, и государя, и народа. Она провозглашала независимость Бразиліи, верховную власть народа и свободу гражданъ.

Это былъ своего рода контрактъ, или письменное условіе между государемъ и государствомъ.

Донъ Педро II-й присягнулъ этой конституціи сорокъ лѣтъ тому назадъ. Это по нашимъ временамъ весьма долгій срокъ для хартіи.

Въ Европѣ такого рода вещи не долговѣчны: во Франціи, напримѣръ, были-бы, конечно, безпорядки, которые рано или поздно должны были-бы кончиться революціей.

Но въ Бразиліи, слава Богу, дѣла эти обстоятъ иначе. Тамъ общіе законы всегда живы и уважаемы и имъ покоряется всякій до мелочей. Никакихъ ложныхъ толкованій закона, никакихъ изысканій, чтобы отыскать его слабыя стороны и недостатки.

Человѣкъ, принесшій присягу этой конституціи, никогда ни на мгновеніе не забывалъ этой присяги, честно исполнялъ данное имъ слово, ставя свой долгъ выше всего осталь-

наго и во всемъ сохраняя и постоянно соблюдая данную имъ клятву.

Онъ былъ молодъ и былъ главою государства; онъ могъ-бы по примѣру своихъ сосѣдей увлечься воинскими подвигами и лаврами побѣдителя, желаніемъ снискать славу своему имени, но онъ не сдѣлалъ этого.

Юный императоръ всегда имѣлъ безъ труда большинство голосовъ, имѣлъ мудрыхъ и энергичныхъ совѣтниковъ, преданныхъ слугъ. И никогда онъ не увлекалъ это большинство на что-либо, ведущее къ удовлетворенію его честолюбивыхъ замысловъ или цѣлей, никогда не скомпрометировалъ никого въ интересахъ своей прерогативы и своей династіи.

Предлагали ему построить новый дворецъ, потому что его жилище въ Ріо было весьма ветхо и весьма мало напоминало собой Версаль, но онъ отказался отъ этого, сказавъ:

— Если понадобится, вы подумаете объ этомъ послѣ, но прежде слѣдуетъ позаботиться о дорогахъ, банкахъ и колоніяхъ!

Государи Европы иначе понимаютъ наслажденія верховной власти: имъ необходимъ блескъ обстановки, роскошь конюшень и многочисленной свиты.

Но въ Европѣ никто объ этомъ не знаетъ, многіе считаютъ Бразилію полудикой страной, изъ которой мы получаемъ кофе и ничего болѣе. Таково наше отношеніе къ странѣ, въ которой любая провинція чуть-ли не больше цѣлой Франціи, и которая имѣетъ населеніе въ 12 милліоновъ душъ, увеличивающееся съ поразительной быстротой—годъ отъ года.

Тщательный блюститель конституціи, донъ Педро II, требовалъ исполненія всѣхъ законовъ конституціи—карательныхъ и оградительныхъ, всѣхъ приговоровъ и постановленій суда съ неумолимою твердостью и хладнокровіемъ. Потому-то слѣдуетъ обвинять въ нѣкоторыхъ, быть можетъ, излишнихъ строгостяхъ не императора, а только конституцію.

Съ 1831 года по 1840 годъ, во время несовершеннолѣтія дона Педро II, было не мало возмущеній и возстаній

въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ населеніе вѣчно стремилось къ республикѣ. Всѣ эти народныя движенія были подавлены, но никогда не искоренены въ конецъ, хотя не разъ главнѣйшіе зачинщики и даже соучастники бывали жестоко наказуемы и дѣло доходило до казней и эшафотовъ. Но императоръ былъ еще несовершеннолѣтнимъ и потому вся отвѣтственность падала на регентство.

Послѣ коронаціи и окончательнаго вступленія въ управленіе дѣлами государства молодого императора были также серьезныя смуты и безпорядки въ провинціяхъ де-Минасъ и Сентъ-Поль. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дошло даже до вооруженнаго возстанія. Инсургенты были усмирены, возстаніе подавлено и наряжено слѣдствіе, но на этотъ разъ палачамъ не было работы.

Декретомъ 14-го марта 1844 года была объявлена амнистія и всѣ тюрьмы раскрылись, а въ слѣдующемъ за симъ году окончилась на всегда маленькая внутренняя война, длившаяся ровно десять лѣтъ.

Великія событія, потрясавшія Францію въ 1848 г., отразились и на Бразиліи, и здѣсь много кричали и волновались, но на этотъ разъ дѣло не дошло до оружія. Произошло сраженіе только въ Пернамбуко, длившееся всего 13 часовъ, и затѣмъ все пришло въ порядокъ. Это послѣднее волненіе дорого обошлось старому бунтовщику—этому древнему городу, уже столько пострадавшему отъ своего неугомоннаго революціоннаго нрава, но теперь давно уже не остается въ тюрьмахъ ни одного изъ побѣжденныхъ.

Вотъ явленіе, необычайность котораго, вѣроятно, покажется дикимъ нашимъ европейскимъ политикамъ, судящимъ о государяхъ и государствахъ по Римскому праву: въ Бразиліи вотъ уже много лѣтъ нѣтъ ни политическихъ преступленій, ни государственныхъ преступниковъ, ни предостереженій, ни заговоровъ, ни доносовъ.

Тамъ мысль и сужденіе каждаго свободны и всякій въ правѣ высказать ихъ; императоръ донъ Педро II ставилъ

свое величіе не въ прерогативахъ своей особы, но въ характерѣ и дѣяніяхъ.

Такъ какъ духъ народа въ Бразиліи—есть духъ терпимости, примиренія и общительности, то даже и самый католицизизмъ, хотя и считается господствующей государственной религіей, но не смѣетъ громить своими проклятіями и анаѳемой.

Вотъ каково положеніе дѣлъ въ Бразиліи и какъ его слѣдуетъ изображать, чтобы мы, Европейцы, могли себѣ составить вѣрное понятіе объ этой странѣ.

Однако есть умники, государственные люди, глубокіе политики, которые говорятъ: „У насъ нѣтъ никакой иниціативы, нѣтъ послѣдовательности въ дѣлахъ, нѣтъ организаціи, словомъ, нѣтъ движенія; много рѣчей и мало дѣйствій; намъ надо сильное, энергичное правительство, сильный, энергичный человѣкъ“.

А конституція? А присяга? Ужъ не бросить-ли весь этотъ хламъ прямо въ яму?

Такъ значитъ требуется сильная рука, сильное правительство!?

Это гораздо легче встрѣтить, чѣмъ государя, человѣка добросовѣстнаго и не себялюбиваго.

Стоитъ только вспомнить послѣднюю имперію во Франціи или нынѣшнюю Германію. Тамъ нѣтъ общественнаго духа, общественнаго настроенія, нѣтъ контроля, нѣтъ свободной личной иниціативы: нація-машина дѣйствуетъ, вертитъ жернова, пашетъ, сѣетъ, производитъ ипродаетъ и,—изъ этой громадной мастерской выходятъ чудеса. Но вѣдь это какое-то карательное заведеніе, нѣчто въ родѣ рабочаго дома.

Что касается меня лично, то я предпочитаю конституцію энергичному правительству и честнаго добросовѣстнаго человѣка—человѣку сильному.

Бразилія имѣла земли, рудники, пріиски и прекраснѣйшіе порты, ей не хватало только свободы и независимости, безъ чего все мертво и безсильно. И вотъ она получила независимость, и съ этого дня Бразилія какъ

будто возродилась. Она счастлива и богата,—ей не остается ничего болѣе желать. Правда, нѣтъ громкой славы и громкихъ подвиговъ, но зато есть счастіе. Кто-то сказалъ: „Счастливы тѣ народы, у которыхъ нѣтъ исторіи". Но Бразилія имѣетъ свою славную исторію, она создала ее всю сама силой своего мужества, устойчивости и правильнаго сужденія. Теперь она вступила въ новую эру своей исторіи.— Это исторія прогресса, труда, мирной борьбы и соревнованія, борьбы, въ которой нѣтъ ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей.

VII. Городъ.

Сдѣлавъ бѣглый и краткій но точный обзоръ исторіи этой страны, я стану продолжать свой разсказъ о странствованіяхъ моихъ по городу.

Я поселился, какъ уже говорилъ раньше, у г-на Лидена. Комната, которую, я занималъ у него въ домѣ, была большая, прекрасно вентилированная, свѣтлая и хорошо обставленная, но бразильскія постели — это нѣчто ужасное для иностранцевъ, привыкшихъ къ болѣе или менѣе удобнымъ постелямъ. Это какія-то лепешки, толщиною пальца въ четыре не болѣе, и до того жесткія, что трудно даже предположить, изъ чего эти матрацы могутъ быть сдѣланы. О большихъ подушкахъ здѣсь не имѣютъ даже понятія, а маленькія головныя подушки ни на что не похожи. Простыни походятъ на носовые платки, кромѣ того полагается бумажное одѣяло и мустикеръ, т. е. родъ полога. Приходится ложиться безъ огня, герметически закупоривъ окна, если не желаешь быть съѣденнымъ всякаго рода насѣкомыми, мошками и т. п.

Эти мошки, почти не замѣтныя для глаза, кусаютъ чрезвычайно больно. Почти часъ спустя, послѣ того какъ я легъ въ постель и все ворочался съ боку на бокъ

стараясь заснуть, я вдругъ почувствовалъ, что какое-то животное бѣгаетъ по мнѣ; я широко раскрылъ глаза и увидѣлъ отвратительную ящерицу тѣльнаго цвѣта, производившую такое впечатлѣніе, какъ будто съ нее содрали кожу. Выскочивъ изъ кровати, я укутался своимъ плащемъ и провелъ весь остатокъ ночи въ своемъ качальномъ креслѣ, гдѣ проводилъ затѣмъ всѣ ночи за время моего пребыванія въ Ріо.

По утру г-нъ Лиденъ освѣдомился о томъ, какъ я спалъ, и я разсказалъ ему непріятную исторію съ ящерицей.

Мой любезный хозяинъ весело расхохотался.

— Баа!—сказалъ онъ—дня черезъ два, три вы объ этомъ совершенно забудете. Всѣ постели въ Ріо таковы, а что касается этой ящерицы, то, хотя она дѣйствительно не очень привлекательна, но зато будетъ вамъ очень полезна.

— Какимъ образомъ?

— Прежде всего я долженъ вамъ сказать, что она совершенно безобидна, предоставьте ей бѣгать, гдѣ ей вздумается,—и она избавитъ васъ отъ всякихъ мошекъ и насѣкомыхъ, наполняющихъ здѣсь всѣ дома.

Я принялъ это къ свѣдѣнію и предоставилъ этому милому животному охотиться вволю. Вскорѣ мы стали съ нимъ большими друзьями.

Въ одиннадцать часовъ, обычный часъ завтрака, я спустился въ столовую, гдѣ г-нъ Лиденъ съ своей семьей кушалъ за длиннымъ столомъ вмѣстѣ съ десяткомъ своихъ рабочихъ португальцевъ. Для меня же накрытъ особый столикъ. Но я вовсе не желалъ этого и тутъ же объявилъ г-ну Лидену полуукоризненно, полушутя, что поселился у него вовсе не для того, чтобы жить одному, какъ какой-то мизантропъ, а чтобы жить съ нимъ и его семьей, и что вовсе не считаю себя такимъ аристократомъ, для котораго унизительно сѣсть за одинъ столъ съ нимъ и его рабочими.

Къ кофе прибылъ и г-нъ Сойе, обѣщавшій отправиться вмѣстѣ со мной на таможню. Такъ какъ у меня было съ

дюжину ящиковъ, тюковъ и чемодановъ, то г-нъ Лиденъ любезно предложилъ мнѣ свою телѣжку.

Таможня въ Ріо поистинѣ великолѣпное и грандіозное зданіе; тамъ масса служащихъ; повсюду замѣчается лихорадочная дѣятельность и строгій порядокъ въ администраціи. Я ожидалъ большихъ задержекъ и множества затрудненій, но г-нъ Сойе прекрасно зналъ всѣ таможенные порядки, всѣ ходы и выходы этого громаднаго зданія и провелъ меня къ директору таможни. Когда ему доложили обо мнѣ, онъ тотчасъ-же приказалъ проводить меня къ нему въ кабинетъ. Я увидѣлъ передъ собою утонченно любезнаго господина, прекрасно говорившаго по французски. Поговоривъ съ нимъ съ полчаса, мы разстались очень дружелюбно, послѣ чего одинъ изъ чиновниковъ проводилъ меня туда, гдѣ находился мой багажъ. Меня заранѣе предупреждали о томъ, что здѣсь осмотръ очень строгій, и что чиновники исполняютъ свои обязанности очень добросовѣстно. Это меня не безпокоило, ничего запрещеннаго у меня не было, но мнѣ было непріятно думать, что станутъ ворошить мое платье и бѣлье. Однако меня ожидалъ пріятный сюрпризъ: когда я подалъ чиновнику ключи отъ своихъ ящиковъ и чемодановъ, онъ любезно отказался принять ихъ, сказавъ, что ему извѣстно, что я не имѣю при себѣ контрабанды; очевидно, были сдѣланы распоряженія относительно моего багажа.

Г-нъ Лиденъ былъ крайне удивленъ, что мы такъ скоро вернулись: я разсказалъ ему, какъ счастливо я отдѣлался отъ всѣхъ этихъ формальностей.

Когда весь мой багажъ былъ внесенъ въ мою комнату и вещи разставлены по мѣстамъ, мы съ г-мъ Сойе отправились снова по дѣламъ въ городъ.

Со времени восшествія на престолъ дона Педро II было пристроено нѣсколько новыхъ кварталовъ, городъ разросся болѣе чѣмъ на половину и украсился множествомъ прекрасныхъ памятниковъ, зданій, множествомъ бульваровъ и садовъ, которые содержатся въ образцовомъ порядкѣ.

Тѣ, кто построилъ городъ, непростительно ошиблись въ выборѣ мѣста для основанія города, который долженъ былъ со временемъ имѣть такое большое значеніе. Городъ, т. е. весь старый городъ, лежитъ на болотѣ. Изъ этого проистекаетъ много важныхъ неудобствъ: во первыхъ, дома не могутъ имѣть погребовъ, а затѣмъ, когда надъ городомъ собирается гроза и разражается ураганъ, какой бываетъ постоянно въ Ріо, т. е. свирѣпствующій съ бѣшенствомъ надъ злополучнымъ городомъ, то болота, образующія мѣстную почву, производятъ сифоны съ облаками, отягощенными электричествомъ. Благодаря этому здѣсь во время грозы положительно нечѣмъ дышать,—и воздухъ вмѣсто того, чтобы освѣжиться, становится послѣ грозы лишь болѣе тяжелымъ и удушливымъ.

Говорятъ, что эти грозы, въ связи съ вредными испареніями болотъ въ узкихъ улицахъ, гдѣ чувствуется постоянно недостаточно воздуха, являются одной изъ главныхъ причинъ желтой лихорадки, свирѣпствующей ежегодно въ Ріо, въ сезонъ дождей, перемежающихся сильными жарами, дѣйствуя особенно пагубно на пріѣзжихъ, преимущественно на Европейцевъ.

Въ центрѣ города, представляющемъ самое сердце Ріо, улицы скрещиваются подъ прямымъ угломъ; онѣ узки и почти всѣ плохо мощены, а узкія полоски тротуаровъ являются въ несравненно большей мѣрѣ достояніемъ муловъ, чѣмъ пѣшеходовъ.

Конечно, это относится только къ старому городу; что же касается новыхъ кварталовъ, то тамъ всѣ улицы широкія, прекрасно мощеныя, съ настоящими тротуарами. Эти прямыя, широкія улицы новаго города свободно разростаются съ каждымъ годомъ, отвоевывая все новые обширные участки у болотистой равнины Глоріи. Воды, омывающія съ двухъ сторонъ городъ, имѣютъ прекрасные берега, усаженные виноградниками съ большими садами, въ которыхъ прячутся маленькіе котэджи. Сюда стремятся по воскреснымъ днямъ на отдыхъ иностранные камерсанты, проживающіе въ Ріо.

На прибрежныхъ горахъ красуются привлекательныя, нарядныя дачи, куда съѣзжаются полюбоваться роскошными видами отдохнуть въ тѣни и подышать ароматнымъ морскимъ вѣтеркомъ.

Къ сожалѣнію, этотъ живописный участокъ страдаетъ совершеннымъ отсутствіемъ фабрикъ и заводовъ, съ ихъ высокими трубами и вѣчно дѣятельной жизнью, но изобилуетъ роскошными дворцами и виллами.

Въ наше время промышленность является насущнымъ хлѣбомъ, питающимъ націи, доставляющимъ имъ и силы, и значеніе, и капиталы. Горе тѣмъ городамъ, которые презираютъ промышленность—это презрѣніе убиваетъ и обезсиливаетъ ихъ больше, чѣмъ любая изъ эпидемій!

Сравните, напримѣръ, Лиссабонъ и Лондонъ, Неаполь и Парижъ.

Лиссабонъ и Неаполь прекрасны такъ-же, какъ и Константинополь, но они прекрасны лишь издали, когда вы на нихъ смотрите съ палубы корабля. Но едва вы успѣете ступить на берегъ, какъ видите, что всѣ эти роскошные дворцы—почти руины, что городъ—печаленъ и унылъ, что жизни въ немъ какъ будто вовсе нѣтъ, повсюду нищіе и монахи, стекающіеся со всѣхъ сторонъ. Чувствуется, что эти съ виду столь прекрасные города отживаютъ, что все ихъ великолѣпіе—одна лишь пустая декорація, миражъ, исчезающій при первомъ приближеніи.

А почему? Потому что здѣсь нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ—ничего такого, что даетъ жизнь и дѣятельность народу, что дѣлаетъ городъ цвѣтущимъ, а его населеніе бодрымъ и богатымъ.

На это возражаютъ: Ріо можетъ и отдохнуть, онъ живетъ торговлей; его роль быть складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ южныхъ и западныхъ провинцій мѣстомъ сбыта всѣхъ ихъ производствъ, главнымъ торговымъ рынкомъ для ввоза и вывоза самыхъ разнообразныхъ товаровъ. Въ его рейдѣ стоятъ суда всѣхъ націй, уплачивающія большой налогъ его таможнѣ, а его положеніе какъ столицы и правитель-

ственнаго центра государства обезпечиваетъ ей громадные доходы и барыши.

Да, все это правда, но тѣмъ не менѣе положенiе и роль Рiо иная, нежели роль Парижа или Лондона.

И вотъ, я того мнѣнiя, что Рiо вмѣсто того, чтобъ почивать на лаврахъ своего великолѣпiя, какъ столица, долженъ создать себѣ какую-либо специальность труда или производства и украситься фабриками и заводами, хотя-бы водочными, на которыхъ занимались-бы производствомъ различныхъ водокъ, ликеровъ, рома и т. п. напитковъ. Въ Порто-Реаль, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Рiо, есть такой заводъ, основанный французской компанiей и дающiй работу нѣсколькимъ сотнямъ рабочаго люда.

Пусть правительство поддержитъ эту промышленность и оно убѣдится, что это увеличитъ его доходы. То-же можно сказать и о всѣхъ остальныхъ отросляхъ промышленности.

Затѣмъ, возьмемъ, напримѣръ, богатства дѣвственныхъ лѣсовъ Бразилiи, изобилующихъ драгоцѣнными деревьями и каучукомъ, на который спросъ въ Европѣ возростаетъ съ каждымъ годомъ. И все это, и масса другихъ производствъ пропадаетъ въ Бразилiи совершенно задаромъ вслѣдствiе недостатка предприимчивости, а, главнымъ образомъ, вслѣдствiе отсутствiя путей сообщенiя, которыхъ тамъ, можно сказать, вовсе нѣтъ.

Желѣзнодорожное дѣло находится тамъ еще на самой слабой степени развитiя, хотя все таки влiянiе желѣзныхъ дорогъ довольно замѣтно. Такъ, напримѣръ, провинцiя Сентъ-Поль, которую пересѣкаютъ во всѣхъ направленiяхъ различные желѣзнодорожныя вѣтви, въ настоящее время самая богатая и цвѣтущая изъ всѣхъ.

Впрочемъ, эта провинцiя всегда была передовою и наиболѣе промышленною въ Бразилiи. Когда всѣ эти желѣзныя дороги дойдутъ до Рiо, все разомъ измѣнится.

Эксплоатировать громадные дѣвственные лѣса, покрывающiе большую часть площади Бразилiи, провести повсюду пути сообщенiя, шоссейныя и желѣзныя дороги, сдѣлать

возможнымъ подвозъ отовсюду,—вотъ та задача, надъ которой всего болѣе и всего усерднѣе должно работать бразильское правительство, если оно желаетъ идти крупными шагами по пути прогресса.

Съ тѣхъ поръ, какъ Рибейролль написалъ свою прекраснѣйшую книгу на французскомъ и португальскомъ языкахъ и издалъ ее въ Бразиліи въ 1859 г., Бразилія сдѣлала громадные шаги впередъ и множество недостатковъ, на которые онъ указывалъ, исправлены съ тѣхъ поръ. Бразилія смѣло идетъ по пути улучшеній и прогресса, несмотря на насмѣшки и ропотъ нѣкоторыхъ рутинеровъ, всегда и во всемъ придерживающихся старыхъ порядковъ, хотя-бы даже они были худшими и положительно непригодными для современной жизни.

Въ настоящее время нѣтъ болѣе этихъ китайскихъ стѣнъ, которыя могли совершенно изолироватъ одну націю отъ всѣхъ другихъ; теперь Европа и Америка находятся въ самомъ тѣсномъ общеніи; разстояніе уже не имѣетъ никакого значенія; теперь въ какіе-нибудь двадцать дней, а то и меньше, можно доѣхать изъ Франціи въ Бразилію и благодаря телеграфу, прошедшему черезъ океанъ, въ нѣсколько минутъ здѣсь можетъ быть получена телеграмма и отправленъ отвѣтъ.

Теперь ѣдутъ въ Америку, какъ нѣкогда ѣздили изъ Парижа въ Марсель; современная наука все измѣняетъ. Американцы, бывшіе раньше такими упорными домосѣдами, стали теперь самыми усердными путешественниками-туристами. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они ухитряются побывать вездѣ въ Европѣ, многое видятъ, многому поучаются и возвращаются къ себѣ съ цѣлымъ запасомъ разныхъ полезныхъ свѣдѣній. Такимъ-то путемъ пролагаетъ себѣ дорогу прогрессъ.

Рибейролль особенно сожалѣлъ о недостаткѣ воды въ Ріо и я самъ лично былъ свидѣтелемъ этого недостатка: я видѣлъ, какъ несчастные негры и негритянки по цѣлымъ часамъ простаивали длинной вереницей со своими кувши-

нами и ведрами, чтобы получить хоть немного воды, и затѣмъ уходили ни съ чѣмъ. Но какъ уже говорено выше, теперь и этотъ недостатокъ устраненъ, и Ріо не грозитъ болѣе опасность погибнуть отъ недостатка воды.

Лѣтъ тридцать тому назадъ не существовало въ Ріо и трамваевъ. Жаль, что бѣдный Рибейролль не дожилъ до введенія ихъ. Кромѣ того, онъ жестоко критиковалъ состояніе улицъ, былъ вполнѣ правъ, но съ тѣхъ поръ правительство озаботилось поручить эту отрасль администраціи одному французу. Теперь улицы содержатся прекрасно и уже съ четырехъ часовъ утра прибраны и выметены такъ чисто, что не уступаютъ лучшимъ улицамъ европейскихъ столицъ.

Рибейролль еще жаловался на недостокъ тѣни въ городѣ, и, дѣйствительно, въ его время поле св. Анны, перерѣзывавшее Ріо пополамъ, представляло собой омерзительный пустырь. Теперь-же, благодаря стараніямъ одного геніальнаго садовника француза, Кампо де-Сентъ-Аннь превратился въ прекрасный дѣвственный лѣсъ, со скалами и густыми чащами и зарослями, столь искусно расположенными, что на каждомъ шагу ожидаешь встрѣтить выглядывающаго изъ засады индѣйца. Этотъ великолѣпный городской садъ въ самомъ центрѣ города, обнесенный кругомъ высокой чугунной рѣшеткой, не имѣетъ соперниковъ въ цѣломъ мірѣ.

Кромѣ того, на прибрежныхъ горахъ устроены другія превосходныя мѣста для прогулокъ,—парки и бульвары,—а самый городъ изобилуетъ въ настоящее время прекрасными общественными садами и скверами. Особенно замѣчателенъ общественный садъ Пассейо прекрасно распланированный, изобилующій роскошными группами тѣнистыхъ, развѣсистыхъ деревьевъ, дающихъ много тѣни и прохлады. Здѣсь, кромѣ того, красуются два стрѣльчатыхъ обелиска и прекраснѣйшая группа большихъ каймановъ, художественной работы. Но главною привлекательностью этого сада, несомнѣнно, можетъ считаться терраса надъ моремъ, съ которой открывается чудный видъ прежде всего на пре-

лестную уединенную Глорію, раскинувшуюся вправо и замѣняющую собой, своею высокой горой, очаровательный Ботафого, утопающій въ листвѣ лѣса. Этотъ лѣсъ окуталъ всю гору и спускается къ самому заливу, пестрѣющему судами всѣхъ странъ всѣхъ видовъ и типовъ. Одно время садъ этотъ былъ въ большой модѣ и сюда стекалось по вечерамъ все избранное общество Ріо, а хоръ военной музыки оживлялъ его еще болѣе, придавая ему новую прелесть въ глазахъ публики.

Этотъ питомникъ дѣйствительно превосходенъ. Защищенный со всѣхъ сторонъ высокими горами, онъ получаетъ черезъ узкую щель между двумя горами живительную струю морскаго воздуха, постоянно умѣряющаго чрезвычайный жаръ этой мѣстности.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ здѣсь былъ пыльный, песчаный пустырь съ маленькими прудочками, изобиловавшими рыбой, а теперь это прекрасный ботаническій садъ и питомникъ, которымъ Ріо въ правѣ гордиться. И этой метаморфозой городъ обязанъ королю Іоанну II. Особую прелесть придаетъ этому саду двойная колоннада, какой не могъ похвастать ни одинъ дворецъ, ни одинъ древній храмъ; это—предлинная аллея пальмъ, посаженныхъ въ два ряда съ каждой стороны, на равномъ растояніи другъ отъ друга. Этой аллеей можно положительно залюбоваться: въ ней есть что-то чарующее глазъ, что-то такое, что невольно влечетъ къ себѣ.

Въ Парижѣ, въ Елисейскихъ Поляхъ, долгое время стояла прекрасная конная статуя Императора дона Педро I. Эта статуя, художественное произведеніе искусства, стоитъ теперь на роскошномъ бронзовомъ цоколѣ, украшенномъ историческими барельефами изъ временъ войны за независимость, на площади Конституціи въ Ріо, среди прекраснѣйшаго сквера, большого и тѣнистаго, со множествомъ скамеекъ, на которыхъ сидятъ и отдыхаютъ по вечерамъ жители Ріо.

Рибейролль, такъ любившій Бразилію, горько сожалѣлъ

о томъ, что Ріо не украшають хорошія статуи; особенно ему хотѣлось видѣть здѣсь статую Императора дона Педро I и негра Діаса, одного изъ самыхъ выдающихся героевъ Бразиліи, въ эпоху войны съ Голландіей.

— Неужели, говорилъ онъ,—статуя этого человѣка будетъ неумѣстна подлѣ статуи дона Петро I, этого незабвеннаго героя независимости Бразиліи? Конечно,—добавилъ онъ,—не Императоръ остался-бы недоволенъ этимъ. Онъ самъ герой, любилъ героевъ и отважныхъ людей!—Но Рибейролль забывалъ, что въ ту пору Бразилія была страною рабства; всѣ рабовладѣльцы и всѣ торговцы неграми вызвали-бы по этому случаю если не бунтъ, то ужъ, во всякомъ случаѣ, серьезные безпорядки.

Даже теперь, когда освобожденіе негровъ отъ рабства было вотировано Палатой и, надо сказать, на весьма тяжелыхъ условіяхъ, никто не рѣшился-бы предложить такой вещи. Но тѣмъ не менѣе, я увѣренъ, что рано или поздно его желаніе осуществится,—и статуя Діаса будетъ красоваться на одной изъ площадей Ріо.

VIII. По улицамъ Ріо.

Рибейролль, повидимому, очень одобряетъ Ріо за то, что онъ не расширяется, не подновляется и не прихорашивается на современный ладъ, какъ старый Парижъ, гдѣ безслѣдно исчезаютъ одинъ за другимъ историческіе кварталы, гдѣ старый городъ съ каждымъ годомъ добавляетъ себѣ то скверъ, то бульваръ.

— Здѣсь, говоритъ Рибейралль,—старыя улицы въ цѣлости сохранили свой характеръ, свою первобытную физіономію и даже свое профессіональное названіе.

— Это архивы, помнящіе старину и повѣствующіе ее внимательному наблюдателю.

— Каждый камень здѣсь разсказываетъ свою легенду и всѣ эти легенды по большой части Португальскія.

— Что-же говоритъ намъ, напримѣръ, улица Золотыхъ дѣлъ мастеровъ—dos Ourives? Она говоритъ намъ, что было время, когда всѣ эти лавки и магазины, по приговору правительства, были закрыты и запечатаны и самые инструменты отобраны и секвестрированы согласно приказу короля, присланному изъ Лиссабона. Всѣ одинокіе мастера, а также помощники ихъ и подмастерья насильно забраны въ солдаты, а семейные лишены куска хлѣба, при чемъ малѣйшее сопротивленіе этому жестокому указу наказывалось наравнѣ съ чеканкой фальшивой монеты.

Прекрасная правительственная мѣра для развитія колоніальной промышленности и производства!

Но что могло вызвать такое дикое распоряженіе?

Португальскіе интересы требовали того, португальскіе мастера не желали имѣть конкурентовъ; они боялись художественныхъ рисунковъ и отдѣлки въ работѣ нѣкоторыхъ изъ туземныхъ артистовъ, какъ напримѣръ, Валентина да Фонсека. Монополія, какъ извѣстно, всегда порождаетъ насиліе!

Въ настоящее время улица Ourivés пользуется правомъ безпрепятственно заниматься своимъ ремесломъ и всѣ витрины блещутъ серебряными и золотыми раками, ковчежцами, подсвѣчниками и паникадилами, дарохранительницами и лампадами, словомъ всякой церковной утварью. Впрочемъ, здѣсь также дѣлаютъ и браслеты, аграфы, діадемы, но Бенвенуто Челлини очень рѣдки въ rua dos Ourivés. Швейцарцы, Французы и Нѣмцы поселились здѣсь вмѣстѣ съ Португальцами и Бразильцами. Здѣсь работаютъ оптомъ, а все изящное постоянно получается изъ Парижа.

Какое историческое значеніе улицы d'Ouvidor — („слушатель"), названіе вполнѣ согласующееся съ физіономіей, обычаями и нравами этого квартала или улицы?

Съ двухъ часовъ пополудни и до одиннадцати часовъ вечера, а часто и за полночь, улица эта положительно запружена гуляющими негоціантами, артистами, художниками, депутатами, журналистами, словомъ, людьми, принадлежа-

щими къ высшему кругу общества, которые, прислонясь плечомъ къ притолкѣ какой-нибудь двери или витринѣ магазина, стоятъ и разговариваютъ оживленными группами. Сплетнямъ и переговорамъ нѣтъ конца; никому нѣтъ пощады и помилованія: всѣ здѣсь затронуты и задѣты.—Тутъ, въ этой улицѣ, создаются и гибнутъ репутаціи; слагаются самые злостные и мѣткіе анекдоты, узнаются самыя сенсаціонныя новости; здѣсь негоціанты обдѣлываютъ и рѣшаютъ свои дѣла, здѣсь устанавливается курсъ биржи и совершаются биржевыя операціи. Дамы, нарядныя и кокетливыя, прогуливаются между этими дѣловыми группами, улыбаясь знакомымъ и лишь изрѣдка обмѣниваясь съ кѣмъ нибудь нѣсколькими словами.

Трудно сказать, почему всѣ проявляютъ такое пристрастіе къ этой улицѣ, которая не имѣетъ даже полутора саженъ въ ширину.

Въ развлеченіяхъ тоже нѣтъ недостатка въ Ріо: здѣсь есть увеселенія и развлеченія всякаго рода. Прежде всего, рояли брянчатъ и дребезжатъ съ самаго разсвѣта и до поздней ночи, безъ жалости къ многимъ сотнямъ ушей, которыя отъ этого страдаютъ. Здѣсь съ музыкой не церемонятся: всякій барабанитъ и брянчитъ, какъ умѣетъ, какъ хочетъ и какъ знаетъ.

Затѣмъ, идутъ религіозныя торжества и процессіи, коимъ нѣтъ числа и предѣла. Въ каждомъ мѣсяцѣ есть одно, два или даже три такихъ торжества. Процессія Святаго Георгія,—Тѣла Христова,—Рождества—Страстной недѣли—Успенія и множество другихъ, въ числѣ коихъ я отмѣчу, какъ нѣчто совершенно необычайное, процессію казни Іуды Искаріотскаго. Процессіи эти есть на всѣ дни и числа, на всѣ легенды католиковъ, а одному Богу извѣстно, какъ богата всякаго рода легендами католическая религія.

Болѣе сотни рабочихъ дней ежегодно пропадаетъ благодаря этимъ религіознымъ празднествамъ и торжествамъ.

Негры боготворятъ зажженныя свѣчи, музыку органа, пѣніе и дымъ кадильницъ, а дѣти внѣ себя отъ восторга

при видѣ бѣгающихъ огней, ракетъ, римскихъ свѣчей и петардъ, а потому и негровъ и ребятъ можно видѣть несмѣтными толпами на всѣхъ процессіяхъ.

Что же касается организаторовъ этихъ процессій, т. е. патеровъ и монаховъ всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ братствъ, то они отлично понимаютъ, что традиціи и привычки живутъ въ народѣ долго, даже и послѣ того, какъ самая вѣра вымерла въ сердцахъ. Потому-то они и провозятъ свои золоченыя раки и ковчежцы, свои распятія и хоругви по пыльнымъ улицамъ и дорогамъ города.

Бразильцы обожаютъ театры и всякаго рода зрѣлища; молодежь собирается по нѣсколько разъ въ недѣлю и устраиваетъ любительскіе спектакли въ частныхъ домашнихъ театрахъ.

Г-нъ Менденъ также имѣлъ свою маленькую сцену и зало, которую часто отдавалъ любителямъ. Зала была большая, прекрасно обставленная и прекрасно освѣщенная. Любители не рѣдко исполняли французскіе водевили, а также и небольшія бразильскія вещицы, написанныя спеціально для нихъ или даже ими самими.

Театръ—это удовольствіе, которое преобладаетъ надъ всѣми остальными; удовольствіе, до котораго бразильянцы положительно ненасытны: всѣ классы населенія увлекаются сценой.

Театръ Санъ-Педро-д'Алькантара, на площади Конституціи, и Оларго-до-Росіо не уступаютъ первокласнымъ театрамъ Европы, а второстепенныя сцены, какъ напримѣръ, Жимназіо, Алькazаръ и др. ничуть не хуже малыхъ лондонскихъ театровъ.

Альказаръ—это Фоли Бержеръ Ріо; тамъ пьютъ, кутятъ, разгуливаютъ и притомъ ухитряются не пропустить ни слова изъ всей пьесы.

Наиболѣе посѣщаемый, и лучше всѣхъ обставленный Большой лирическій театръ. Его дирекція богато субсидируется правительствомъ, такъ что имѣетъ возможность ангажировать первѣйшихъ знаменитостей Европы.

Бразильцы—артисты въ душѣ, они любятъ музыку и понимаютъ ее. Когда пѣвица или пѣвецъ съумѣютъ понравиться имъ, то опи чрезвычайно щедры. Я помню, что при мнѣ уѣзжала изъ Ріо одна выдающаяся артистка,—ея отъѣздъ былъ положительнымъ общественнымъ горемъ, хотя эта излюбленная дива была замужней женщиной и примѣрной супругой, что, кстати будь сказано, встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ вообще думаютъ.

Въ бытность мою въ Ріо, я имѣлъ случай слышать не изданную еще оперу „Гуаранисъ", произведеніе одного чрезвычайно талантливаго Бразильскаго композитора.

Я нашелъ, что музыка этой оперы превосходна, богата дивными мотивами, а сюжетъ трогателенъ въ высшей степени. Мнѣ почему-то кажется, что вскорѣ мы увидимъ этого маэстро у насъ въ Парижѣ и это будетъ громаднымъ удовольствіемъ для всѣхъ истинныхъ любителей музыки.

Изъ всего вышесказаннаго мы видимъ, что Бразилія всячески старается наверстать время, которое она принуждена была потерять даромъ въ періодъ португальскаго владычества.

Странный обычай существуетъ въ Ріо, а именно, въ дни первыхъ представленій и бенефисовъ выдающихся артистовъ—площадь передъ подъѣздами театра и прилегающія къ нему улицы усыпаютъ сплошь цвѣтами и листьями. Въ первый разъ, когда мнѣ случилось идти въ театръ при такихъ условіяхъ, я чуть не полетѣлъ носомъ внизъ, такъ трудно и такъ скользко идти по этимъ цвѣтамъ.

Отъ театровъ всего одинъ шагъ и до церквей. Такъ сдѣлаемъ же этотъ шагъ и перейдемъ къ описанію церквей.

Весь городъ буквально пестритъ колокольнями и куполами: тутъ есть и ораторіи, и соборы, и приходскія церкви, и часовни, и храмы всевозможныхъ вѣроисповѣданій, не исключая даже массонскихъ ложъ. Здѣсь каждому предоставляется служить Богу, какъ ему хочется и какъ нравится.

Въ отношеніи архитектуры, церкви Ріо ничѣмъ не за-

мѣчательны, но внутри онѣ богато разукрашены и сіяютъ золотомъ, серебромъ и дорогими тканями; о живописи же можно сказать, что, за весьма немногими исключеніями, это все отвратительная мазня, о которой и говорить не стоитъ.

Чтобы переименовать всѣ церкви и часовни Ріо, потребовалось бы исписать нѣсколько страницъ.

Скажу только, что наиболѣе видающеюся изъ всѣхъ церквей Ріо, по моему мнѣнію, слѣдуетъ назвать Ла Канделларіа, но, къ сожалѣнію, и она, какъ всѣ церкви въ Ріо, втиснута въ узкій проулокъ, вслѣдствіе чего въ ней совершенно темно.

Для красоты внѣшности храма необходима перспектива, а этого-то мы почти нигдѣ не видимъ въ Ріо. Церковь Карла, построенная на дворцовой площади, могла бы похвалиться лучшимъ мѣстоположеніемъ, чѣмъ всѣ остальныя, но бокъ-объ-бокъ съ нею построили императорскую каплицу и благодаря этому близкому сосѣдству обѣимъ стало тѣсно, душно и темно.

Въ Rua Dirécto имѣются двѣ церкви; — церковь Креста и св. Хозе; обѣ эти базилики ничѣмъ не замѣчательны. Затѣмъ слѣдуютъ церкви св. Сабастіана, Розаріо, Санта-Рита, Санта-Анна, Санъ-Франциско, де-Рауло, Санъ-Франциско-д'Азсизъ, Глорія и около сотни другихъ.

Съ середины залива, когда минуешь островъ d'As-Cobras,— Змѣиный, если взглянуть прямо передъ собой, то невольно бросается въ глаза громадное, неуклюжее зданіе, напоминающее древній средневѣковой замокъ. Это монастырь Санъ-Бенто, основанный въ очень давнія времена. Для страны этотъ монастырь сталъ настоящею святыней.

Всѣ монастыри въ Бразиліи чрезвычайно богаты, особенно же славятся своимъ благосостояніемъ бенедиктинцы, которые владѣютъ громадными fazendas, т. е. монастырскими вотчинами, богатѣйшими цвѣтущими фермами, которыя обработываются сотнями рабовъ подъ присмотромъ и надзоромъ монаховъ.

По этому поводу интересно вспомниить, что говорилъ папа Павелъ III о рабствѣ туземцевъ Бразиліи въ 1537 г.

„Индѣйцы, равно какъ и всѣ народы земли, даже и тѣ, которые не приняли крещенія, должны быть свободны и наслаждаться обладаніемъ того, что имъ принадлежитъ. Все, что не будетъ согласоваться съ этимъ основнымъ положеніемъ — осуждается и закономъ Всевышняго, и закономъ естественнымъ"!

Въ 1462 г., папа Пій II грозилъ отлученіемъ отъ таинства св. причащенія всѣмъ португальцамъ, отправляющимся на ловлю негровъ въ Гвинею.

Въ 1639 г. папа Урбанъ VIII предавалъ проклятію рабовладѣльцевъ, въ 1721 г. Бенедиктъ XIV особымъ указомъ порицалъ и укорялъ бразильское духовенство и епископовъ въ попустительствѣ рабовладѣнію и, наконецъ, въ 1839 г. Папа Григорій VII особою буллой подтвердилъ всѣ эти порицанія и воспрещенія своихъ предшественниковъ.

Но что до всего этого монахамъ Санъ-Бенто или всѣмъ остальнымъ? Римъ далекъ и, главное, совершенно безсиленъ, а имъ живется хорошо при этихъ условіяхъ и мѣстные законы покровительствуютъ имъ.

Они лучше, чѣмъ кто либо другой, могли бы противодѣйствовать этому страшному злу, могли сдѣлать много добра, но вмѣсто того, предпочли остаться богатыми fazendeires и стараются искупить свои грѣхи раздачей нѣсколькихъ мисокъ супа.

Впослѣдствіи я еще разъ вернусь къ этому интересному вопросу, а теперь перейдемъ къ другому.

Однимъ изъ моихъ удовольствій было встать по раньше и пойти на рынокъ—преимущественно на рынокъ порта. Этотъ стариннѣйшій изо всѣхъ рынковъ Ріо теперь уже не существуетъ болѣе; все же я хочу сказать о немъ нѣсколько словъ.

Каждое утро я встрѣчалъ здѣсь тѣхъ же торговокъ, присѣвшихъ на корточки и неумолчно болтающихъ, спорящихъ

и ссорящихся между собой, выряженныхъ въ лохмотья и кружева, грубыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразно живописныхъ.

Здѣсь есть и негритянки лавочницы, мѣстныя матроны, патриціанки рынка, съ ключами отъ дома на крючкѣ у пояса. Эти бразильскія торговки соблюдаютъ своего рода важность, онѣ имѣютъ своихъ рабовъ, которые раскладываютъ товаръ, предлагаютъ его покупателямъ и ведутъ съ нимъ переговоры, между тѣмъ какъ хозяйка ларька весело хохочетъ и переговаривается съ товарками, а затѣмъ произноситъ свое рѣшающее слово, когда торгъ между ея подручнымъ и покупателемъ уже почти оконченъ. Этихъ же рабовъ хозяйка ларька часто отправляетъ съ ручнымъ ларькомъ, нагруженнымъ товаромъ, на углы улицы заманиватъ изнемогающихъ отъ жажды или же просто любопытныхъ покупателей.

Но не думайте, чтобъ эти черномазыя аристократки, лавочницы или торговки, имѣли хоть каплю состраданія къ своимъ несчастнымъ сестрамъ и братьямъ, къ своимъ одноплеменникамъ, находящимся въ силу гнетущихъ обстоятельствъ въ услуженіи у нихъ, нѣтъ—онѣ крайне безжалостны, жестоки и даже часто безчеловѣчны по отношенію къ нимъ, не видя ничего въ жизни кромѣ денегъ и не стремясь ни къ чему, кромѣ скопленія грошей. Доказательствомъ служитъ то, что португальцы, жадность, скупость и алчность которыхъ перешла въ поговорку, и тѣ боятся имѣть съ ними какое либо дѣло.

Ко второму разряду рыночныхъ торговокъ принадлежатъ тѣ, которыя не имѣютъ ларьковъ или лавченокъ, а только лотки подъ навѣсомъ изъ холста или парусины, подъ которымъ онѣ укрываются отъ солнца и дождя.

Эти послѣднія часто бываютъ очень привлекательны, кокетливы и граціозны въ своемъ нарядѣ и движеніяхъ. У всѣхъ ослѣпительно бѣлые зубы, яркія губы и прекрасные глаза. Стройныя и тонкія, съ гибкими таліями, съ пытливымъ, бѣгающимъ взглядомъ, онѣ производятъ на путешественника довольно пріятное впечатлѣніе. Это все дочери

Минаса или Багіи; типъ скорѣе восточный, чѣмъ африканскій.

„Негритянки изъ Минаса или Богіи, — говоритъ Рибейролль—это черкешенки старушки Африки". А Рибейролль близко изучилъ ихъ, и зналъ лучше, чѣмъ кто-либо.

Въ принципѣ рабства уже не существуетъ въ Бразиліи, но это освобожденіе, эта эмансипація—чисто платоническая, за исключеніемъ только дѣтей, рожденныхъ послѣ указа объ освобожденіи.

Всѣ рабовладѣльцы весьма естественно продолжаютъ эксплуатировать ихъ трудъ и имѣютъ на то полное право. Торгъ уничтоженъ, но рабы, какъ старые такъ и молодые, будутъ дѣйствительно свободны только по прошествіи 28 лѣтъ по обнародованіи приказа объ освобожденіи.

Владѣлецъ задаетъ своему рабу столько-то той или другой работы на день или на недѣлю, и тотъ, во что бы то ни стало, долженъ выполнить заданное.

Они по своему правы: они купили за наличныя деньги это орудіе для обработки своихъ земель: плоть и кровь рабовъ, ихъ трудъ и потъ, все принадлежитъ ихъ владѣльцу. И такого рода убѣжденіе нисколько не мѣшаетъ хозяевамъ быть ревностными католиками, членами нѣсколькихъ религіозныхъ братствъ, или Irmandadas, слѣдовать за всѣми процессіями со взглядомъ, полнымъ умиленія и смиренно потупленнымъ долу, съ зажженною свѣчой въ рукахъ. Они усердно посѣщаютъ церкви и набожно говѣютъ каждый постъ.

О праведники!

Мулаты свободные представляютъ изъ себя въ Ріо особый классъ людей, дѣятельныхъ и умныхъ, изъ которыхъ постепенно образовывается, такъ сказать, своего рода третье или среднее сословіе. Ихъ уже теперь можно встрѣтить и на высшихъ ступеняхъ административной власти, и въ судебныхъ палатахъ, и въ числѣ сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ, и въ мірѣ художественномъ и ученомъ, и въ области свободныхъ профессій, словомъ, всюду. Эти люди

принимаютъ самое дѣятельное участіе въ судьбахъ своей родины и во всѣхъ дѣлахъ и явленіяхъ своего времени.

Дѣло въ томъ, что въ Бразиліи для всѣхъ широко раскрыты двери: для чернокожихъ и мулатовъ, для индѣйцевъ и для метисовъ; какъ только они свободны, имъ всюду открыта дорога. Здѣсь законъ не исключаетъ никого и самый характеръ націи охотно подчиняется этому справедливому требованію закона.

Будущее принадлежитъ этой смѣшанной рассѣ, которая съ каждымъ днемъ становится на ноги все тверже и тверже.

Ріо освѣщенъ газомъ. Ни одинъ изъ самыхъ благоустроенныхъ городовъ Европы не можетъ похвастать такимъ порядкомъ и безопасностью, какъ Ріо: вы смѣло можете во всякое время дня и ночи пройти весь городъ изъ конца въ конецъ, не рискуя ни малѣйшей непріятностью.

Въ Ріо даже мало бываетъ несчастныхъ случаевъ, потому что во всемъ царитъ образцовый порядокъ, а относительно пожаровъ надо сказать, что тамошнія пожарныя команды далеко оставляютъ са собой наши Европейскія команды, что, конечно, весьма не лестно для насъ, Европейцевъ.

IX. **Санъ-Кристобаль**.

Въ продолженіе цѣлой недѣли, что я жилъ въ Ріо-де Жанейро, у меня было столько дѣла, столько хлопотъ, что я положительно изнемогалъ отъ усталости.

И вотъ, однажды по утру, когда я чувствовалъ себя немного усталымъ и никуда не отправился, а присѣлъ привести въ порядокъ свои записки и замѣтки, ко мнѣ вошелъ г-нъ Сойе и смѣясь привѣтствовалъ меня словами:

— Мнѣ кажется, что вы немножко разбаловываетесь и разлѣниваетесь у насъ?

— Нѣтъ, нисколько,—возразилъ я,—нисколько! Но признаюсь вамъ, эта жара и эти постоянныя хлопоты очень утомили меня.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ,—это совсѣмъ не то!

— Какъ не то?

— Не то, не то!—Скажите, сегодня пятница?

— Да!

— Ну, такъ слушайте же и принимайте къ свѣдѣнію то, что я вамъ скажу!

— Слушаю!

— Такъ вотъ, знайте, что по субботамъ отъ двухъ до пяти часовъ по полудни Императоръ еженедѣльно даетъ аудіенцію каждому, кто имѣетъ до него надобность, просьбу или жалобу. Всѣ, кто только желаетъ видѣть императора и имѣетъ сказать ему что нибудь, отправляются по субботамъ прямо во дворецъ Санъ-Кристобаль безъ всякихъ испрошеній аудіенціи, всѣ просто входятъ во дворецъ, поднимаются по большой парадной лѣстницѣ въ первый этажъ, проходятъ длинную галлерою и входятъ въ аудіенцъ залъ, при чемъ никто не интересуется входящими.

— Баа! такъ просто? Но въ такихъ случаяхъ туда должна стекаться громадная толпа?

— Да, народу бываетъ очень много!

— Въ такомъ случаѣ, какъ же я доберусь до Императора?

— Весьма просто,—сказалъ Г-нъ Сойе, улыбаясь.—Императоръ знаетъ на перечетъ всѣхъ, кто къ нему имѣетъ дѣло, и какъ только замѣтитъ въ толпѣ новое лицо, тотчасъ же обращается къ нему съ вопросомъ. А вы мнѣ, кажется, говорили, что знаете Императора?

— Да, я имѣлъ счастіе быть ему представленъ въ бытность его въ Парижѣ, гдѣ мы обмѣнялись съ нимъ нѣсколькими словами.

— Вотъ видите! Императоръ никогда ничего не забываетъ; разъ онъ видѣлъ кого нибудь, хотя бы только въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, онъ во всякое время узнаетъ его снова.

— Право, все, что вы говорите, такъ необычайно, что у меня возгорается желаніе испытать и увидѣть все это, Госу-

дарь, который держитъ себя такъ просто и ведетъ себя такъ радушно, долженъ быть человѣкъ не дюженный. И на его пріемахъ мы не увидимъ ни солдатъ, ни штыковъ, ни придворныхъ чиновъ въ родѣ какихъ нибудь гофмаршаловъ, церемоніймейстеровъ, камергеровъ и т. п.?

— Ни одной кошки! Тамъ, во дворцѣ, находится, правда дворцовый караулъ, состоящій изъ двадцати человѣкъ солдатъ и одного или двухъ офицеровъ, но имъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до тѣхъ, кто входитъ или выходитъ изъ дворца.

— Право, для того чтобы увидѣть нѣчто подобное, надо ѣхать въ Бразилію: у насъ въ Европѣ, это показалось-бы совсѣмъ не вѣроятнымъ!

— Такъ значитъ, вы поѣдете завтра въ Санъ-Кристобаль?

— Конечно, конечно! я ни за что на свѣтѣ не рѣшился бы пустить подобный случай присутствовать при пріемѣ Итпth ератора, тѣмъ болѣе, что буду особенно радъ увидѣть Его Величество.

— Кстати, я чуть было не забылъ вамъ сказать, что вамъ слѣдуетъ нанять коляску, запряженную парой муловъ, что вамъ обойдется въ 2,000 рейсовъ (около 10 франковъ).

— Эхъ, чортъ возьми! да гдѣ-же я найду эту коляску?

— Не безпокойтесь, г-нъ Лиденъ достанетъ ее для васъ.

— Прекрасно! а далеко туда?

— Не больше какъ три четверти часа!

— О это пустякъ!

— Такъ значитъ рѣшено, вы завтра ѣдете? А вечеркомъ вы, конечно разскажете мнѣ, какъ васъ принялъ императоръ.

— Непремѣнно!

Послѣ этого, г-нъ Сойе пожалъ мнѣ руку и удалился.

Хотя я былъ вполнѣ убѣжденъ въ его правдивости, но все, что онъ разсказалъ мнѣ сегодня, казалось мнѣ столь необычайнымъ, что я хотѣлъ во чтобы то ни стало провѣрить поскорѣе его слова. Онъ былъ южанинъ, родомъ изъ окрестностей Нима и, какъ всѣ южные французы, отличался

пылкимъ воображеніемъ. Мнѣ уже не разъ случалось видѣть, какъ онъ въ разговорѣ увлекался превыше всякой мѣры, и, что было всего забавнѣе, впослѣдствіи онъ же самъ первый ловилъ себя на этомъ и съ добродушнымъ смѣхомъ восклицалъ.

— Ай, ай! я ужъ опять увлекся! занесся, Богъ вѣсть куда!

И всѣ смѣялись вмѣстѣ съ нимъ.

Взглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что Г-въ Лиденъ у себя въ саду и наблюдаетъ за двумя англичанами, играющими въ мячъ со свойственной этой почтенной націи флегмой и серьезностью.

— А, вы не уходите сегодня со двора? — спросилъ онъ меня, пожимая мнѣ руку.

— Нѣтъ, сегодня уже слишкомъ жарко! Я подожду покуда спадетъ жаръ — развѣ вы не находите, что теперь трудно даже дышать?

— Ннѣтъ!—протянулъ онъ—температура обычная.

— Очень вамъ благодаренъ: я положительно растаялъ, какъ воскъ на огнѣ!

— Хмъ! вѣдь мы же не во Франціи.

— Да, я это замѣчаю!

— Вы имѣете что нибудь сказать мнѣ?

— Да, я хотѣлъ бы получить отъ васъ одно свѣдѣніе. Дѣло въ томъ, что я хочу ѣхать въ Санъ-Кристобаль.

— Прекрасно, и вамъ нужна коляска? Не безпокойтесь, я позабочусь объ этомъ.

— Благодарю, но это еще не все. Я желалъ бы знать, какъ мнѣ слѣдуетъ явиться къ Императору?

— Какъ, неужели Сойе не сказалъ вамъ ничего объ этомъ, вѣдь, онъ же былъ у васъ сейчасъ?

— Да, но признаюсь, онъ сообщилъ мнѣ такія вещи, въ которыхъ я совершенно не могу разобраться.

— Что же онъ могъ сказать вамъ такого особеннаго?

Я пересказалъ ему почти слово въ слово все то, что я слышалъ отъ Г-на Сойе.

— Ну, что-же, такъ оно и есть! — подтвердилъ мой хозяинъ,—нашъ пріятель не сказалъ вамъ ни слова лишняго.

— Да это просто прелесть что такое!—воскликнулъ я,— особенно пріятно видѣть монарха, который одновременно и простой смертный, какъ мы всѣ, и Императоръ. У насъ, въ Европѣ, это нѣчто не слыханное, да вообще это рѣдко гдѣ можно встрѣтить!

— Ну, а президентъ?

— А, президентъ Соединенныхъ Штатовъ! Да, вы правы, къ нему въ Бѣлый-Домъ всѣ входятъ, засунувъ руки въ карманы.

— Да, но я говорю не о немъ, не объ этомъ!

— О какомъ-же?

— О президентѣ республики Франціи.

— А... да да... но, добрѣйшій Г-нъ Лиденъ, не будемъ говорить о политикѣ.

— Да развѣ это политика?

— О, конечно!

— Но меня увѣряли, что мосье Греви...

— Строгій пуританинъ, питающій глубочайшую ненависть ко всякаго рода эфекту и живущій въ Елисейскомъ дворцѣ, какъ скромный буржуа, да?

— Да!

— Я, видите-ли вы, очень люблю легенды, когда онѣ интересны, но все же правда кажется мнѣ выше всего. Я только разъ рѣшился переступить порогъ Елисейскаго дворца, и готовъ сейчасъ еще продолжать убѣгать еще оттуда. Прежде всего мнѣ всюду попадались на глаза различные чиновники и должностныя лица. Я долженъ вамъ сказать, однако, что я предварительно не просилъ себѣ аудіенцію у президента республики, такъ какъ у меня было крайне важное дѣло, въ которомъ президентъ могъ помочь мнѣ однимъ своимъ словомъ. Спустя недѣлю послѣ того, какъ я просилъ аудіенцію, я получилъ увѣдомленіе, за подписью какого-то секретаря, о томъ, что аудіенція мнѣ назначена на такой-то день и часъ. И вотъ я проходилъ мимо сол-

датъ; и тутъ, и тамъ—повсюду стражи, караулы и часовые, на каждомъ углу и у каждой двери. Наконецъ я обратился къ швейцару, раззолоченному какъ иконостасъ, съ шитьемъ и галунами на всѣхъ швахъ. И этотъ важный господинъ покровительственнымъ тономъ указалъ мнѣ путь, но такъ сбивчиво и безтолково, что мнѣ пришлось снова разспрашивать у цѣлаго десятка слугъ и сторожей въ богатыхъ ливреяхъ, съ серебряной цѣпью на шеѣ, пока, наконецъ, не дошелъ до запертой двери, въ которую мнѣ пришлось по стучать. Ее отворилъ мнѣ тоже какой-то служитель и освѣдомился о томъ, чего я желаю; затѣмъ, взявъ у меня изъ рукъ письмо, въ которомъ говорилось о томъ, что я удостоенъ аудіенціи у президента республики, попросилъ меня обождать. Я прождалъ по меньшей мѣрѣ часъ и тогда только вспомнили обо мнѣ. Явился опять тотъ же служитель и предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Я всталъ и пошелъ. Пройдя безчисленное множество ходовъ и корридоровъ, мой проводникъ, наконецъ, распахнулъ дверь и, доложивъ обо мнѣ, пропустилъ меня мимо себя въ роскошно обставленный кабинетъ. Я былъ настолько наивенъ, что вообразилъ, что теперь, наконецъ, очутился въ присутствіи президента республики, но я еще ни разу такъ жестоко не ошибался.—Нѣтъ, тотъ господинъ, котораго я увидѣлъ передъ собой, былъ жалкій адвокатишка безъ дѣла, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ чуть не нищимъ и которому мнѣ случилось оказать громадную услугу. Теперь этотъ господинъ, съ важностью развалясь въ удобныхъ креслахъ, курилъ „регалію“.

— Милостивый Государь,—сказалъ онъ покровительственнымъ тономъ и какъ бы не узнавая меня,—Господинъ Президентъ Республики предсѣдательствуетъ въ настоящій моментъ въ Совѣтѣ министровъ и потому не можетъ принять васъ; онъ поручилъ мнѣ замѣнить себя, что я и исполняю. Будьте добры объяснить мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ ваше дѣло, потому что я очень занятъ. Что вы имѣете сказать?

— Ровно ничего, милостивый государь,—сухо отвѣтилъ

я,—я желалъ говорить исключительно съ Президентомъ Республики и ни съ кѣмъ болѣе!—Я всталъ.—Кстати, милостивый государь, если опять представится такой случай, что вы будете имѣть надобность въ крупной услугѣ, то адресъ мой вамъ извѣстенъ, я всегда буду радъ служить вамъ!

— Но, милостивый государь, я...—началъ было онъ.

Я не далъ ему договорить его фразы, сдѣлалъ сухой поклонъ и вышелъ.

— Ну, какъ вамъ нравится подобная аудіенція?

— Хмъ!—промычалъ Г-нъ Лиденъ покачавъ головой.

— Мой разсказъ это нѣчто болѣе точное, чѣмъ даже фотографическій снимокъ, могу васъ въ томъ увѣрить. Надо вамъ сказать, что кромѣ слова „республика" у насъ нѣтъ ничего республиканскаго, такъ что скорѣе можно повѣрить, что находишься въ монархіи чѣмъ въ свободной странѣ, гдѣ царитъ равенство и равноправность. Вотъ почему я былъ такъ удивленъ тѣмъ, что слышалъ отъ васъ и отъ Г-на Сойе. Очевидно, Императоръ и Президентъ Республики обмѣнялись ролями. Впрочемъ, у нихъ есть одна общая черта: Президентъ честный и порядочный человѣкъ, а Императоръ Бразиліи еще выше того, — потомство назоветъ его Великимъ!

— Браво!—радостно воскликнулъ Г-нъ Лиденъ,—то, что вы сейчасъ сказали, всѣ мы сознаемъ.

На другой день по утру въ назначенный часъ мнѣ подали прекрасную коляску,—и пара добрыхъ муловъ галопомъ помчала меня отъ дома.

Улицы, по которымъ приходилось ѣхать въ Санъ-Кристобаль, широкія, дорога отличная, но двѣ вещи непріятно поразили меня. Первое—то, что исправительное заведеніе—такъ называются въ Бразиліи всѣ тюрьмы—находятся въ той улицѣ, по которой Императоръ принужденъ проѣзжать каждый разъ, когда онъ отправляется во дворецъ или-же возвращается оттуда. По моему мнѣнію, эта тюрьма не должна была-бы быть постоянно на глазахъ государя—это должно только огорчать его. А второе, что непріятно

поразило меня, такъ это свалочное мѣсто, куда сваливаются всякія нечистоты, падаль и т. п., устроенное всего на разстояніи какой нибудь четверти мили отъ Императорскаго дворца, на одной изъ лучшихъ и красивѣйшихъ улицъ новаго города. Мало того, что эта свалка заражаетъ воздухъ, но еще кромѣ того привлекаетъ сотни и тысячи отвратительныхъ черныхъ коршуновъ, извѣстныхъ подъ названіемъ галиназосъ, которые цѣлыми стаями садятся на крыши и оглашаютъ воздухъ пронзительнымъ, рѣзкимъ крикомъ. Императоръ принужденъ также каждый разъ проѣзжать мимо этого мѣста, зараженнаго ужаснѣйшимъ зловоніемъ, крайне непріятнымъ и вреднымъ, что по моему совершенно непростительно для такого большого и богатаго города и при томъ столицы государства, какъ Ріо-де-Жанейро.

Общій видъ дворца очень привлекателенъ; издали кажется, будто онъ прислоненъ къ высокимъ горамъ, замыкающимъ горизонтъ позади его, подавляя своими громадными размѣрами всѣ ближайшія зданія, которыя кажутся маленькими и жалкими въ сравненіи съ темной громадой этихъ горъ.

Передъ входомъ идетъ родъ перистиля, не блещущаго особой красотой, затѣмъ широкая раскрытая рѣшетка.

Пройдя за рѣшетку, у которой постоянно стоятъ двое солдатъ, приходится идти по длинной аллеѣ, обсаженной двойнымъ рядомъ деревьевъ, не дающихъ ни одного вершечка тѣни. Вправо, влѣво и позади дворца раскинулись чудесные сады, придающіе чисто феерическій видъ всему зданію. Самый дворецъ одноэтажный и при томъ совершенно простой архитектуры.

Въ сущности Санъ-Кристобаль скорѣе коттэджъ, чѣмъ дворецъ. Кучеръ мой, миновавъ часового, подъѣхалъ прямо къ маленькому боковому крылечку. Солдаты на посту сидѣли въ самыхъ непринужденныхъ позахъ и, очевидно, нисколько не интересовались тѣмъ, что происходило передъ ихъ глазами. Тутъ-же передъ дворцомъ стояло уже нѣсколько экипажей; я вышелъ изъ своей коляски, кучеръ мой отъѣхалъ

и всталъ подлѣ другихъ экипажей, а я спокойно вошелъ во дворецъ, двери котораго были широко открыты.

Передо мною была широкая лѣстница, устланная ковромъ. Я поднялся по ней. На встрѣчу мнѣ показался какой то человѣкъ, котораго я принялъ за служителя или лакея, но который на самомъ дѣлѣ оказался камергеромъ его Величества. Я обратился къ нему съ вопросомъ, гдѣ могу увидѣть Императора.

— Идите прямо, вторая дверь на лѣво!—отвѣтилъ онъ, улыбаясь.—Я прошелъ черезъ громадную залу, казавшуюся узкой вслѣдствіе своей необычайной длины. Зала эта была пуста, въ ней даже не было мебели, ни одного стула, ни одной табуретки; но за то стѣны были сплошь увѣшаны картинами, которыя, какъ мнѣ показалось, почти всѣ принадлежали кисти великихъ мастеровъ, различныхъ школъ и эпохъ. Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ положительно заставили меня остановиться; онѣ до такой степени поглотили мое вниманіе, что я на нѣкоторое, какъ кажется, даже довольно продолжительное время, совершенно забылъ о томъ, зачѣмъ я здѣсь. Какіе-то двое людей, выйдя изъ двери въ концѣ этой залы, разговаривая довольно громко между собой заставили меня очнуться. Я вздрогнулъ, какъ бы внезапно пробужденный отъ сна, и поспѣшно пошелъ. Дойдя до дверей въ концѣ залы, я отворилъ ихъ и очутился въ прекрасно обставленной, довольно большой комнатѣ, въ которой повидимому весьма удобно расположились человѣкъ двѣнадцать монаховъ капуциновъ, усердно перешептывавшихся между собой. Они даже не обратили на меня вниманія, когда я проходилъ. Затѣмъ я очутился въ длинной и узкой галлереѣ, въ которой было очень много народа.

Въ концѣ этой самой галлереи стоялъ самъ Императоръ: я узналъ его съ перваго-же взгляда по его высокому росту, большой бѣлокурой съ просѣдью бородѣ и улыбающемуся привѣтливому лицу.

Увидавъ меня, Императоръ безъ церемоніи отстранилъ тѣснившихся около него лицъ и направился ко мнѣ на стрѣчу.

Его Величество пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что я долго заставилъ его ожидать своего визита.

Я извинялся, какъ могъ, но Императоръ улыбаясь остановилъ меня на полу-словѣ и сказалъ мнѣ нѣсколько такихъ милыхъ, задушевныхъ словъ, которые невольно тронули меня за сердце, несмотря на то, что я въ душѣ ярый республиканецъ.

— Посмотрите,—сказалъ онъ съ милой и ласковой улыбкой,—я желаю подольше побѣсѣдовать съ вами, по въ данный моментъ вы сами видите, что это невозможно. У меня набралась здѣсь цѣлая толпа этихъ добрыхъ людвй, которыхъ мнѣ слѣдуетъ постараться по возможности удовлетворить и утѣшить. Прошу васъ, не откажите мнѣ въ удовольствіи видѣть васъ у меня въ будущій понедѣльникъ по утру. Мы тогда будемъ одни и поговоримъ о миломъ Парижѣ. Рѣшено?—Я почтительно поклонился, и затѣмъ Императоръ любезно проводилъ меня до самой картинной галлереи, послѣ чего крѣпко пожалъ мнѣ руку на прощаніе. Часъ спустя я уже возвращался въ Ріо. Въ общемъ я былъ въ восторгѣ!

X. Бразильцы и Французы.

Вернувшись изъ Санъ-Кристобаля, я сѣлъ въ трамвай и отправился къ г-ну Сойе.

— А!—воскликнулъ онъ, увидѣвъ меня,—я ждалъ васъ съ нетерпѣніемъ!—ну, что же? вы остались довольны?

— О, я восхищенъ, все было точно такъ, какъ вы говорили, но только меня заставили вписать мое имя въ какой-то списокъ.

— Да, да, я забылъ вамъ сказать объ этомъ, это пустяшная формальность, не имѣющая впрочемъ ничего непріятнаго. Кромѣ того, это дѣлается всего только разъ при первомъ посѣщеніи.

Я сообщилъ г-ну Сойе о милостивомъ приглашеніи, ко-

торымъ меня удостоилъ императоръ, на что мой собесѣдникъ воскликнулъ.

— Я такъ и зналъ!—А завтра что вы думаете дѣлать? Есть у васъ на завтра какія нибудь приглашенія?

— Никакихъ!

— Значитъ, вы свободны? Въ такомъ случаѣ я хочу предложить вамъ нѣчто: въ воскресные дни, надо вамъ сказать, нѣтъ никого въ Ріо, одни уѣзжаютъ въ Ботафаго, въ Санъ-Кристобаль, другіе—въ Санъ-Доминго, въ горы или же въ Тахука, а тѣ, которые никуда не ѣдутъ, прячутся у себя въ домахъ и... и потому вы согласитесь, можетъ быть, доставить удовольствіе моей женѣ, которая очень желаетъ видѣть васъ своимъ гостемъ; она прочла большинство вашихъ романовъ и хотѣла-бы познакомиться съ ихъ авторомъ.

— Очень ей благодаренъ, я только боюсь, чтобы, увидя меня, ваша супруга не разочаровалась,

— Охъ какой вы кокетъ!—и такъ, если вы ничего не имѣете противъ этого, я завтра около трехъ часовъ заѣду за вами и мы вмѣстѣ отправимся къ моей женѣ. Отобѣдаемъ у меня за просто, по семейному.

— Я буду чрезвычайно радъ познакомиться съ вашей женой и дѣтками, я этого давно желалъ.

— Такъ значитъ рѣшено? завтра я заѣду за вами.

— Да, да, я буду ждать!

Я вскочилъ въ проѣзжавшій мимо трамвай, или какъ ихъ здѣсь называютъ boud, и вернулся домой.

Переодѣвшись, я отправился дѣлать визиты. Въ мое отсутствіе ко мнѣ заходилъ одинъ господинъ и оставилъ мнѣ книгу, въ которой я нашелъ карточку. На корточкѣ этой я прочелъ: А. д'Эскраньоль Тонай, штабъ-офицеръ бразильской арміи.

Оставленная мнѣ книга крайне заинтересовала меня; она была озаглавлена: „Отступленіе отъ Лагуны; эпизодъ изъ Парагвайской войны". Книга эта была написана по французски и издана въ Парижѣ въ 1879 г. авторъ ея, вѣроятно

былъ тоже французъ. Я обратился съ разспросомъ относительно Г-на Тонай къ моему любезному хозяину. Оказалось, что онъ прекрасно знаетъ этого офицера, отецъ котораго дѣйствительно былъ французъ и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ французскимъ консуломъ въ Ріо. Сынъ его, родившійся въ Бразиліи, натурализовался и служитъ теперь въ бразильской арміи. Онъ всѣми уважаемъ и весьма цѣнимъ императоромъ, который знаетъ толкъ въ людяхъ и рѣдко ошибается.

Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, я вернулся въ свою комнату и развернулъ книгу. Авторъ написалъ на первомъ листѣ ея очень милое и любезное посвященіе мнѣ, за что я былъ, конечно, весьма признателенъ ему. Такого рода вниманіе всегда лестно и пріятно нашему брату. Кромѣ того, книга эта заинтересовала меня еще потому, что, живя въ Бразиліи, я естественно желалъ, какъ можно лучше, ознакомиться съ исторіей и литературой этой страны, а присланная мнѣ книга относилась къ исторіи войны Бразиліи съ Парагваемъ. Засѣвъ за нее, я прочелъ залпомъ, настолько она была интересна по своему содержанію и притомъ, написана такъ живо, такъ ярко въ ней были обрисованы типы, что нельзя было не увлечься.

Въ тотъ моментъ, когда я дочитывалъ послѣдніе строки и готовъ былъ захлопуть книгу, въ комнату ко мнѣ вошелъ Г-нъ Сойе,

-- Ну, что? готовы вы?—спросилъ онъ, пожимая мнѣ руку.

— Весь къ вашимъ услугамъ!—отвѣтилъ я.

— Прекрасно, значитъ мы можемъ ѣхать. Скажите, что вы читали, когда я вошелъ?

— Книгу г-на Тонай.

— А-а... Отступленіе отъ Лагуны?

— Да, вы ее читали?

— Нѣтъ, я въ военномъ дѣлѣ, рѣшительно ничего не смыслю! вы все забываете, что я не болѣе какъ только часовщикъ. Такъ вы готовы? Ѣдемъ! вѣдь намъ далеко ѣхать!

— За городъ?

— Нѣтъ, я не достаточно богатъ, чтобы имѣть возможность нанять дачку въ Батофаго или Санъ-Доминго, а живу въ скромномъ домишкѣ на самомъ краю города по дорогѣ къ Санъ-Кристобалю.

Разговаривая такимъ образомъ, мы вышли изъ дома. Г-нъ Сойе остановилъ проѣзжавшій мимо трамвай и несмотря на то, что онъ былъ полонъ публики, мы всетаки ухитрились какъ-то умѣститься.

Мулы наши везли насъ всю дорогу галопомъ. Кажется, эти бѣдныя животныя не знаютъ здѣсь другого аллюра. Минутъ черезъ двадцать г-нъ Сойе дернулъ звонокъ,—и трамвай остановился разомъ, какъ вкопанный. Мы сошли.

— Я живу въ этой улицѣ, что прямо передъ нами!—сказалъ мой спутникъ.

— Что же вы говорили, что это такъ далеко?

— Да, если бы мы пошли пѣшкомъ, то шли бы, вѣроятно не менѣе часа.

— Неужели?

— Да, могу васъ увѣрить!

Мы стали подыматься вверхъ по улицѣ, которая шла въ гору и хотя была свѣтлая, широкая и прекрасно вымощенная, что въ Ріо довольно рѣдко, но такая крутая, что мы подвигались съ трудомъ. Я совершенно задыхался, да и мой спутникъ не менѣе меня.

— Ну, вотъ мы и пришли!—вымолвилъ наконецъ, г-нъ Сойе, вздохнувъ полною грудью.

Вдругъ дверь его квартиры сама собою распахнулась и па порогѣ показалась молодая еще и очень красивая женщина съ ребенкомъ лѣтъ трехъ на рукахъ.

Ребенокъ былъ прелестной бѣлокурой дѣвчурочкой съ вьющимися, какъ у херувима, волосами и веселыми, смѣющимися глазками.

— А-а папа! папа! здравствуй папа! Нини была пай!

И она повисла, обхвативъ обѣими ручонками шею отца.

— Ты была умница? да?

— Да, папа, очень, очень пай! да, мамочка?

— Хмъ!—вымолвила молодая женщина,—мнѣ кажется, что не совсѣмъ—и она улыбнулась, обнаруживъ при этомъ два ряда ослѣпительной бѣлизны зубовъ.—Но входите, прошу васъ!—обратилась она ко мнѣ,—зачѣмъ же вамъ стоять такъ долго у двери?—Мы вошли.

Любезная хозяйка провела меня въ гостиную, усадила и стала распрашивать о томъ, какъ мнѣ нравится Ріо, хорошо ли меня приняли здѣсь, доволенъ-ли я своей квартирой, наговорила мнѣ много пріятнаго о томъ, какъ она страстно желала меня видѣть и познакомиться со мной, какъ она увлекалась моими книгами и т. п., и затѣмъ, извиняясь, пошла присмотрѣть за своимъ хозяйствомъ.

— Ну, а теперь располагайтесь, какъ у себя дома,—сказалъ мнѣ г-нъ Сойе,—мы люди не церемонные и я желаю только одного, чтобы вы чувствовали себя хорошо у меня въ домѣ. Если хотите я покажу вамъ нашу квартиру; тогда вы будете имѣть понятіе о томъ, что такое бразильскій домъ.

Мнѣ уже была знакома оригинальная архитектура домовъ въ Ріо, но я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, каково ихъ внутреннее устройство и распредѣленіе. Я не стану утверждать, что всѣ дома въ Ріо таковы, какъ домъ г-на Сойе, но насколько я успѣлъ убѣдиться впослѣдствіи, всѣ они весьма плохо устроены, очень дурно распредѣлены, неудобны и совершенно лишены всякаго комфорта.

Едва вы войдете въ квартиру, какъ видите передъ собою лѣстницу, ступенекъ въ тридцать приблизительно, по обѣ стороны которой громоздятся высокія, глухія каменныя стѣны; самая лѣстница до того узка, что занимаетъ не болѣе полутора аршина въ ширину. Спустившись по этой лѣстницѣ, внизъ вы попадаете въ кухню, откуда ведетъ дверь въ садъ величиною съ ладонь, безъ малѣйшаго клочка тѣни, но прекрасно прибранный и выметенный. Кухня, или вѣрнѣе подвалъ съ землянымъ поломъ, служащій кухней, низкій, но довольно свѣтлый, благодаря настежъ открытой двери въ

садъ. Рядомъ съ этою кухней, находится точно такая же ванная комната, а изъ этой ванной ведетъ на верхъ другая лѣстница, ужасно крутая, по которой непривычному человѣку даже трудно подниматься. Преодолѣвъ это препятствіе, вы попадаете въ огромную столовую, прекрасно освѣщенную четырьмя громадными венеціанскими окнами, изъ которыхъ открывается чудный видъ, но это нельзя приписать искусству архитектора и приходится только благодарить за то, что онъ не догадался загородить чѣмъ нибудь этотъ видъ. Эта прекрасная, свѣтлая и высокая комната находится на полъ-подъемѣ лѣстницы влѣво, а въ самомъ концѣ ее, вправо, прехитро устроена дверь, переступивъ за порогъ которой, вы ежеминутно рискуете слетѣть или скатиться прямо въ кухню съ высоты приблизительно отъ полутора до двухъ сажень, безъ малѣйшей возможности уцѣпиться за что нибудь и удержаться отъ окончательнаго паденія.

Переступивъ съ надлежащею осорожностью порогъ этой двери, вы вступаете въ длинную анфиладу комнатъ, съ высокими потолками, прекрасно освѣщенныхъ большими окнами и роскошно обставленныхъ на французскій ладъ со вкусомъ и изяществомъ, присущимъ только парижанкамъ.

Особенно меня прельстили прекрасныя кровати, съ большими и малыми подушками съ легкими волосяными и упругими пружинными матрацами, словомъ, такими, къ какимъ мы привыкли во Франціи.

Г-нъ Сойе сообщилъ мнѣ, что такого рода кровати можно достать и въ Ріо, но только онѣ стоятъ громадныхъ денегъ.

Таковъ былъ домъ, въ которомъ жилъ г-нъ Сойе; онъ ужасно дорожилъ имъ, потому, что какъ самъ говорилъ, домъ этотъ былъ чрезвычайно удобенъ, и ему пришлось долго искать, прежде чѣмъ напасть на это помѣщеніе. Каковы-же должны были быть тѣ дома, которые считаются здѣсь не удобными!

Къ обѣду прибыли вмѣсто одного компаніона г-на Сойе— двое. Одинъ—французъ, другой—бразильянецъ, прелестный

парень, веселый, добродушный, говорившій по французски, какъ природный парижанинъ.

Впрочемъ въ Ріо всѣ рѣшительно говорятъ по французски, и я положительно удивляюсь, почему Бразильяны считаютъ своимъ роднымъ языкомъ португальскій, тогда какъ по характеру они настоящіе французы. Да и по происхожденію своему они, какъ и француты, принадлежатъ къ той-же латинской расѣ.

Въ шесть часовъ мы сѣли за столъ.

Насъ было всего семь человѣкъ, считая въ томъ числѣ и сына г-на Сойе, красиваго юношу лѣтъ 16-ти, и маленькую бѣлокурую дѣвочку, его прелестную дочурку.

Обѣдъ былъ прекрасный, достойный лучшаго цѣнителя, чѣмъ я, потому что ѣмъ очень мало, а пью еще того меньше. Тутъ были и Бордосскія вина и прекраснѣйшія Бургундскія самыхъ высокихъ марокъ, а также и шампанское. При этомъ я невольно вспомнилъ такъ долго продолжавшуюся мистификацію, будто одни только Бордосскія вина могутъ выносить переѣздъ черезъ океанъ, а всѣ остальныя непремѣнно должны портиться въ пути и становятся совершенно негодными къ употребленію, тогда какъ Бордосскія вина становятся только лучше, пробывъ столь долгое время въ пути.

За дессертомъ поставили на столъ превосходнѣйшій Пернамбукскій ананасъ. Эти ананасы приготовляются особымъ образомъ и отличаются необыкновенно пріятнымъ вкусомъ.

Обѣдъ прошелъ очень весело и оживленно, каждый чувствовалъ себя совершенно какъ дома, а хозяинъ все время шутилъ и смѣшилъ насъ до слезъ; между прочимъ онъ вспомнилъ одинъ старинный афоризмъ, въ которомъ выражена такая мысль: „Всякій человѣкъ, пригласившій къ себѣ гостя къ обѣду, долженъ заботиться о томъ, чтобы тотъ былъ счастливъ и доволенъ во все время, пока будетъ продолжаться обѣдъ". И надо отдать справедливость, г-нъ Сойе прекрасно справился-бы съ своей задачей безъ помощи своего сына, шестнадцатилѣтняго мальчика, обожаемаго, какъ

видно, матерью, избалованнаго до нельзя и воображавшаго, что ему все позволено; этотъ мальчуганъ обо всемъ говорилъ съ такою самоувѣренностью, рѣшалъ не задумываясь какіе угодно вопросы и какъ-бы чувствовалъ себя умнѣе всѣхъ. Отецъ, повидимому, все замѣчалъ и понималъ, и весьма не одобрительно посматривалъ на поведеніе сына, но не сказалъ ему ни слова, изъ боязни огорчить жену, слушавшую съ видимымъ удовольствіемъ все, что говорилъ ея любимецъ. Въ числѣ множества другихъ вещей болѣе или менѣе глупыхъ, неумѣстныхъ и безтактныхъ, онъ торжественно заявилъ, что, какъ только достигнетъ надлежащаго возраста, то тотчасъ намѣренъ натурализоваться. На эту тему онъ принялся распространяться весьма глупо, наговоривъ много непріятнаго и обиднаго для французовъ, въ обществѣ которыхъ онъ находился, заставляя краснѣть отца.

И этотъ-то мальчишка, почти ребенокъ, не имѣвшій еще въ сущности никакого понятія ни о чемъ, уже позволялъ себѣ говорить, что Франція—погибшая страна, что новый законъ рекрутскаго набора—дѣло постыдное; что онъ не имѣетъ желанія стать солдатомъ во Франціи и быть убитымъ для того, чтобы служить пушечнымъ мясомъ и т. п.

Конечно, въ немъ говорила прежде всего жалкая трусость и этимъ, главнымъ образомъ, мотивировалось его желаніе стать Бразильянцемъ. Но, къ несчастію, я имѣлъ случай убѣдиться за время моего пребыванія въ Америкѣ, что во всѣхъ странахъ, которыя я посѣтилъ, сыновья французскихъ семействъ разсуждаютъ точно такимъ-же образомъ и дрожатъ при одной мысли стать солдатами. Нѣмцы внушаютъ имъ какой-то невѣроятный страхъ. Это позорно для Франціи и надо благодарить Бога, что эти юноши останутся въ Америкѣ, а не вернутся на свою родину.

Около 10-ти часовъ вечера мы встали изъ-за стола и всѣ начали собираться домой.

Двое компаніоновъ г-на Сойе предложили проводить меня до дома.

Я простился съ г-жею Сойе, наговоривъ ей много любезностей, которыя она впрочемъ вполнѣ заслуживала, пожалъ руку ея мужу,—и мы вышли.

Сѣвъ въ трамвай, мы бесѣдовали всю дорогу.

— И всѣ они такіе—эти мальчики!—пожимая плечами, сказалъ французъ.

— Нечего сказать, пріятное пріобрѣтеніе для Бразиліи!—сказалъ Бразильянецъ, иронически улыбаясь.

Когда я нѣсколько дней спустя снова встрѣтился съ г-номъ Сойе, этотъ славный человѣкъ сталъ извиняться передо мной за тѣ глупости и безтактности, какія себѣ позволилъ его сынъ въ моемъ присутствіи.

Я же крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ:

— О, онъ еще такъ молодъ, съ годами онъ конечно перемѣнитъ свой взглядъ на вещи!

Г-нъ Сойе положительно просіялъ отъ моихъ словъ, такъ былъ радъ этому утѣшенію,—бѣдный отецъ!

Часовъ въ одиннадцать вечера я былъ уже дома, а полъчаса спустя спалъ крѣпкимъ сномъ.

XI. О томъ—о семъ.

На другой день, въ понедѣльникъ, я отправился во дворецъ, согласно приглашенію императора.

На этотъ разъ дворецъ былъ совершенно безлюднымъ, точно дворецъ изъ сказки Тысяча и одна ночь, гдѣ какая-то злая волшебница заколдовала всѣхъ обитателей, которыхъ объялъ непробудный сонъ, а въ живыхъ остался всего только одинъ человѣкъ.

Поднявшись по лѣстницѣ, я прошелъ картинную галлерею и вошелъ въ первую залу гдѣ нашелъ одного камергера, который сказалъ мнѣ, что императоръ ожидаетъ меня въ той залѣ, гдѣ происходятъ его обычные пріемы, въ концѣ длинной галлереи.

Я ускорилъ шагъ, но уже на половинѣ пути меня встрѣ-

тилъ императоръ. Дружески пожавъ мнѣ руку, онъ провелъ меня въ маленькую домашнюю гостиную, пододвинулъ мнѣ кресло и самъ сѣлъ рядомъ со мной.

Между нами завязался длинный увлекательный разговоръ на самыя разнообразныя темы. Императоръ прекрасно говорилъ по французски—мало того, онъ говорилъ съ извѣстной изысканностью и элегантностью.

Какъ я уже говорилъ выше, императоръ донъ-Педро II-й человѣкъ очень высокаго роста, съ крупными характерными чертами, съ длинной прямою бородой, нѣкогда бѣлокурой, но теперь уже съ сильною просѣдью, открытымъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ и добродушнымъ привѣтливымъ лицомъ. Но подъ этимъ видимымъ добродушіемъ скрывалась желѣзная воля.

Рожденный въ эпоху смутъ и безпорядковъ, онъ рано узналъ жизнь. Онъ имѣлъ у себя передъ глазами такіе примѣры, которые могли-бы его сдѣлать скептикомъ на всю жизнь; но будучи добръ отъ природы, онъ и остался таковымъ, несмотря ни на что. Онъ не требовалъ отъ людей и отъ жизни больше, чѣмъ тѣ могли дать, и потому въ немъ не явилось ни озлобленія, ни раздраженія противъ нихъ. Бразильскій императоръ—не только человѣкъ съ большимъ умомъ и сердцемъ, но и человѣкъ высоко образованный, многому обучавшійся, многое изучившій, на пользу и для блага Бразиліи.

Императоръ до того дѣятеленъ и предпріимчивъ, что положительно ни передъ чѣмъ не останавливается; онъ ведетъ свою страну по пути прогресса неукоснительно; въ теченіи нѣскольких лѣтъ онъ положительно пересоздалъ Бразилію и все-же ему кажется, что его страна развивается недостаточно быстро.

Поговоривъ о томъ — о семъ, императоръ, наконецъ, обратился ко мнѣ съ милой улыбкой и сказалъ:

— Ла Газетта де Нотисіасъ сообщала вмѣстѣ съ вѣстью о вашемъ пріѣздѣ, такъ же о томъ, что вы привезли мнѣ какой-то подарокъ. Правда это?

— Совершенная правда, Ваше Императорское Величество, я, дѣйствительно, желалъ предложить Вашему Величеству нѣчто такое, что могло бы быть вамъ пріятно и вмѣстѣ полезно и не нашелъ ничего болѣе подходящаго, какъ фонографъ которымъ въ моментъ моего отъѣзда изъ Парижа увлекались рѣшительно всѣ, какъ интересною новинкой.

— Неужели вы привезли мнѣ фонографъ?!—радостно воскликнулъ императоръ,—вотъ прелестный сюрпризъ! Благодарю васъ отъ души,—добавилъ онъ, пожимая мнѣ руку,—я помѣщу его въ Политехнической Школѣ. Гдѣ же онъ теперь находится, этотъ фонографъ?

— Я думалъ было привезти его съ собой, но это такая громоздская и тяжелая вещь, что мнѣ пришлось бы нанимать отдѣльную повозку для перевозки этихъ пяти большихъ ящиковъ, и я не успѣлъ бы прибыть къ назначенному Вашимъ Величествомъ часу!

— Да, это правда, тѣмъ болѣе, что мнѣ пришлось-бы перевозить ихъ обратно въ Ріо. Гдѣ же онъ находится теперь?

— У меня на квартирѣ, Ваше Императорское Величество.

— А, у Лидена?

— Какъ! Вамъ это извѣстно?

— Да, на что-же бы у меня была тогда полиція?—засмѣялся императоръ.

— Если позволите я пришлю за нимъ сегодня-же?—добавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Какъ вамъ будетъ угодно, Ваше Величество, а теперь позвольте мнѣ откланяться, чтобы вернуться прежде, чѣмъ пріѣдутъ брать фонографъ!

— Ну, поѣзжайте, поѣзжайте, я васъ не держу, только знайте, что я во всякое время буду радъ васъ видѣть, а кромѣ того, во все время вашего пребыванія въ Ріо, я желаю видѣть васъ у себя каждый понедѣльникъ въ эти-же часы.

— Я буду очень счастливъ, Ваше Величество! — сказалъ я.

— Итакъ, до будущаго понедѣльника!—повторилъ императоръ,—неправда-ли?

— Непремѣнно! —отвѣтилъ я, откланиваясь.

Прошло не болѣе получаса, какъ я успѣлъ вернуться къ себѣ, какъ къ нашему дому подъѣхала коляска, запряженная парой муловъ; изъ нея вышелъ камергеръ высочайшаго двора и освѣдомился обо мнѣ.

Ему сказали, что я только что вернулся; онъ поднялся по лѣстницѣ и постучалъ у моей двери.

— Войдите!—сказалъ я.

Камергеръ вошелъ, раскланялся и объявилъ мнѣ, что присланъ императоромъ.

— Да, да, знаю, за фонографомъ,—онъ въ полномъ вашемъ распоряженіи, —только предупреждаю васъ, что онъ очень тяжелъ и что съ нимъ слѣдуетъ обращаться крайне осторожно!

— Императоръ уже предупредилъ меня объ этомъ и я принялъ всѣ зависящія отъ меня мѣры; а теперь позвольте мнѣ спуститься внизъ и позвать носильщиковъ.

— Къ чему вамъ безпокоиться, ихъ можно крикнуть черезъ окно!—сказалъ я.

Такъ и сдѣлали. Явились носильщики, сильные, здоровые, ловкіе парни, подняли ящики и вынесли ихъ осторожно изъ квартиры; десять минутъ спустя все было уже окончено и, какъ я впослѣдствіи узналъ отъ самаго императора, все было доставлено до мѣста въ цѣлости, чему я, конечно, отъ души былъ радъ.

За нѣсколько дней до того я участвовалъ на одномъ обѣдѣ, на которомъ мнѣ никто изъ присутствующихъ не былъ знакомъ, кромѣ амфитріона, директора большого водочнаго завода въ Порто-Реаль.

Въ числѣ гостей на этомъ обѣдѣ были два французскіе врача: г-нъ Курти, профессоръ медицинской школы въ Ріо и г-нъ Бриссей, который только что блистательнѣйшимъ

образомъ защитилъ диссертацію при медицинскомъ факультетѣ въ Ріо.

Слѣдуетъ замѣтить, что г-нъ Бриссей получилъ званіе доктора медицины въ Парижѣ, но мѣстный законъ требуетъ, чтобы всякій врачъ, пріѣзжающій въ Бразилію съ намѣреніемъ практиковать, предварительно защитилъ диссертацію при медицинскомъ факультетѣ въ Ріо. Этотъ законъ, кажущійся съ перваго взгляда обиднымъ, въ сущности очень разумный.

Когда я въ первый разъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, былъ въ Америкѣ, то множество всякихъ шарлатановъ, которые не были даже фельдшерами, не только что врачами, не имѣя ни малѣйшаго понятія о медицинѣ и не зная чѣмъ прокормиться, имѣли нахальство назвать себя врачами— на что они имѣли совершенно такое же право, какъ называться каменьщиками или столярами, такъ какъ не были свѣдущи ни въ томъ, ни въ другомъ.

Въ рукахъ такихъ врачей несчастные больные мерли, какъ мухи по осени. Это необычайная смертность обезпокоила правительство,—и въ Бразиліи былъ изданъ законъ, требующій, чтобы каждый, именующій себя врачемъ и желающій примѣнять свои полезныя познанія въ Бразиліи, предварительно сдалъ своего рода экзаменъ и защитилъ диссертацію при медицинскомъ факультетѣ въ Ріо.

Однимъ изъ наиболѣе выдающихся гостей за столомъ, во время вышеупомянутаго обѣда, былъ нѣкій г-нъ Набукъ, депутатъ народнаго собранія, человѣкъ еще молодой, лѣтъ 32-хъ, съ живымъ, проницательнымъ взглядомъ и умной улыбкой. Это былъ человѣкъ въ высшей степени образованный, владѣвшій нѣсколькими языками, съ мѣткими сужденіями и яснымъ, правильнымъ взглядомъ на вещи. Онъ кромѣ того былъ прекрасно знакомъ со всѣми европейскими политическими дѣятелями и самъ, какъ оказалось, былъ предводителемъ оппозиціи совѣта, что въ такомъ молодомъ человѣкѣ весьма удивительно.

Но о немъ я буду еще говорить впослѣдствіи, когда

ближе узнаю его, а теперь скажу, что обѣдъ продолжался до половины десятаго вечера,—и я чувствовалъ себя крайне усталымъ и изнеможеннымъ.

Выйдя на улицу, я нанялъ коляску за 500 рейсовъ. Подъѣхавъ къ своему дому, я сталъ разсчитываться со своимъ возницей—и тотъ вдругъ, безъ всякаго основанія, вздумалъ требовать отъ меня ровно вдвое т. е. 1,000 рейсовъ. Я, конечно, не захотѣлъ позволить этому негодяю глумиться надо мной и вступилъ съ нимъ въ пререканія. Меня начинало даже сердить его нахальство и не знаю, чѣмъ-бы все это кончилось, если бы одинъ изъ полицейскихъ инспекторовъ, слѣдившій нѣкоторое время за нашимъ разговоромъ, не положилъ конца этому непріятному столкновенію, вскочивъ въ коляску и приказавъ возницѣ везти себя куда-то—но куда именно, я не разслышалъ. Предполагаю, однако, что разомъ присмирѣвшій извощикъ принужденъ былъ ѣхать на одинъ изъ полицейскихъ постовъ, что не было для него большимъ удовольствіемъ.

Я положительно не могъ удержаться отъ смѣха при видѣ перемѣны, происшедшей въ лицѣ этого злополучнаго возницы, когда онъ понялъ, что попался на мѣстѣ преступленія.

Я чувствовалъ себя на столько плохо, что, вернувшись домой, выпилъ горячій грогъ, мое любимое лекарство во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, и плотно увернувшись, тотчасъ-же легъ спать.

На слѣдующій день несмотря на то, что чувствовалъ себя все еще очень скверно, я одѣлся и пошелъ въ confiteria Дероша.

Въ Ріо нѣтъ кафе, есть только конфитеріи, но это въ сущности только другое названіе, а на самомъ дѣлѣ это одно и то же.

Здѣсь я условился встрѣтиться съ Гг. Курти и Бриссей, которые пригласили меня сюда къ 3-мъ часамъ по полудни.

Когда я явился, мои новые знакомые уже ожидали меня, и послѣ обычныхъ привѣтствій освѣдомились о томъ, чѣмъ меня угощать.

Я отвѣчалъ, что не хочу ничего, во первыхъ, потому что чувствую себя больнымъ, а во вторыхъ, потому что никогда ничего не ѣмъ между обѣдомъ и ужиномъ.

— На что вы жалуетесь? — спросилъ меня докторъ Бриссей.

— Право, не знаю, какое-то общее недомоганіе, вѣроятно, вслѣдствіе сильнаго утомленія.

— А,—сказалъ онъ,—это сущіе пустяки, я берусь вылѣчить васъ въ четверть часа!

— Очень вамъ буду благодаренъ.

— Нѣтъ, не благодарите, мы съ Курти рѣшили, что будемъ всѣ втроемъ обѣдать у Моро и затѣмъ отправимся въ Альказаръ, такъ что вы понимаете, что въ нашихъ интересахъ, чтобы вы были здоровы.

— Да, но...

— Та, та, та! подождите меня всего минутъ пять и вы сами увидите.

Съ этими словами докторъ Бриссей надѣлъ шляпу и вышелъ.

— Докторъ, конечно, шутитъ?—сказалъ я г-ну Курти, оставшись съ нимъ вдвоемъ.

— Нисколько! это прекраснѣйшее португальское средство или вѣрнѣе индѣйское, такъ какъ португальцы заимствовали его отъ индѣйцевъ.

— О, если это индѣйское средство, то я въ него вѣрю, мнѣ уже не разъ приходилось испробывать на себѣ и на другихъ индѣйскую медицину и я могу только похвалить ее!

— А вотъ и докторъ!

Дѣйствительно въ дверь конфитеріи вошелъ докторъ Бриссей съ микроскопической баночкой въ рукѣ. Подозвавъ слугу, онъ потребовалъ у него стаканъ, налилъ въ него немного воды, влилъ туда все содержимое баночки.

— Выпейте разомъ,—сказалъ онъ, подавая мнѣ стаканъ. Я повиновался.

Мои сотоварищи закурили по сигарѣ, я послѣдовалъ ихъ примѣру.

Завязался оживленный разговоръ, говорили обо всемъ, но только не о томъ лекарствѣ, которое мнѣ дали выпить. Публика начинала прибывать, пришло еще нѣсколько человѣкъ французовъ, которые подходили и пожимали руки двумъ моимъ собесѣдникамъ и затѣмъ присаживались къ нашему столику. Всѣ они были чрезвычайно милы и любезны со мной.

Въ общемъ пили только одни освѣжительные напитки, но за то въ громадномъ количествѣ.

Когда настало время расходиться, всѣ достали изъ кармановъ пачки разноцвѣтныхъ ассигнацій, въ большинствѣ случаевъ очень жирныхъ, сальныхъ и затасканныхъ. Въ Бразиліи очень мало золота и другой звонкой монеты въ обращеніи. И мѣстные жители, какъ европейцы, такъ и бразильянцы, очень привыкли къ этимъ деньгамъ и находятъ ихъ весьма удобными; что же касается меня, то я никогда не могъ къ нимъ привыкнуть. Для мѣстныхъ жителей это, конечно, не неудобство, но для путешественника дѣло другое: всѣ эти ассигнаціи и никель ходятъ только въ Ріо и въ Бразиліи а, какъ только вы выѣзжаете за предѣлы этой страны, вамъ приходится обмѣнивать эти деньги на золото, преимущественно на англійскіе фунты стерлинговъ, которые ходятъ вездѣ, тогда какъ французское золото часто падаетъ такъ низко по курсу, что приходится на немъ терять почти четверть стоимости, что, конечно, крайне раззорительно.

А вѣдь было время, когда кромѣ золотыхъ унцевъ и серебрянныхъ піастровъ здѣсь не знали другой монеты; теперь же всѣ эти страны разорены въ конецъ, и врядъ ли когда нибудь опять поправятся.

На это масса причинъ, весьма сложныхъ но, конечно, главнѣйшія изъ нихъ:—дурныя правительства, нелѣпыя революціи и воровство, грабежъ казны, возведенный на степень своего рода профессіи.

Часовъ въ шесть мы вышли изъ конфитеріи и отправились обѣдать.

— Ну, какъ вы себя чувствуете теперь?—освѣдомился докторъ Бриссей.

— Право,—отвѣтилъ я смѣясь,—я чувствую себя прекрасно, мало того, полагаю, что буду даже въ состояніи все кушать за обѣдомъ.

И это было дѣйствительно такъ: я не ощущалъ ни малѣйшаго недомоганія.

XII. Продолженіе предыдущей главы.

Ресторанъ „Frères Provençaux“, который содержитъ извѣстный всему городу Моро, бывшій зуавъ, безспорно лучшій ресторанъ въ Ріо.

Онъ помѣщается въ улицѣ Овидоръ, т. е. въ самомъ модномъ и людномъ кварталѣ; входъ съ переулка, но лѣстница прекрасная, напоминающая европейскія. Общая зала роскошно убрана богатыми зеркалами и освѣщена газомъ, такъ что невольно можно подумать, что находишься въ одномъ изъ ресторановъ Парижа, у Петерса или Бребана. Прислуга превосходная, сервировка отличная, но цѣны очень высоки; что же касается стола, то кухня оставляетъ желать очень многаго, если только вы не знакомы лично съ содержателемъ и не пользуетесь его особой благосклонностью.

Самъ Моро, человѣкъ весьма не глупый и въ настоящее время страшно богатъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ выстроилъ себѣ роскошную виллу въ Тихука, которая обошлась ему въ 400,000 франковъ. Виллу эту онъ назвалъ вилла Моро; буду имѣть случай говорить еще разъ о ней.

Мы прекрасно пообѣдали; здѣсь держатъ двѣ кухни: французскую и бразильскую, мы, конечно, предпочли перпервую; вина, принесенныя намъ къ столу самимъ г-номъ Моро, были превосходнаго качества, очевидно, онъ былъ очень расположенъ къ обоимъ моимъ сотрапезникамъ. Послѣ обѣда мы отправились въ Альказаръ, гдѣ давали въ этотъ

день Синюю Бороду, но эта милая оперетка была перекроена почему то на бразильскій ладъ и превратилась въ непристойную буффонаду, возбуждавшую во мнѣ одно отвращеніе.

Въ одинадцать часовъ мы вышли изъ театра и пошли къ Дерошу выпить по кружкѣ пива. Конфитерія была почти пуста; кромѣ двухъ, трехъ посѣтителей, курившихъ сигары за кружкой пива, не было никого.

Оказалось, что одинъ изъ этихъ меланхолическихъ курильщиковъ былъ знакомъ моимъ новымъ пріятелямъ и они тотчасъ же поспѣшили представить меня ему. Это былъ генеральный консулъ Швейцаріи, прелестнѣйшій и умнѣйшій человѣкъ, съ которымъ я съ перваго же раза подружился.

Ночи въ этихъ странахъ прекрасныя, теплыя, ароматныя и гулять ночью несравненно пріятнѣе, чѣмъ днемъ, оттого то въ Ріо масса гуляющихъ по ночамъ.

Я уже говорилъ, что Ріо самый спокойный и безопасный городъ, какой только можно встрѣтить въ цѣломъ свѣтѣ, и упираю на это какъ на выдающійся фактъ.

Полиція здѣсь прекрасно организована и хотя ее никогда нигдѣ не видно, но бдительность ея проявляется каждый разъ, какъ только въ ней является необходимость. Здѣсь никто не имѣетъ при себѣ оружія и если я имѣлъ револьверъ, то только какъ воспоминаніе о Парижѣ, Нью-Іоркѣ и Лондонѣ, этихъ трехъ городахъ, въ которыхъ совершается наибольшее число ночныхъ убійствъ.

Такъ какъ эти господа пожелали меня проводить, то мы сдѣлали прекраснѣйшую прогулку и только въ три часа ночи я пришелъ домой. Мы встрѣтили не мало гуляющихъ, которые, какъ и мы, прогуливались съ сигарами въ зубахъ, наслаждаясь прелестью ночи.

Я спалъ прекрасно и на слѣдующее утро всталъ довольно поздно, чувствуя себя совершенно бодрымъ и здоровымъ.

Позавтракавъ, я отправился сдѣлать кое-какіе визиты; между прочимъ, зашелъ къ доктору Оссіану Бонине, который былъ у меня въ мое отсутствіе и оставилъ свою карточку. Онъ только что прибылъ изъ Ла-Платы и привезъ

съ собой изъ Пампасовъ превосходную собаку величиною со льва и даже много походившую на послѣдняго окраскою шерсти. Доктору не понравился Буэносъ-Айресъ и онъ былъ намѣренъ поселиться теперь въ Рio.

Заходилъ я также къ г-ну Тонай, но не засталъ его дома.

Вечеромъ ко мнѣ зашли Депре́, скульпторъ, о которомъ я имѣлъ уже случай говорить и Жемсъ, недюжинный художникъ французъ.

Въ ихъ обществѣ я провелъ время очень прiятно и часовъ въ одиннадцать мы разошлись.

Многiе изъ моихъ знакомыхъ уговаривали меня прочесть нѣсколько публичныхъ лекцiй—я до этого не большой охотникъ, но въ Парижѣ имѣлъ случай прочесть нѣсколько публичныхъ лекцiй, которыя имѣли успѣхъ.

Въ силу этого я, наконецъ, уступилъ настоянiю моихъ новыхъ прiятелей иотправился въ Санъ-Кристобаль просить императора предоставить въ мое распоряженiе какую нибудь залу.

Императоръ принялъ меня съ обычной ласковостью, сказалъ, что сдѣлаетъ соотвѣтствующее моей просьбѣ распоряженiе, но я замѣтилъ, что онъ какъ-бы чувствовалъ нѣкоторую неловкость по отношенiю ко мнѣ, видимо, стѣснялся чего-то.

Я вернулся въ Рio, недоумѣвая, что бы это могло быть, какъ вдругъ разгадка этого дѣла явилась какъ бы сама собой.

Во время моего отсутствiя мнѣ принесли письмо отъ одного изъ богатѣйшихъ бразильскихъ негоцiантовъ, который приглашалъ меня зайти къ себѣ въ улицу де Квинтанда № 117 за полученiемъ довольно крупной суммы, доставленной ему на мое имя нѣсколько дней тому назадъ.

Я почти никого не зналъ въ Рio, никому не былъ долженъ и мнѣ никто не былъ долженъ ничего. Что могло значить это письмо?

Не зная, что придумать, я обратился къ г-ну Лидену, моему любезному хозяину.

Лиденъ съ минуту призадумался.

— Уже одна подпись можетъ служить доказательствомъ того, что тутъ нѣтъ никакой мистификаціи; это негоціантъ стараго закала, человѣкъ до того серьезный, что никто не видалъ на лицѣ его улыбки.

— Что-же изъ этого, по вашему, слѣдуетъ?

— А то, что я на вашемъ мѣстѣ пошелъ-бы къ нему съ его письмомъ въ рукахъ и получилъ бы означенную сумму.

— Прекрасно, но я положительно не знаю, откуда я могу получить эти деньги?

— Если не ошибаюсь, вы сдѣлали подарокъ императору?

— Да, я привезъ ему фонографъ!

— Ну, такъ это самъ императоръ поручилъ передать вамъ эту сумму.

— Вы шутите, конечно! Вѣдь я не торгашъ. Я хотѣлъ порадовать императора, онъ, видимо, остался доволенъ моимъ подаркомъ и я вполнѣ вознагражденъ. Если только ваше предположеніе вѣрно, я откажусь отъ этихъ денегъ; вѣдь это своего рода аффронтъ. Я не приму этихъ денегъ, они будутъ жечь мнѣ руки—нѣтъ, низачто! я рѣшилъ!

Г-нъ Лиденъ только покачалъ головой.

— Что-же вы думаете объ въ этомъ дѣлѣ?—спросилъ я его.

— Мнѣ жаль, что вы такъ упорно отказываетесь принять эти деньги. Отвѣтьте мнѣ только на одинъ вопросъ, вѣдь это не Франція?

— Конечно, нѣтъ, это Бразилія и я это прекрасно знаю, но это не мѣняетъ дѣла!

— Позвольте, въ такомъ случаѣ вы допускаете, что нравы и обычаи въ этой странѣ могутъ быть иные, чѣмъ у васъ, во Франціи?

— Да, но тѣмъ не менѣе...

— Надо вамъ сказать, что въ Бразиліи всегда дарятъ деньгами,—продолжалъ Лиденъ,—особенно высокопоставленныя лица, какъ, напримѣръ императоръ, принцы и высшее дворянство. Но изъ деликатности деньги не передаютъ изъ рукъ въ руки, а посылаютъ черезъ банкира, или какого нибудь извѣстнаго негоціанта.

— Хмъ, это мнѣ кажется довольно страннымъ!

— Страннымъ?—подхватилъ чей-то посторонній голосъ за моей спиной,—подождите, я въ двухъ словахъ объясню вамъ все дѣло!

Я обернулся: за мной стоялъ Сойе.

— Сдѣлайте одолженіе!—сказалъ я, пожимая ему руку.

— Сейчасъ, но выпьемъ прежде всего по кружкѣ пива!

Мы присѣли къ одному изъ садовыхъ столиковъ и намъ подали пиво.

— Уфъ!—воскликнулъ Сойе, отпивъ залпомъ половину кружки—теперь я весь къ вашимъ услугамъ!

— Ну, предположимъ, что императоръ желаетъ сдѣлать вамъ подарокъ!

— Деньгами?

— Ну, да, что же онъ тогда дѣлаетъ?

— Хмъ! онъ отдаетъ, вѣроятно, приказаніе кому нибудь изъ своихъ министровъ или камергеровъ...

— Та, та, та!—перебилъ меня Сойе,—нѣтъ милый другъ, у насъ это не такъ дѣлается: императоръ пишетъ кому-нибудь изъ крупныхъ негоціантовъ, или же для большей увѣренности въ томъ, что приказаніе его будетъ исполнено, лично вручаетъ извѣстную сумму этому господину, который обязуется передать ее тому лицу, кому она предназначена.

— Но сознайтесь, однако, что это способъ довольно страный!

— Ничуть, напротивъ, способъ самый простой и главное весьма логичный. Гг. камергеры вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ довѣряютъ болѣе или менѣе крупныя суммы, ухитряются почти всегда сдѣлать такъ, чтобы эта сумма уменьшилась по крайней мѣрѣ на одну треть, а то и

на половину, но бывали случаи, когда то лицо, кому сумма предназначалась, никогда не узнавало о томъ, что оно имѣло получить что либо.

— Это, конечно, весьма печально, но что бы вы ни говорили, а я придерживаюсь того мнѣнія, что принять эти деньги прямо не прилично!

Разговоръ какъ то перешелъ на другую тему, а этотъ вопросъ былъ заброшенъ.

Г-нъ Сойе отобѣдалъ со мной, а вечеркомъ зашли еще кое-кто и мы провели время не замѣтно и весьма пріятно.

Когда мы расходились, г-нъ Лиденъ сказалъ мнѣ самымъ теплымъ, дружественнымъ тономъ.

— Послушайте меня, поѣзжайте вы завтра къ этому господину и примите предназначенную для васъ сумму. Не упорствуйте въ вашемъ гордомъ намѣреніи, вы этимъ обидите и оскорбите императора, который былъ до сихъ поръ такъ милъ и такъ добръ по отношенію къ вамъ!

— Я подумаю объ этомъ, сказалъ я,—мнѣ очень бы не хотѣлось огорчить императора, онъ былъ всегда такъ добръ ко мнѣ!

— Ну, что?—спросилъ г-нъ Лиденъ, когда вышелъ по утру изъ своей комнаты.

— Я рѣшилъ послѣдовать вашему доброму совѣту и тотчасъ послѣ завтрака отправлюсь въ улицу Квинтанда тѣмъ болѣе, что сегодня суббота, а въ понедѣльникъ я, какъ всегда, думаю ѣхать въ Санъ-Кристобаль.

— Браво!—воскликнулъ Лиденъ, пожимая мнѣ руку.

Руа Квинтанда, длинная, чрезвычайно узкая улица, вѣчно загроможденная всякаго рода повозками, тачками и телѣжками, очень грязная и зловонная. Это центръ торговли кожами, сушеной рыбой, сушеннымъ мясомъ и т. п. Здѣсь совершаются громадные торговые обороты на всякаго рода товаръ, привозимый со всѣхъ концовъ свѣта.

Остановившись передъ № 117, я вошелъ въ громадный магазинъ, или вѣрнѣе складъ, имѣвшій до 60 метровъ глубины, почти совершенно темный и до того загроможденный

всякаго рода товаромъ, что положительно негдѣ было ступить.

Ко мнѣ подошелъ высокій господинъ лѣтъ сорока. Несмотря на нѣкоторую халатность, наружность его была довольна симпатична. Онъ вѣжливо провелъ меня между тюками и ящиками различной величины и различнаго вида, и, предложивъ мнѣ стулъ, освѣдомился чему онъ обязанъ честью видѣть меня у себя.

Я досталъ изъ бумажника и подалъ ему письмо, полученное мною наканунѣ.

Бросивъ бѣглый взглядъ на этотъ клочекъ бумаги, онъ обратился ко мнѣ со словами.

— Я васъ ждалъ,—сказалъ онъ,—хотя посланный мною къ вамъ человѣкъ и не засталъ васъ, насколько мнѣ извѣстно.

— Да, я вернулся очень поздно; но могу я узнать, какому счастливому обстоятельству долженъ приписать честь вашего знакомства?

— Для меня это несравненно большая честь!—отвѣтилъ онъ, раскланиваясь Я со своей стороны отвѣтилъ ему тѣмъ же.

Надо замѣтить, что бразильцы народъ чрезвычайно вѣжливый: это настоящая квинтъ эссенція вѣжливости.

— Императоръ,—продолжалъ онъ—поручилъ мнѣ вручить вамъ сумму въ милліонъ рейсовъ. Конечно, рейсы не франки—но все же милліонъ остается милліономъ.

— Слава Богу, что рейсовъ!—невольно воскликнулъ я.

— Почему же слава Богу?

— Потому что милліонъ рейсовъ составляетъ уже 2,500 франковъ, если не ошибаюсь, и такая благодарность уже весьма тяжела для меня; посудите, что же было бы со мной бѣднымъ, если бы мнѣ пришлось несть благодарность въ милліонъ! Вѣдь я подломился бы подъ такою тяжестью и на вѣрное умеръ бы на мѣстѣ отъ апоплексіи!

Несмотря на свою непоколебимую серіозность, почтенный негоціантъ не могъ удержаться на этотъ разъ отъ смѣха:

вѣроятно, физіономія моя была крайне комична въ этотъ моментъ.

Его смѣхъ былъ чѣмъ то столь необычайнымъ, что всѣ служащіе казались сильно встревоженными, переглядывались между собой, искоса поглядывая на своего принципала; очевидно, эти люди, заподозрили, что ихъ патронъ вдругъ лишился разсудка.

— Ну,—сказалъ онъ,—теперь вижу, что меня не обманули.

— Я васъ не понимаю!

— Видите-ли, милостивый государь, я не зналъ вашего адреса, но мнѣ какимъ то образомъ было извѣстно, что вы прибыли въ Ріо на кораблѣ Компаніи Товарищества Грузовщиковъ.

— А, теперь я понимаю, вы обратились къ г-ну Лёйба!

— Да, онъ поспѣшилъ, конечно, сообщить мнѣ вашъ адресъ и при томъ добавилъ, что вы прелестнѣйшій собесѣдникъ, весельчакъ, съ которымъ никогда не можетъ быть скучно, и теперь я вижу, что Лейба сказалъ правду.

Мы поговорили съ нимъ еще нѣсколько минутъ; затѣмъ я далъ ему росписку въ полученіи денегъ, засунулъ врученную мнѣ пачку ассигнацій въ карманъ пальто, откланялся и, пожавъ уважаемому негоціанту руку, вышелъ изъ его магазина.

Когда я разсказалъ Лидену обо всемъ происшедшемъ, тотъ мнѣ сначала было не повѣрилъ, до того прочно установилось у всѣхъ убѣжденіе, что почтеннаго негоціанта ничѣмъ нельзя разсмѣшить, что онъ даже совершенно лишенъ способности смѣяться какъ другіе люди.

Въ воскресенье я оставался цѣлый день одинъ; вся семья Лидена поѣхала на цѣлый день за городъ. Обѣдалъ я также одинъ и мнѣ прислуживала Ева, молоденькая негритянка—раба, прекраснѣйшая дѣвушка, чрезвычайно преданная семьѣ Лиденъ. Это преинтересный и преоригинальный типъ.

Вечеромъ ко мнѣ зашли Депре́ и Жемсъ и мы отлично

провели время, которое въ ихъ миломъ обществѣ летѣло незамѣтно.

Въ одиннадцать часовъ они ушли, а я забрался въ свою комнату и сталъ приводить въ порядокъ свои замѣтки и записки.

XIII. Кое какіе памятники.

Когда я въ понедѣльникъ въ обычный часъ явился въ Санъ-Кристоваль, императоръ встрѣтилъ меня весьма любезно, освѣдомился о томъ, что я дѣлалъ за это время и все-ли попрежнему доволенъ моимъ пребываніемъ въ Ріо.

Я воспользовался случаемъ и началъ благодарить императора самымъ сердечнымъ образомъ и кстати далъ понять, что несравненно болѣе счастливъ тѣмъ, что мой подарокъ понравился императору, чѣмъ всѣми возможными въ мірѣ вознагражденіями. При этомъ я добавилъ, и это было вполнѣ искренно,—что на всегда сохраню неизгладимое воспоминаніе о добромъ и милостивомъ ко мнѣ отношеніи Его Величества.

Императоръ привѣтливо улыбнулся и все было сказано. Но признаюсь, мнѣ было тяжело и непріятно: это вознагражденіе деньгами за подарокъ казалось мнѣ обиднымъ и задѣвало мое самолюбіе.

Поговоривъ еще нѣсколько минутъ, я попросилъ императора назначить день и часъ, когда ему будетъ угодно почтить своимъ присутствіемъ мою публичную лекцію и получивъ согласіе, откланялся, сѣлъ въ ожидавшую меня коляску и поѣхалъ обратно въ Ріо.

Тюрьма приходилась какъ разъ на моемъ пути, я приказалъ своему возницѣ остановиться и вошелъ въ главный подъѣздъ исправительнаго дома, какъ въ Бразиліи называютъ всѣ тюрьмы.

Я спросилъ директора и на отвѣтъ, что онъ у себя, по-

просилъ одного изъ служащихъ передать ему мою карточку.

Не прошло и пяти минутъ, какъ ко мнѣ вышелъ господинъ лѣтъ сорока, роста немного выше средняго, съ умнымъ, энергичнымъ лицомъ и предложилъ мнѣ свои услуги самымъ любезнымъ образомъ.

Я поблагодарилъ его и въ сопровожденіи этого милаго господина обошелъ всю тюрьму. Это громадное зданіе, похожее скорѣе на виллу чѣмъ на тюрьму; со всѣхъ сторонъ оно окружено газонами, цвѣтниками, деревьями и, мнѣ кажется, трудно представить себѣ, чтобы это привлекательное жилище служило обиталищемъ для самыхъ лютыхъ бандитовъ Бразиліи.

Даже покойницкая, куда временно выносятъ умершихъ бандитовъ, построена среди густыхъ, тѣнистыхъ деревьевъ, укрывающихъ это маленькое строеніе въ своей тѣни. Здѣсь, въ Бразиліи, придерживаются системы полу-американской, полу-французской—системы смягченнаго одиночнаго заключенія.

Внутреннее расположеніе тюрьмы превосходно; камеры большія, свѣтлыя, прекрасно вентилированныя, устроенныя на манеръ камеръ въ Мазасѣ.

Каждая изъ камеръ сообщается съ кабинетомъ директора электрическимъ звонкомъ и телефономъ.

Работы производятся сообща въ большой свѣтлой прекрасной залѣ поразительной чистоты и опрятности.

Полнѣйшее безмолвіе здѣсь обязательно.

Главнѣйшія мастерскія этой тюрьмы: портняжная, брошюровочная и переплетная, мозаичныхъ работъ и еще нѣкоторыя другія.

Пища достаточная и здоровая.

Всѣ работы, выходящія изъ исправительнаго дома, очень цѣнятся и на нихъ постоянно существуетъ большой спросъ. Я полагалъ, что успѣлъ уже осмотрѣть все, когда любезный директоръ тюрьмы сказалъ мнѣ:

— Я попрошу васъ сюда, здѣсь вы увидите самыхъ

опасныхъ, самыхъ серьезныхъ преступниковъ; все это по большей части убійцы, совершившіе по нѣскольку убійствъ при самыхъ возмутительныхъ условіяхъ, или-же поджигатели, словомъ, самые отъявленные негодяи, на исправленіе которыхъ весьма трудно разсчитывать.

Директоръ отомкнулъ дверь съ тремя засовами и самъ вошелъ первый. Я послѣдовалъ за нимъ.

Прежде всего намъ представился родъ большого сарая, а затѣмъ совершенно открытое песчаное мѣсто—довольно большая площадка, на которой до сотни преступниковъ въ глубокомъ безмолвіи обтачивали камень, высѣкали плиты и т. п. подъ надзоромъ двухъ сторожей, не имѣвшихъ при себѣ на виду никакого оружія.

Когда кто-либо изъ заключенныхъ совершалъ преступленіе противъ правилъ тюремнаго порядка, его лишали работы, и онъ оставался одинъ въ своей камерѣ, не видя рѣшительно никого въ продолженіи недѣли, а иногда и двухъ.

Директоръ увѣрялъ меня, что всѣ ужасно боятся этого наказанія, и оно вполнѣ достаточно, чтобы удержать заключенныхъ въ порядкѣ и повиновеніи.

Очевидно, г-нъ директоръ отлично понимаетъ свое дѣло и императоръ вполнѣ довѣряетъ ему.

Осмотрѣвъ тюрьму, директоръ пригласилъ меня къ себѣ на квартиру, гдѣ намъ подали прохладительныя; пробывъ у него съ четверть часа, я распрощался и уѣхалъ домой.

На другой день я отправился въ Ботафаго. Самая деревушка весьма не привлекательна, домики по большей части отличаются архитектурой въ китайскомъ вкусѣ, т. е. совершенно нелѣпой, но видъ на заливъ превосходенъ и я, пожалуй, понимаю пристрастіе жителей Ріо къ этой деревенькѣ. Воздухъ прекрасный, здѣсь съ особеннымъ наслажденіемъ можно вдыхать подъ вечеръ живительный морской вѣтерокъ.

Я посѣтилъ также домъ умалишенныхъ, зданіе очень

обширное, красивое и превосходно устроенное. Леченіе происходитъ по системѣ докторовъ Пинсля и Эскиросъ.

Отдѣльныя камеры, а также и общія чрезвычайно удобны и обставлены прекрасно, вездѣ царитъ образцовый порядокъ и чистота.—Существуютъ двѣ отдѣльныя половины, мужская и женская. Здѣсь также есть мастерскія, гдѣ выдѣлываютъ прекраснѣйшія вещи чрезвычайно изящныя.

Я присутствовалъ при обѣдѣ женщинъ, а затѣмъ и мужчинъ; столовыя прекрасныя, большія и свѣтлыя.

Обѣдъ проходитъ въ совершенномъ молчаніи. За больными присматриваютъ и ухаживаютъ монахини.

Я разговаривалъ въ продолженіи 20 минутъ съ однимъ очень буйнымъ помѣшаннымъ, который однако говорилъ разумно и, казалось, былъ человѣкомъ съ большими знаніями.

Затѣмъ я видѣлъ тамъ француза священника, очень буйнаго; онъ весь увѣсился четками и угрюмо молчалъ; говорятъ, что фанатизмъ довелъ его до умопомѣшательства.

Выше было упомянуто о монахиняхъ сидѣлкахъ; онѣ француженки и успѣли стать ненавистными для всѣхъ вслѣдствіе узости своихъ взглядовъ, своего властнаго характера и глупаго фанатизма.

Говорятъ, что леченіе шло бы несравненно успѣшнѣе, если бы эти женщины не вмѣшивались безо всякой надобности во всѣ распоряженія врачей.

Говорю только то, что слышалъ, самъ-же я не могъ въ продолженіе какихъ нибудь двухъ часовъ времени составить никакого сужденія объ этомъ вопросѣ, и даже весьма мало ознакомился съ администраціей больницы.

Но я замѣтилъ нѣчто такое, что возмутило меня до глубины души; эти монахини позволяли себѣ безъ зазрѣнія совѣсти продавать въ свою пользу работы больныхъ, вмѣсто того, чтобы отдавать эти деньги родственникамъ несчастныхъ. Мало того, что онѣ продаютъ эти работы за очень высокую цѣну въ магазины города Ріо, но еще кромѣ того устраиваютъ въ самой больницѣ постоянную выставку этихъ художественныхъ произведеній, прельщая ими посѣтителей

и почти навязывая имъ эти вещи за непомѣрно высокія цѣны. Это положительно отвратительно, и я увѣренъ, что если-бы правительство знало объ этомъ, оно навѣрное воспретило-бы этотъ торгъ.

Выйдя изъ больницы умалишенныхъ, я направился въ институтъ глухо-нѣмыхъ; онъ находился какъ разъ на моемъ пути въ самомъ Ботафаго. Мнѣ пришлось пройти всего нѣсколько шаговъ.

Это столь полезное учрежденіе прекрасно содержится, но къ сожалѣнію здѣсь придерживаются нѣмецкой системы: поражать предварительно зрѣніе больнаго тѣмъ предметомъ, названіе котораго его хотятъ заставить заучить. Это имѣетъ то неудобство, что нѣмые могутъ знакомиться исключительно съ тѣми предметами, которые можно указать имъ наглядно, тогда какъ все остальное остается мертвою буквой для нихъ. Къ сожалѣнію, этотъ институтъ имѣетъ весьма мало питомцевъ. Несмотря на всѣ усилія и старанія Бразильскаго правительства, бразильцы весьма неохотно отдаютъ сюда своихъ глухонѣмыхъ дѣтей, потому что предубѣждены противъ этого столь полезнаго учрежденія глупыми наущеніями и толкованіями своего духовенства и монаховъ.

Это тѣмъ болѣе жаль, что директоръ училища человѣкъ чрезвычайно образованный и настоящій филантропъ, преданный всей душой своей трудной задачѣ.

Лекцію свою я читалъ въ одной изъ залъ народной школы. Я не зналъ, что въ Ріо публичныя лекціи всегда бываютъ безплатными, и поступилъ такъ, какъ это дѣлается въ Парижѣ. Кромѣ того я былъ ужасно не въ ударѣ: уже два дня какъ я былъ совершенно боленъ, а кромѣ того въ томъ же самомъ помѣщеніи и одновременно со мной читалась кѣмъ-то еще другая публичная лекція, безплатная.

Публика собиралась медленно, но все-же ряды по немногу заполнялись. Ровно въ шесть часовъ прибылъ императоръ съ императрицей и со своей свитой; благодаря его присутствію аплодисментовъ не могло быть. Чтеніе прошло холодно, безжизненно; впечатлѣніе, вынесенное мной, было

*

крайне непріятное и тяжелое. Мало того въ извѣстный моментъ мнѣ сдѣлалось такъ худо, что я принужденъ былъ прервать лекцію, а оправившись, скомкалъ ее кое-какъ,— и на этомъ дѣло кончилось.

Нѣсколько дней спустя мой добрый пріятель г-нъ Дело вручилъ мнѣ нѣсколько сотенъ франковъ; это былъ чистый сборъ отъ моей лекціи за покрытіемъ всѣхъ необходимыхъ расходовъ.

Я поблагодарилъ его, но это была моя послѣдняя публичная лекція въ Ріо.

Спустя нѣсколько дней я принялъ участіе въ прекрасной, фантастической прогулкѣ, если можно такъ выразиться. Мы ѣздили на Тихука.

Насъ было всего человѣкъ двѣнадцать въ томъ числѣ г-нъ Викторъ, редакторъ *Газетта-де-Нотиціасъ*, г-нъ Дело, редакторъ *Бразильскаго Курьера*, г-нъ Гумбертъ и еще человѣкъ пять молодыхъ бразильцевъ, весьма милыхъ, любезныхъ и прекрасно воспитанныхъ молодыхъ людей.

Тихука очень высокая гора, съ успѣхомъ замѣняющая для жителей Ріо Булонскій лѣсъ Парижа.

Сначала мы сѣли въ трамвай, который подвезъ насъ къ самому подножью этой горы; а здѣсь ожидали коляски, запряженныя четверкой прекрасныхъ муловъ. Размѣстившись въ экипажахъ, мы галопомъ помчались въ гору; эти животныя, точно крылатыя, мчатъ во весь опоръ, не смотря на очень крутой подъемъ; впрочемъ, дорога здѣсь прекрасная, отлично содержимая, широкая и ярко освѣщенная газовыми рожками съ правой и съ лѣвой стороны. По пути вамъ нерѣдко попадаются маленькія деревушки; кое гдѣ виднѣются запрятанныя въ чащѣ лѣса виллы; все это крайне живописно и прелестно тѣмъ болѣе, что по обѣ стороны дороги лѣсъ остался совершенно дѣвственнымъ, никто не прилизывалъ, не подстригалъ и не уродовалъ его на свой ладъ, его оставили такимъ, какимъ онъ вышелъ изъ руки Создателя своего, разчистивъ немного вправо и влѣво, чтобы дать дорогу проѣзжающимъ.

На одномъ изъ поворотовъ экипажи наши вдругъ неожиданно остановились.

— Взгляните!—сказалъ мнѣ Дело.

— Я обернулся; передо мной разстилался во всей красѣ заливъ Ріо. Видъ былъ по истинѣ феерическій, нигдѣ я не встрѣчалъ ничего болѣе прекраснаго въ отношеніи пейзажа.

Мы двинулись дальше все тѣмъ же аллюромъ. Минутъ двадцать спустя экипажи опять остановились.

— Ну, теперь вылѣзайте!—сказалъ докторъ Курти.

— Зачѣмъ? мнѣ такъ удобно въ коляскѣ.

— Да, можетъ-быть, я вамъ охотно вѣрю, но остальную часть пути намъ придется сдѣлать пѣшкомъ!

— Эхъ, чортъ возьми!—воскликнулъ я,—зачѣмъ намъ непремѣнно идти пѣшкомъ?

— Дорога становится слишкомъ узкой для экипажа.

— Но куда же мы, собственно, ѣдемъ?

— Мы ѣдемъ завтракать другъ мой!—сказалъ мнѣ г-нъ Викторъ.

— Такъ вы бы сразу мнѣ это сказали!—отвѣтилъ я, смѣясь и вылѣзая изъ экипажа, послѣ чего всѣ мы двинулись въ путь по узкой лѣсной тропинкѣ, извилистой и темной, какъ настоящая тропа индѣйцевъ.

Вдругъ г-нъ Викторъ громко вскрикнулъ,—и я увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ него превосходнѣйшую змѣю, длинною приблизительно въ два метра, совершенно безобидной, впрочемъ, породы.

Прекрасное пресмыкающееся граціозно переползало дорогу.

Сколько я ни кричалъ Виктору „оставьте это бѣдное животное, оно совершенно безвредно“,—сколько ни уговаривалъ его, онъ не внималъ мнѣ и всячески старался изловчиться убить змѣю, что ему, въ концѣ концовъ, и удалось.

Онъ явился къ намъ, хвастая результатами своей охоты но я вмѣсто отвѣта досталъ изъ бумажника свою членскую карточку общества покровительства животнымъ и объявилъ

что составляю на него протоколъ за убіеніе совершенно безвреднаго животнаго и приговариваю его къ уплатѣ штрафа въ видѣ трехъ бутылокъ шампанскаго.

— Право, это жестоко: изъ-за какой нибудь зеленой змѣи!

— Будь она хоть бѣлая, это было-бы безразлично!— строго отвѣтилъ я.

Всѣ расхохотались.

— Ну, вотъ мы и на мѣстѣ!—сказалъ кто-то. Дѣйствительно, мы пришли, наконецъ, на виллу Моро.

Самъ владѣлецъ вышелъ на крыльцо встрѣтить насъ.

Эта вилла была по истинѣ царскимъ жилищемъ; повсюду блескъ, роскошь и богатство. Мы тотчасъ-же сѣли за столъ, потому что завтракъ былъ уже готовъ и ожидалъ насъ. Здѣсь кухня совсѣмъ иная, чѣмъ въ городѣ, въ улицѣ Овидоръ; блюда все тонкія, изысканныя, превосходно приготовленныя; вина дорогія, лучшія.

Завтракъ прошелъ чрезвычайно весело. Г-нъ Викторъ уплатилъ свой штрафъ съ видимымъ удовольствіемъ.

Послѣ кофе г-нъ Моро показалъ намъ всѣ свои владѣнія.—Мѣсто, принадлежащее къ его виллѣ, такъ велико, что иначе его назвать нельзя—это цѣлое помѣстье.

Простившись съ г-номъ Моро, мы отправились обѣдать къ Бокажу.

Этотъ Бокажъ, человѣкъ чрезвычайно богатый, такъ-же какъ и Моро, содержатель крупнаго ресторана. Онъ кромѣ того сдавалъ комнаты и квартирки людямъ, боящимся желтой лихорадки, преимущественно проѣзжимъ; эта страшная язва не разу не появлялась еще въ Тихука.

Обѣдъ ничѣмъ не уступалъ завтраку по качеству блюдъ и винъ, и всѣ присутствующіе были въ духѣ; всѣ были весело настроены; кромѣ того эта прогулка на Тихука дѣйствительно нѣчто безподобное, нѣчто такое, чему едва можно повѣрить, такъ это феерично и прекрасно. Это мѣсто прогулокъ заканчивается настоящимъ дѣвственнымъ лѣсомъ, которымъ здѣсь имѣли геніальную и вмѣстѣ практическую

мысль воспользоваться въ качествѣ образцоваго питомника различныхъ древесныхъ породъ и для этого не понадобилось ни большихъ затратъ, ни большой хитрости; деревья остались всѣ на своихъ мѣстахъ, на нихъ навѣсили только соотвѣтствующія этикетки.

Ресторатори Тихуки прекрасно кормятъ своихъ посѣтителей и ухаживаютъ за ними на славу, но въ моментъ, когда насталъ часъ расплаты за угощеніе и услуги, всѣмъ сдѣлалось не по себѣ.

За завтракъ и обѣдъ, не считая экипажей, намъ пришлось уплатить семьсотъ франковъ.

Это прекрасно, но ужъ черезъ-чуръ пересолено! Всѣ мы были того-же мнѣнія.

Когда мы, наконецъ, рѣшили возвратиться въ Ріо, было уже совсѣмъ темно.

Докторъ Курти и г-нъ Гумбертъ предпочли возвратиться верхами; имъ подвели полудикихъ степныхъ коней и они вскочили на нихъ. Но похвастаться имъ не пришлось, докторъ Курти въ особенности спѣшивался нѣсколько разъ и притомъ гораздо быстрѣе, чѣмъ-бы самъ того желалъ.

Спускъ съ Тихука въ особенности въ ночное время, когда вся дорога ярко освѣщена двойнымъ рядомъ газовыхъ фонарей, прелестенъ.

Наши экипажи подвезли насъ къ началу линіи трамваевъ, въ который мы тотчасъ-же перемѣстились изъ колясокъ, чтобы онъ довезъ насъ домой.

Мы прекрасно провели весь этотъ день, и въ одиннадцать часовъ я вернулся къ себѣ, правда усталый, но очень довольный проведеннымъ днемъ.

XIV. Посѣщеніе больницы Милосердія.—Благотворительный праздникъ въ пользу французскаго госпиталя.

Вскорѣ затѣмъ я посѣтилъ больницу Милосердія.

Въ Бразиліи всѣ больницы и госпитали носятъ это названіе.

Эта больница Милосердія—главный госпиталь въ Ріо. Не знаю, существуетъ-ли еще гдѣ-либо въ мірѣ другой, подобный прекрасный госпиталь. Не говоря уже объ его размѣрахъ и безупречной чистотѣ, госпиталь этотъ содержится такъ, что можетъ считаться образцомъ всѣмъ остальнымъ.

Госпиталь этотъ еще не оконченъ и врядъ ли его скоро окончатъ, потому что едва успѣютъ выстроить и докончить одинъ флигель, какъ начинаютъ уже строить другой, и такъ продолжается все время.

Впрочемъ въ этомъ отношеніи Бразильское правительство заслуживаетъ только одобренія за свою просвѣщенную филантропію.

Госпиталь построенъ на берегу моря и потому прекрасно вентилированъ, что чрезвычайно важно.

Чистота въ немъ чрезвычайная, доведенная, какъ мнѣ кажется, даже до крайнихъ предѣловъ.

Въ этомъ зданіи находится до 40 корридоровъ длиною до 200 метровъ. Въ тотъ моментъ, когда я посѣтилъ „Милосердіе", въ немъ находилось на излѣченіи 1,400 человѣкъ больныхъ, но въ немъ могло бы помѣститься вдвое большее число, причемъ все таки больница не была-бы переполнена.

Я желалъ осмотрѣть все подробно, потому что это по истинѣ грандіозное учрежденіе заслуживало полнаго вниманія, и, какъ мнѣ кажется, было единственнымъ въ своемъ родѣ.

Я три раза обходилъ госпиталь Милосердія и тѣмъ не менѣе убѣжденъ, что многое осталось еще неизвѣстно мнѣ.

Бѣльевое отдѣленіе, аптека, залы, общія и отдѣльныя комнаты, часовня, домовая церковь, кухни, клиника, различныя ванныя, зала совѣта, словомъ все, все рѣшительно грандіозно и великолѣпно.

Лучшіе врачи Ріо считаютъ за честь лѣчить въ этомъ госпиталѣ, гдѣ за больными имѣется самый образцовый уходъ.

Единственная тѣнь и въ этомъ учрежденіи—это мона

хини сидѣлки, которыя позволяютъ себѣ тиранить не только больныхъ своими вѣрованіями и религіозными убѣжденіями, но и всѣхъ служащихъ, даже врачей, наставленіями и указаніями которыхъ онѣ часто позволяютъ себѣ пренебрегать, дѣлая все по своему, какъ бы на зло.

Мнѣ говорили о нихъ люди достойные всякаго уваженія— выдающіеся врачи, крупные негоціанты, депутаты, словомъ, люди, которымъ нѣтъ интереса враждовать съ этими женщинами, которыя, по ихъ словамъ, стараются вредить всякому доброму дѣлу. За то онѣ возбуждаютъ всеобщую ненависть во всѣхъ классахъ бразильскаго общества.

Я долженъ признаться, что эти святыя женщины принимали меня съ вѣжливостью, въ которой чувствовалось столько же меду, сколько и уксуса; вѣроятно, онѣ угадали во мнѣ вольнодумца, свободно-мыслящаго человѣка и потому я убѣжденъ, что, будь это въ ихъ власти, вышвырнули-бы меня за дверь.

Разскажу объ одной характерной чертѣ этихъ милыхъ женщинъ, которую мнѣ случилось уловить.

Въ пріемной, гдѣ уважаемая настоятельница принимаетъ своихъ посѣтителей, висятъ двѣ лубочныя картинки, бьющіе въ глаза своей грубой мазней, своими нелѣпыми красками. Надъ ними значатся надписи такого рода: „Смерть грѣшника“, а надъ другой „Смерть праведника“.

На первой изъ нихъ несчастный грѣшникъ корчится, какъ будто его схватили колики. Изъ - подъ его кровати выглядываютъ черти со страшными рожами; а добрый ангелъ, въ образѣ прекрасной дамы, закрылъ лицо руками; по другую сторону изголовья злой демонъ нашептываетъ умирающему дурные совѣты, подмигивая въ то же время сатанѣ, который хохочетъ, держась за бока, при видѣ этой проклятой души, которую онъ сейчасъ поддѣнетъ на свою длинную вилу.

Другая картина изображаетъ праведника съ глуповатою рожей. Быть можетъ, художникъ умышленно изобразилъ его такимъ,—впрочемъ это не наше дѣло;—комната, понятно,

переполнена монахами и монахинями, священниками и разными духовными лицами. Добрый ангелъ умирающаго ликуетъ, между тѣмъ какъ злой духъ убѣгаетъ, преслѣдуемый пиньками; умирающій возвелъ очи къ верхушкѣ своего полога, а сквозь стѣну толпа праведниковъ, сподобившихся вѣчнаго блаженства, неистово трубитъ въ трубы въ нетерпѣливомъ ожиданіи этой праведной души, желая, вѣроятно, ускорить ея агонію своею музыкой.

Ну, не возмутительно-ли это? Не лучше-ли бы сдѣлали эти монахини, если бы удовольствовались просто облегченіемъ страданій больныхъ, порученныхъ ихъ уходу, безъ всѣхъ этихъ причитаній и поученій?!

Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ очень страннаго празднества, въ которомъ съ одинаковымъ рвеніемъ принимаютъ участіе Португальцы, Бразильцы, чернокожіе и метисы.

Это праздникъ Пресвятой Богородицы де-ла-Пенья или Fraquezia Iraja. Это великій праздникъ, величайшій изъ всѣхъ празднуемыхъ въ Бразиліи, а одному Господу извѣстно, какое множество праздниковъ подобнаго рода празднуется въ Бразиліи.

Торжественное празднество это происходитъ въ трехъ миляхъ отъ Ріо.

Нѣтъ надобности говорить, что во всѣхъ религіозныхъ празднествахъ и торжествахъ денежный вопросъ играетъ самую главную, самую важную роль для духовенства, а въ особенности для монаховъ.

Во все время празднованія и чествованія святыни, монахи прекрасно обдѣлываютъ свои дѣлишки: серебро и золото цѣлыми потоками притекаетъ въ ихъ ларцы.

Лѣстница въ триста семьдесятъ ступеней ведетъ вверхъ въ гору, къ часовнѣ, а немного выше стоитъ монастырь и церковь.

Богомольцы подымаются по этой лѣстницѣ на колѣняхъ и также на колѣняхъ обходятъ кругомъ часовни и вѣшаютъ свои ex-voto, не говоря о тѣхъ подаркахъ, которые они дѣлаютъ монастырю.

Но что особенно поразительно и чего я до сихъ поръ никогда не видалъ въ своей жизни, это то, что всѣ подарки, дѣлаемые богомольцами монастырю и церкви, тутъ-же продаются съ аукціона священниками и монахами тѣми-же лицамъ, которые принесли ихъ въ даръ.

И всѣ эти празднества переходятъ подъ конецъ въ дикую оргію. Возвращеніе богомольцевъ, пьяныхъ до самозабвенія, похоже скорѣе на послѣдній день карнавала, чѣмъ на возвращеніе паломниковъ. Одни возвращались въ колясках, другіе верхами мчались во весь опоръ, какъ бѣшеные, давя злополучныхъ пѣшеходовъ. Всѣ разукрашены и значками, и крестами, и кокардами, и розетками, прикрѣпленными къ тульямъ шляпъ, съ трещотками и хлопушками; всѣ пускали ракеты и петарды, не взирая на то, куда онѣ падаютъ.

Въ этотъ день богомольцы, большинство которыхъ главнымъ образомъ состоитъ изъ португальскихъ рабочихъ и негровъ, могутъ дѣлать все, что имъ вздумается, ихъ ни въ чемъ не стѣсняютъ.

Счастье, что эти люди по природѣ своей люди добродушные и честные, такъ что большой бѣды отъ этого не происходитъ. Въ часовнѣ, въ которой совершается паломничество, изображена подъ сводомъ купола громаднѣйшая ящерица. Бразильцы и Португальцы очень любятъ этихъ животныхъ, потому что, какъ увѣряютъ, ящерицы приносятъ счастье.

Выслушайте эту легенду.

Однажды,—это было очень давно,—одинъ крестьянинъ обрабатывалъ свое свое поле и вдругъ почувствовалъ, что его укусила въ ногу громадная ящерица.—Я разсказываю все это точно такъ я какъ слышалъ самъ.—Крестьянинъ зналъ отлично, что ящерицы не ядовиты, и потому не обратилъ вниманія на этотъ укусъ. Ящерица снова укусила его въ ногу, но онъ и на этотъ разъ не обратилъ вниманія; тогда ящерица укусила его въ третій разъ, а такъ какъ крестьянинъ не былъ скотиной—такъ говоритъ легенда—то заподозрилъ, что,

быть можетъ, эти три укуса громадной ящерицы что нибудь да значатъ такое, чего онъ не знаетъ.

Онъ поднялъ глаза и взглянулъ на громадную ящерицу, а та сказала ему нѣжнымъ голосомъ:

— Посмотри!

Въ тотъ-же моментъ громадная ящерица исчезла и вмѣсто нея недоумѣвающій крестьянинъ увидѣлъ прекраснѣйшую женщину, которая въ свою очередь сказала ему такимъ же нѣжнымъ голосомъ, какъ и въ первый разъ, когда была еще въ образѣ громадной ящерицы.

— Я пресвятая Богородица,—я здѣсь и во Франціи, въ Бретани.

Крестьянинъ не сталъ долго разсуждать, онъ повалился на брюхо, а затѣмъ, когда немного очнулся отъ своего потрясенія, вскочилъ на ноги и побѣжалъ разсказать о случившемся какому-то монаху, который тотчасъ же сталъ трубить о чудѣ.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ явилась громадная ящерица, построили часовню и слава этой часовни достигла вскорѣ громадныхъ размѣровъ.

Изъ всего этого я понялъ только то, что Богородица объявила, что она обитаетъ въ Бретани, т. е. во Франціи, что мнѣ было пріятно. Такова легенда о Богородицѣ Пенья; я писалъ ее подъ диктовку разсказчика для того, чтобы меня не обвинили въ томъ, что я ее придумалъ.

Такого рода вымыселъ могъ создаться только въ мозгу монаха или священника.

Эта легенда положительно идіотская, она доказываетъ только глубину человѣческой глупости.

Императоръ просилъ меня прочесть вторую публичную лекцію, я попробовалъ было уклониться, но онъ сталъ настаивать и мнѣ пришлось преклониться передъ его волей.

Между тѣмъ мой прекраснѣйшій пріятель докторъ Бриссей, видя, что все послѣднее время я чувствую себя очень дурно, хотя и выхожу, объявилъ мнѣ, что климатъ Ріо вре-

денъ для моего здоровья, и совѣтовалъ мнѣ уѣхать, какъ можно скорѣе.

Къ несчастію, обстоятельства сложились такъ, что мнѣ пришлось остаться еще дней десять. Я прочелъ свою вторую лекцію въ школѣ Глоріа.

На этотъ разъ было очень много публики, входъ былъ безплатный.

Вскорѣ послѣ того французская колонія въ Ріо устроила большой праздникъ съ благотворительною цѣлью, а именно, въ пользу сооружаемаго въ Ріо французскаго госпиталя. Программа празднествъ была заманчивая: предполагался большой концертъ и затѣмъ благотворительный базаръ, на которомъ французскія дамы, вообще чрезвычайно красивыя здѣсь, въ Ріо, должны были торговать въ качествѣ интересныхъ продавщицъ.

Праздникъ этотъ долженъ былъ состоятся въ казино флуминенъ.

Этотъ казино находится какъ разъ противъ городского сада.

Предсѣдатель и совѣтъ французскаго благотворительнаго общества очень желали присутствія императора и императрицы, но боялись, чтобы государь не отказалъ. Впрочемъ они жестоко ошибались: императоръ такъ добръ и такъ милостивъ, что, конечно, не захотѣлъ бы отказать тѣмъ болѣе, что очень расположенъ къ французамъ.

Я сказалъ все это этимъ господамъ и посовѣтовалъ имъ отправиться въ Санъ-Кристофъ, а они стали настаивать. чтобы я со своей стороны сказалъ объ этомъ Его Величеству. Я согласился.

Въ ночь я написалъ романсъ, который посвятилъ императрицѣ, а на другое утро поѣхалъ въ Санъ-Кристобаль. Вручилъ императору романсъ, я между прочимъ разсказалъ ему о празднествѣ, которое готовится французскою колоніей, при чемъ добавилъ, что былъ бы счастливъ, если бы мой романсъ былъ пропѣтъ въ присутствіи ихъ императорскихъ величествъ, и что предсѣдатель и члены

совѣта французскаго благотворительнаго общества, несмотря на страстное желаніе всей колоніи видѣть императора и императрицу на ихъ празднествѣ, не осмѣливаются явиться въ Санъ-Кристоваль, боясь получить отказъ.

Какъ я ожидалъ, императоръ улыбнулся.

— Я очень радъ буду присутствовать на праздникѣ колоніи, но только надо, чтобы эти господа сами пригласили меня!—сказалъ онъ.

Я горячо благодарилъ императора за его милостивое согласіе и тотчасъ же вернулся въ Ріо, гдѣ меня съ нетерпѣніемъ ожидали представители французской колоніи. Я разсказалъ имъ все, какъ было,—и они тотчасъ же, не теряя ни минуту, отправились въ Санъ-Кристоваль, а нѣсколько часовъ спустя вернулись оттуда, очарованные ласковымъ и милымъ пріемомъ императора.

Недѣлю спустя состоялся праздникъ. Депутація, состоявшая изъ двадцати человѣкъ, избранныхъ колоніей для встрѣчи императора, ожидала его на лѣстницѣ.

Вслѣдъ за государемъ прибыла и императрица, и весь дворъ.

Военный оркестръ встрѣтилъ императора „Марсельезой", которая была прекрасно исполнена.

Предсѣдатель благотворительнаго общества встрѣтилъ императора нѣсколькими прочувствованными словами привѣтствія и затѣмъ проводилъ вмѣстѣ со всѣми депутатами колоніи до его мѣста.

Подлѣ императорскаго мѣста была поставлена статуя, окутанная флеромъ, такъ что трудно было узнать, что она изображаетъ. Программа концерта была весьма интересная; всѣмъ много апплодировали—публики было очень много.

По окончаніи концерта императору поднесли бронзовую статую, представлявшую собою аллегорическое изображеніе закона 28-го сентября 1871 года, (т. е. уничтоженіе рабства).

Фигура представляла собой молодого негра, изображеннаго во весь ростъ: голова была дѣйствительно прекрасна,

физіономія чрезвычайно живая, говорящая, выполнена весьма удачно, но корпусъ менѣе удаченъ, хотя въ общемъ статую все-таки можно назвать хорошей.

Говорятъ, что статуя эта работы одной молодой женщины-француженки, усыновленной графомъ Ріо-Бранко, человѣкомъ великаго ума и сердца.

Послѣ поднесенія статуи, встрѣченнаго императорскою четой чрезвычайно благосклонно и сердечно, императоръ и императрица обошли всѣ кіоски благотворительнаго базара, гдѣ сдѣлали много покупокъ, и затѣмъ удалились, довольные и улыбающіеся.

Праздникъ продолжался до пяти утра. Между бразильцами и французами царило самое трогательное единодушіе и согласіе; всѣ старались изо всѣхъ силъ содѣйствовать доброму начинанію.

Посвященный мною императрицѣ романсъ распродавался въ громадномъ количествѣ, не смотря на то, что въ сущности былъ довольно посредственный. Онъ далъ благотворительному обществу сборъ въ 578,000 рейсовъ, что составляетъ приблизительно 1,200 франковъ на французскія деньги.

По этому одному уже можно судить, какой сборъ дали лотереи и самый базаръ.

XV. Празднества.

Праздникъ французской колоніи омрачило одно крайне непріятное происшествіе, которое, однако, благодаря распорядительности комитета почти совершенно ускользнуло отъ вниманія приглашенныхъ.

Эта скверная штука заранѣе была подготовлена и умышленно приведена въ исполненіе однимъ изъ главнѣйшихъ оффиціальныхъ лицъ французской колоніи.

Одинъ изъ числа членовъ французскаго благотворительнаго общества, которому было поручено предсѣдателемъ

разсылать приглашенія, позволилъ себѣ адресовать одной знатной персонѣ письмо, хотя и вполнѣ вѣжливое, но носившее оффиціальный характеръ и не отличавшееся ничѣмъ отъ пригласительныхъ писемъ, разосланныхъ другимъ лицамъ. Но важная персона, считавшая себя несравненно выше обыкновенныхъ смертныхъ, пришла при полученіи этого приглашенія въ неописанную ярость.

Какъ! къ нему смѣли обращаться, какъ къ первому встрѣчному, точно онъ кое кто, а не высокая персона. Его ставили на одну доску съ каждымъ пролетаріемъ!

И онъ поклялся жестоко отомстить за нанесенное ему оскорбленіе.

Прежде всего онъ отослалъ обратно присланное ему приглашеніе и объявилъ, что не удостоитъ своимъ присутствіемъ праздника.

Предсѣдатель благотворительнаго общества, старый капитанъ дальняго плаванія, многое повидавшій на своемъ вѣку, только пожалъ плечами и пересталъ даже думать объ этомъ, не придавъ этому инциденту никакого значенія.

Но онъ не подумалъ о томъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Между тѣмъ этимъ господинъ, мы назовемъ его г-нъ X. обдумывалъ въ тиши своего кабинета адскій планъ своей мести.

На это потребовалось не мало времени, потому что человѣкъ онъ былъ не изобрѣтательный. Но Викторъ Гюго сказалъ гдѣ то, что подъ вліяніемъ озлобленія даже дуракъ, разъ въ своей жизни, можетъ быть уменъ.

Г-нъ X. блистательно подтвердилъ эти слова великаго поэта и писателя; онъ вдругъ вообразилъ, что выдумалъ чрезвычайно умную штуку и отъ радости принялся тереть руки съ такою силой и усердіемъ, что чуть не содралъ съ нихъ кожу и затѣмъ, какъ описано, выжидалъ минуты мщенія.

Вотъ что онъ изобрѣлъ: купивъ изъ третьихъ рукъ билетъ для входа на благотворительный праздникъ, онъ призвалъ своего повара, негра самой чистой породы, вырядилъ его во все свое старое платье, давно забытое гдѣ то

на дальней вѣшалкѣ, и вручивъ ему входной билетъ, приказалъ негру отправиться на благотворительный праздникъ и веселиться какъ можно больше—да къ тому же такъ, чтобъ это всѣмъ было замѣтно.

Негръ попытался было робко протестовать, но грозный Юпитеръ нахмурилъ брови,—и бѣдный слуга, покорно опустивъ голову, покорился его волѣ.

Однако тайна г-на X. стала извѣстной раньше времени предсѣдателю и нѣкоторымъ изъ членовъ совѣта благотворительнаго общества. И стала извѣстна по его собственной винѣ:

Удивленный тѣмъ, что вдругъ сталъ такъ уменъ, г-нъ X. не могъ устоять передъ искушеніемъ разсказать о томъ своимъ друзьямъ и знакомымъ: оно и не мудрено, вѣдь съ непривычки-то это удивительно и забавно.

И вотъ, вслѣдствіе этой похвальбы самъ онъ провалилъ дѣло.

Узнавшіе объ этой злобной штукѣ г-на X. члены благотворительнаго общества поджидали негра. Когда тотъ явился сіяющій и разряженный съ улыбкой во весь ротъ, его вдругъ подхватили, заперли въ дальнюю комнату и подвергли допросу.

Тотъ во всемъ признался. Никто не хотѣлъ причинить ему никакого зла, и потому, снявъ съ него допросъ, его отпустили съ миромъ домой, незамѣтно выпроводивъ его чернымъ ходомъ за дверь.

Все это было сдѣлано такъ ловко и такъ проворно, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, никто не узналъ объ этой постыдной исторіи.

Чтобы понять всю силу оскорбленія, нанесеннаго этимъ появленіемъ негра на праздникѣ колоніи, оскорбленія не только французской колоніи, но и присутствующему на празднествѣ императору, его августѣйшей супругѣ и всему двору, надо знать и помнить, что Бразилія страна, гдѣ еще существуетъ рабство со всѣми его предразсудками, гдѣ чернокожій ставится ниже всякаго животнаго. Поэтому ввести

негра въ общество бѣлыхъ есть величайшее оскорбленіе, какое только можно себѣ представить по мѣстнымъ понятіямъ.

Нѣсколько дней спустя я поѣхалъ въ Санъ-Кристобаль проститься съ императоромъ, который принялъ меня со своей обычной привѣтливостью и пытался было удержать еще на нѣкоторое время въ Ріо. Видя однако, что я все же намѣренъ покинуть его столицу, онъ выразилъ сожалѣніе по случаю моего отъѣзда; затѣмъ мы простились послѣ того, какъ императоръ дружески пожалъ мнѣ руку и пожелалъ счастливаго пути.

День моего отъѣзда изъ Ріо былъ уже близокъ; я захотѣлъ воспользоваться этими послѣдними днями, чтобы осмотрѣть знаменитый магазинъ Notre-Dame-de-Paris; это громаднѣйшій торговый домъ не уступающій своими размѣрами богатствомъ и роскошью парижскому Лувру и Бонъ-Марше—скажу одно, что главная входная дверь, двухстворчатая, зеркальная, и каждая отдѣльная половина представляетъ собою цѣльныя стекла въ пять аршинъ вышиною. Не буду говорить о дорогихъ картинахъ, прекрасныхъ скульптурахъ и богатыхъ коврахъ. Скажу только, что все купленное тамъ—прекрасно и не дорого.

Вообще впечатлѣніе, произведенное на меня Бразиліей, прекрасно. Большинство французскихъ путешественниковъ были несправедливы къ этой прекрасной странѣ, которая неоспоримо идетъ впереди всѣхъ другихъ странъ южной Америки, по пути прогресса.

Однажды по утру, часовъ около десяти, ко мнѣ пришли мои добрые друзья Дело и Викторъ редакторы „Бразильскаго Курьера“ и Газетта-де-Нотиціасъ“.

— Какими судьбами? Вы, конечно, позавтракаете со мной?—сказалъ я имъ.

— Нѣтъ, милый другъ,—отвѣтили они,—мы къ вамъ оффиціально.

— Хмъ! что это значитъ?

— Это значитъ, что я прошу васъ обѣдать.

— Но почему же такъ торжественно?

— А потому, что у меня будетъ кое-кто изъ нашихъ общихъ друзей журналистовъ и потому мнѣ особенно важно, чтобы вы не отказали отобѣдать съ нами.

Мы поговорили еще съ четверть часа и затѣмъ разстались, при чемъ я еще разъ обѣщалъ имъ, что буду непремѣнно въ понедѣльникъ къ 6-ти часамъ у Дело. Когда я вошелъ, всѣ остальные приглашенные были уже въ полномъ сборѣ. Столъ былъ накрытъ на 25 приборовъ. Такое сборище крайне удивило меня, я полагалъ, что насъ будетъ человѣкъ пять, шесть не болѣе—и вдругъ всѣ представители прессы собрались сюда, чтобы еще разъ доказать мнѣ свое расположеніе и проститься со мной.

Обѣдъ былъ превосходный и вина отличныя; разговоръ за столомъ, веселый и оживленный, не смолкалъ ни на минуту.

За дессертомъ было выпито очень много вина и провозглашено очень много тостовъ.

Послѣ кофе мы перешли въ другую комнату, служившую курительной, но я остался съ нѣсколькими друзьями въ столовой. Вскорѣ туда пришелъ Дело и сказалъ мнѣ, что и остальные друзья мои желали бы видѣть меня въ своемъ кругу. Я понялъ свою ошибку и тотчасъ же поспѣшилъ въ курильную комнату, гдѣ засталъ еще нѣсколько вновь прибывшихъ публицистовъ и журналистовъ, которые по разнымъ причинамъ не могли присутствовать на обѣдѣ, но желали со мной проститься.

Было около одиннадцати часовъ, я чувствовалъ себя весьма усталымъ, но никто, казалось, и не думалъ расходиться, а мнѣ, какъ виновнику всего этого торжества, конечно, нельзя было удалиться раньше другихъ.

Принесли пуншъ, разлили по стаканамъ, всѣ пили и чекались, какъ это дѣлали во Франціи.

Вдругъ, въ тотъ моментъ, когда никто того не ожидалъ, докторъ Курти и Дело потребовали молчанія.

Всѣ смолкли; докторъ Курти быстро сдернулъ салфетку,

лежавшую на столѣ вокругъ котораго всѣ мы группировались со стаканами въ рукахъ, раздалось громкое „ура!“,— и я увидѣлъ нѣчто такое, чего вовсе не ожидалъ. Радостное восклицаніе вырвалось у меня изъ груди; я выронилъ свою папиросу, увидавъ на столѣ прелестный альбомъ, на крышкѣ котораго была сдѣлана золотыми буквами надпись:

Густаву Эмару
отъ друзей его въ Ріо!

Затѣмъ стояли годъ и число.

Я—не чувствительнаго десятка и меня не такъ-то легко растрогать, но на этотъ разъ я до того былъ растроганъ, что слеза затуманила мнѣ глаза и я испыталъ то хорошее чувство, которое долго не забывается.

Я благодарилъ, запинаясь на каждомъ словѣ, даже не помню и не знаю, въ какихъ словахъ я это сдѣлалъ и что собственно сказалъ.

Меня не столько радовалъ подарокъ,—хотя онъ самъ по себѣ былъ прекрасенъ, а трогало это вниманіе комнѣ моихъ друзей. Альбомъ этотъ представлялъ собою собраніе видовъ Ріо, прекрасно снятыхъ художественной фотографіей.

Лучшаго подарка они не могли бы мнѣ сдѣлать.

Въ концѣ альбома было оставлено нѣсколько бѣлыхъ листовъ для того, чтобы на нихъ можно было написать нѣсколько словъ на память, что и было сдѣлано между тостами и чеканьемъ, поочередно всѣми присутствующими.

Около двухъ часовъ ночи мы стали расходиться. У меня было тяжело на душѣ, когда пришлось прощаться съ этими милыми людьми, которые такъ сердечно относились ко мнѣ съ самаго перваго момента моего прибытія въ Ріо.

11-го числа, какъ о томъ и было заявлено заранѣе, *Нигеръ*, превосходнѣйшій пароходъ французской компаніи, прибылъ рано по утру и всталъ на якорь вблизи угольныхъ складовъ.

„*Нигеръ*“ долженъ былъ покинуть Ріо 12-го числа, но почему то всѣмъ намъ, пассажирамъ, было заявлено, что онъ уйдетъ только 13-го вечеромъ. Я былъ даже отчасти радъ этой отсрочкѣ и воспользовался этимъ лишнимъ днемъ для того, чтобы обойти всѣхъ моихъ друзей и знакомыхъ и еще разъ проститься со всѣми.

Вернувшись домой уже подъ вечеръ, я сталъ укладывать свои вещи, какъ вдругъ, часовъ въ девять ко мнѣ въ комнату вошелъ старшій сынъ Лидена и просилъ меня сойти внизъ, потому что меня тамъ ожидали, какъ онъ сказалъ, нѣкоторые изъ моихъ друзей, желавшіе со мной проститься. Я послѣдовалъ за нимъ; вещи мои были уже почти уложены и времени у меня было еще много, чтобы докончить остальное.

XVI. Отъѣздъ изъ Ріо.

Большая зала г-на Лидена была положительно биткомъ набита; всюду кругомъ были только привѣтливыя улыбающіяся лица моихъ друзей. Сегодня ихъ собралось еще гораздо больше, чѣмъ вчера; были и дамы. Г-нъ Лиденъ положительно сіялъ отъ радости и удовольствія.

Это онъ созвалъ сегодня всѣхъ моихъ и своихъ друзей на римскій пуншъ.

— Я имѣю сказать вамъ нѣчто,—обратился онъ ко мнѣ,— теперь всѣму городу ужъ извѣстно, что вчера послѣ обѣда ваши и мои друзья расписались въ вашемъ альбомѣ. Они предложили и мнѣ сдѣлать то-же, что сдѣлали вчера гости г-на Дело.

— Но зачѣмъ-же весь этотъ фестиваль? Ваше пиво такъ превосходно, что нѣтъ никакой надобности въ римскомъ пуншѣ.

— Одно другому не мѣшаетъ; сейчасъ мы выпьемъ пиво, а часовъ въ 11 будемъ распивать пуншъ, который я лично хочу приготовить.

Принесли альбомъ и положили его на столъ.

Первымъ подошелъ Лиденъ и вписалъ въ него нѣсколько задушевныхъ строкъ. Затѣмъ и всѣ остальные, не присутствовавшіе на вчерашнемъ обѣдѣ, сдѣлали тоже.

Народу было такъ много, что даже въ громадномъ залѣ Г-на Лиденъ было тѣсно и душно; счастье еще, что можно было выдти въ садъ, гдѣ было прохладно и пріятно.

Часовъ въ десять пришолъ Жемсъ, этотъ талантливый молодой художникъ, о которомъ я уже не разъ упоминалъ, принесъ мнѣ на память маленькій пустячекъ, эскизъ, не болѣе того, но это въ полномъ смыслѣ этого слова шедевръ. Я былъ чрезвычайно радъ этому милому подарку.

Мы разошлись очень поздно ночью; никто изъ насъ не былъ пьянъ, но всѣмъ было весело, и все намъ казалось въ розовомъ свѣтѣ.

Въ заключеніе скажу еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ Ріо.

Такъ, напримѣръ, въ старыхъ кварталахъ города, домовладѣльцы строили свои дома какъ попало, нисколько не соображаясь съ планомъ улицы. Дома то выдвигались впередъ, то вдавались вглубь; то были обращены фасадомъ въ улицу, то бокомъ, то спиной и каждый отличался особымъ, своеобразнымъ типомъ; преобладающимъ являлся китайскій стиль построекъ.

Кромѣ того, въ старыхъ улицахъ Ріо вывѣски не приколочены къ стѣнамъ домовъ, а висятъ на проволокахъ или жердяхъ, перекинутыхъ съ одной стороны улицы на другую. Этотъ средневѣковый способъ,—весьма живописный, но при сильныхъ вѣтрахъ крайне опасный: вы все время можете опасаться, что вамъ свалится на голову вывѣска, вѣсящая отъ двухъ съ половиной и до трехъ пудовъ.

Улицы Ріо даже и въ новыхъ кварталахъ лишены воздуха, что порождаетъ всякаго рода эпидеміи и болѣзни тѣмъ болѣе, что почва болотистая; горю этому пособить не трудно, стоитъ только срыть гору, занимающую средину одного изъ

красивѣйшихъ кварталовъ города, что и предлагали сдѣлать искусные англійскіе инженеры.

Правительство лучше чѣмъ кто либо понимаетъ всю необходимость этого дѣла, имѣющаго такое громадное значеніе для оздоровленія города, но—духовенство, всесильное въ Бразиліи, не желаетъ допустить этого и накладываетъ свое veto исключительно, кажется, только для того, чтобы заставить уважать свою власть.

Дѣло въ томъ, что на вершинѣ этой горы построенъ монастырь, въ этомъ монастырѣ живутъ три монаха,—и вотъ, приходится ждать смерти этихъ трехъ засаленныхъ монаховъ, чтобы получить возможность сдѣлать что либо для оздоровленія города. Пусть населеніе мретъ, пусть свирѣпствуютъ самыя ужаснѣйшія болѣзни—все это ничто, лишь бы только не потревожить тѣхъ трехъ жирныхъ монаховъ, а одному Богу извѣстно, какъ долговѣчны всѣ эти монахи!

Бразильцы по большей части люди умные, развитые и образованные но, на столько лѣнивы и небрежны въ своихъ дѣлахъ, что вся торговля сосредоточивается главнымъ образомъ въ рукахъ португальцевъ.

Португальцы—это евреи Ріо и всей Бразиліи; они ничѣмъ не брезгаютъ и берутся за всякое ремесло лишь бы только оно было доходное.

Всѣ они по большей части пьяницы, обжоры, страшные хвастуны, злые и мстительные люди, неспособные ни на какое доброе чувство и притомъ отъявленные воры.

Понятно, что есть и исключенія; встрѣчаются и среди нихъ люди весьма почтенные; но, къ сожалѣнію, они очень рѣдки.

Въ Бразиліи я замѣтилъ одно явленіе, котораго не замѣчалъ нигдѣ въ Америкѣ: здѣсь образовался, благодаря скрещиванію различныхъ расъ, настоящій бразильскій народъ; это настоящіе сыны Бразиліи,—и теперь у бразильцевъ есть, дѣйствительно, родина.

Почти во всѣхъ странахъ существуетъ свой особый спо-

собѣ звать прислугу, извощиковъ, останавливать конки и т. п.—Здѣсь, въ Бразиліи, способъ этотъ чрезвычайно своеобразный и, очевидно, заимствованный у индѣйцевъ, нѣкогда очень многочисленныхъ въ Бразиліи: это—слабый свистъ, напоминающій свистъ змѣи и переходящій въ нѣчто похожее на чихъ. Звукъ этотъ, весьма слабый, вмѣстѣ съ тѣмъ слышится на очень дальнее разстояніе и притомъ не имѣетъ ничего рѣзкаго и непріятнаго.

Бразильская кухня отвратительна; подъ предлогомъ, что они будто-бы люди очень воздержанные, бразильцы ѣдятъ всякую гадость. Все это черное, темное, неопрятное и неудобоваримое.

И флора, и фауна Бразиліи чрезвычайно богаты,—упомяну здѣсь только о крошечной стрекозѣ, производящей своими крыльями такой шумъ, или вѣрнѣе свистъ, что въ первый разъ я принялъ этотъ шумъ за свистъ желѣзнодорожнаго паровоза. Вообще вредоносныхъ насѣкомыхъ, уничтожающихъ все, что попало, цѣлые мирріады. Отъ нихъ не знаешь, какъ избавиться; часто даже сундуки, околоченные кругомъ бѣлою жестью, не спасаютъ бѣлья и одежды отъ уничтоженія. Дикихъ звѣрей давно уже нѣтъ въ Бразиліи нигдѣ, кромѣ только глубины дѣвственныхъ лѣсовъ....

Провинціи Бразиліи я посѣтилъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя и отплылъ изъ Ріо въ Буэносъ-Айресъ, откуда вернулся въ Бразилію и объѣхалъ всѣ ея провинціи, но объ этомъ моемъ путешествіи я поговорю въ другой книгѣ, теперь же считаю за лучшее покончить на этомъ.

Отъ перев. Хотя въ настоящее время, вслѣдствіе революціи 1890 г., провозгласившей республику и изгнавшей императора, въ Бразиліи многое измѣнилось, но бытъ и нравы страны остались прежніе, а донъ Педро и въ изгнаніи, до самой смерти, не переставалъ пользоваться симпатіями бывшихъ своихъ подданныхъ. Причиною переворота было главнымъ образомъ недовольство, вызванное освобожденіемъ рабовъ (въ 1888 г.).